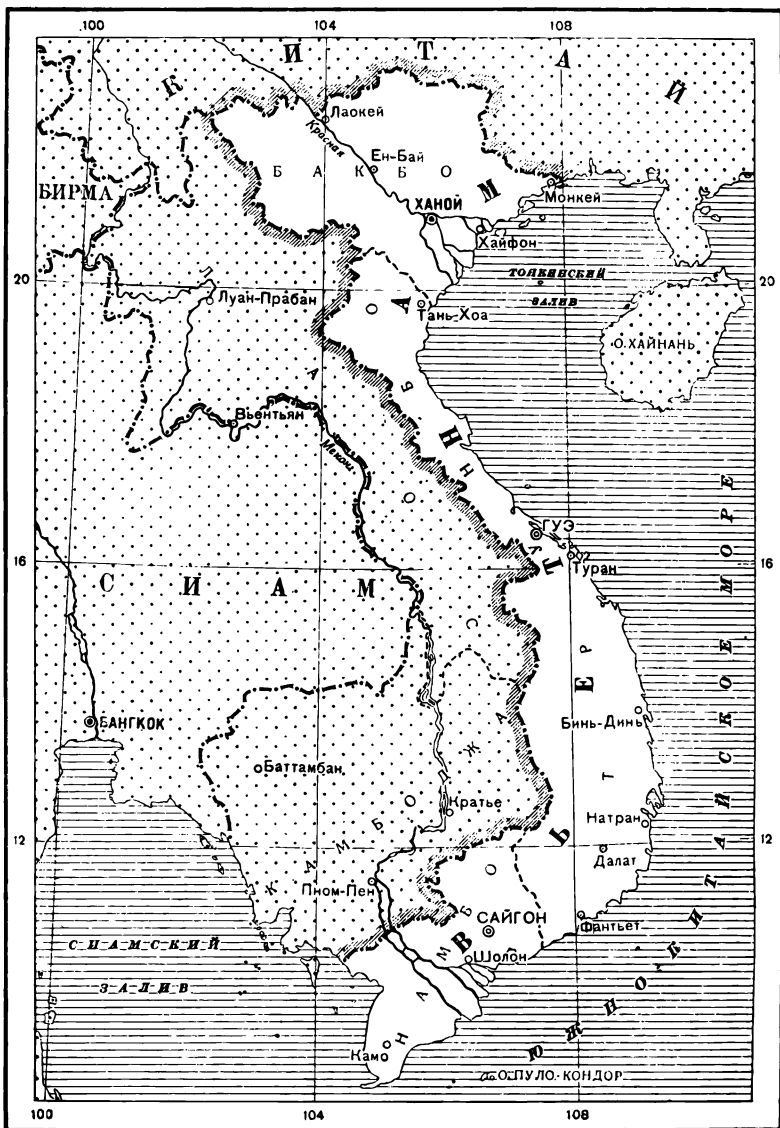

ПРАВДА О ВЪЕТ-НАМЕ

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

Правда О ВЬЕТ-НАМЕ

Перевод с французского
Г. ЕРЕМЕНКО и Ш. БОГИНОЙ

Вступительная статья
В. ВАСИЛЬЕВОЙ

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

LA VERITÉ
SUR
LE VIET-NAM

P A R I S

1948

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В докладе, посвященном 31-годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Молотов говорил:

«Теперь народы Азии пришли в движение, в котором все большую роль играют народно-освободительные силы... Устои империализма все больше разрушаются и становятся ненадежными. Одновременно с этим растут и спланиваются силы демократии, мира и социализма».

Республика Вьет-Нам, занимающая значительную часть территории Индо-Китая, идет в авангарде народов Юго-Восточной Азии, борющихся за свое национальное освобождение. В сентябре 1948 г. республика отпраздновала третью годовщину своего существования. Вьетнамский народ отмечал ее под грохот сражений. Три года существования республики были годами тяжелых испытаний, но в то же время и крупных побед вьетнамского народа на пути к освобождению. В трудной и сложной обстановке, в условиях колониальной войны, начавшейся немедленно после создания республики и длящейся по сей день, ведет вьетнамский народ борьбу за окончательное утверждение своей независимости. Героическая борьба вьетнамского народа находит широчайший отклик у всех, кому дороги интересы мира и безопасности во всем мире.

Вышедший в 1948 г. в Париже сборник «Правда о Вьет-Наме» разоблачает агрессивную политику французских империалистов в Индо-Китае и одновременно является выражением симпатий французской передовой интеллигенции к вьетнамскому народу, к его борьбе за свободу и независимость.

Читатель найдет в сборнике краткий очерк многовековой борьбы народа Вьет-Нама за национальную неза-

висимость против китайских, а в XIX и XX вв. против французских угнетателей. Сборник знакомит читателя с экономическим положением Индо-Китая до второй мировой войны. Но главное внимание авторы сборника уделяют истории Демократической республики Вьет-Нам с момента объявления ее независимости, героической борьбе ее народа, с оружием в руках отстаивающего свои права на свободное существование, большой созидательной работе, осуществляемой ее правительством в труднейших условиях. Многие статьи написаны на основании личных впечатлений авторов от поездок как в старый колониальный Индо-Китай, так и в Республику Вьет-Нам.

Вводная статья сборника написана прогрессивной французской журналисткой Андре Виолис. Она побывала в Индо-Китае после восстания 1930—1931 гг., воочию видела страдания народов Индо-Китая и жестокую расправу с ними французских колонизаторов. Она посетила индокитайские тюрьмы, куда были брошены вожди движения и тысячи людей, вся вина которых состояла в том, что они не хотели больше голодать. Виолис посетила фабрики и заводы, индокитайские деревни; везде она видела страшную нужду, нищету и голод. Она познакомилась с представителями местной интеллигенции, руководителями политических партий. Уже тогда ей было ясно, что нельзя подавить народ, в котором заложено такое непреодолимое стремление к свободе. В результате этой поездки Виолис написала книгу, в которой она обратилась к прогрессивной французской общественности с призывом: «Спасите Индо-Китай!»¹.

После почти столетнего хозяйничанья Франции в Индо-Китае эта исключительно богатая природными ресурсами страна с многочисленным трудолюбивым населением была низведена до роли поставщика риса, каучука и других видов сырья и продовольствия во Францию и на мировой рынок. Хозяйство Индо-Китая характеризовалось чрезвычайной технической отсталостью; будучи второй страной

¹ Viollis A., Indochine SOS! Annexes, Rapport au Conseil fédéral, Paris, 1935.

в мире по вывозу риса, Индо-Китай по урожайности находился на последнем месте среди стран, производящих рис. Индокитайское трудящееся население постоянно голодало. Оно подвергалось чудовишной эксплуатации и было лишено самых элементарных демократических прав. 85 % населения было неграмотно. На каждые 1000 деревень в Индо-Китае насчитывалось 1500 лавочек, торгующих водкой, в то время как начальных школ имелось только 10. Единственной целью французских монополистов, хозяйничавших в Индо-Китае, было получение огромных сверхприбылей. Действительным хозяином в стране являлся Индокитайский банк. С 1934 по 1944 г. «его величество Индокитайский банк» (как называет его Сенк-Марс, один из авторов сборника, в своей насыщенной фактами и цифрами статье) получил не менее 550 млн. франков прибыли. Французская колониальная администрация всегда была тесно связана с Индокитайским банком. В годы японской оккупации, когда население Индо-Китая вымирало от голода, французские финансисты вместе с японскими оккупантами занимались различными аферами и получали огромные прибыли.

В статье, посвященной истории народов, населяющих Вьет-Нам, профессор Буайе отмечает два важных факта:

1. Республика Вьет-Нам является наиболее значительной частью Индо-Китая, ибо населенные аннамитами три части страны: Аннам, Тонкин и Кокхингина, образовавшие республику, составляют по территории почти половину всего Индо-Китая, а по количеству жителей — четыре пятых. Численность населения двух остальных частей — Лаоса и Камбоджи — достигает всего лишь 3—4 миллионов человек. Вполне понятно, что французских империалистов охватило сильное беспокойство, когда они оказались перед фактом создания самостоятельной республики и перспективой потери своей богатейшей колонии.

2. Французские завоеватели на протяжении почти столетнего хозяйничанья в Индо-Китае прилагали все усилия, чтобы разделить аннамитский народ. С этой целью они установили в трех частях страны различные административные системы. И, однако, даже буржуазные историки вынуждены констатировать: «Народ, населяющий Аннам от гор Верхнего Тонкина до границ Камбоджи, это —

единый народ; единый как в этническом, так и в социальном и политическом отношении» (Шарль Госслен, «Аннамская империя»). Завоевателям не удалось разрушить это единство.

Профессор Буайе подробно описывает процесс формирования аннамитской нации и подчеркивает тесную экономическую связь и единство как в хозяйственном, так и в политическом отношении всех трех частей Вьет-Нама и приходит к выводу, что невозможно отрицать, а тем более ломать это национальное единство, как это пытался сделать прислужник французских монополистов — адмирал д'Аржанлье, создав в 1946 г. марионеточную «свободную Кохинхинскую республику».

* * *

В ряде статей описываются события англо-французской интервенции в Индо-Китае, события, которые навсегда войдут позорной страницей в послевоенную историю Французской республики и лейбористской Англии, взявшей на себя неблагоприятную задачу восстановления французского господства в Индо-Китае.

После капитуляции Японии южная часть Индо-Китая была оккупирована английскими войсками. Затем начали прибывать французские войска, численность которых быстро достигла небывалой в истории Индо-Китая цифры в 150 тыс. солдат и офицеров. Вскоре, однако, англичане, озабоченные подавлением все усиливающегося национально-освободительного движения в своих собственных колониях, начали выводить свои войска из Индо-Китая.

Правительству Республики Вьет-Нам прежде всего пришлось мобилизовать все силы народа и экономические ресурсы для борьбы с интервентами. В результате огромных усилий вьетнамского народа укрепилось военное положение республики. Она не только выдержала натиск англо-французских империалистов, снабжаемых американским оружием, не только оказывала и продолжает оказывать интервентами упорное сопротивление, но уже на протяжении длительного периода ведет успешные наступательные бои. На первых порах, когда еще недостаточно организованная вьетнамская армия противостояла объединенным англо-

французским силам (а также находившимся под английским командованием японцам), интервенты добились некоторых успехов. Они оккупировали значительную часть Кохинхины и заняли ряд крупных городов. Но после того, как были выведены английские войска и резко возросло сопротивление окрепшей вьетнамской армии, французская армия, состоящая в значительной степени из фашистских наемников, начала терпеть поражения. Французы вынуждены были пойти на переговоры с вьетнамским правительством. За переговорами последовало заключение предварительного соглашения от 6 марта 1946 г. и «модус вивенди» от 14 сентября 1946 г., которые были подписаны французским правительством в значительной мере под давлением французских народных масс. Главным пунктом этих соглашений было признание республики и прекращение военных действий. Однако французские империалисты вероломно использовали оба эти соглашения для того, чтобы подтянуть новые войска в Индо-Китай. Эти действия французского правительства вызвали возмущение французского народа и французской прогрессивной общественности, нашедшее свое отражение и в статьях сборника.

Немедленно после подписания соглашения от 6 марта 1946 г. французские империалисты искусственно расчленили Республику Вьет-Нам. Против желания аннамитского населения Кохинхина, без проведения референдума, предусмотренного соглашением, была оторвана от Тонкина и Аннама. Была создана так называемая «свободная республика Кохинхина» во главе с марионеточным правительством. Ответом вьетнамского народа была широкая партизанская борьба.

В конце 1946 г. французы возобновили военные действия на всей территории республики. «Дата 19 декабря 1946 г. вошла в историю Демократической республики Вьет-Нам как день национального траура, — говорится в сообщении вьетнамского Информационного агентства в связи со второй годовщиной национального сопротивления во Вьет-Наме. — В то же время она открыла одну из глав героической и славной борьбы нашего народа в защиту его независимости». Французские войска захватили Ханой — столицу республики, оттеснив республиканские

войска в горные районы. Но успехи французов оказались временными. Провалилось и наступление на севере Тонкина, начатое в октябре 1947 г. Этому наступлению, ставившему своей целью разгром штаба республиканских войск, французское командование придавало огромное значение. Сюда были стянуты лучшие силы французской оккупационной армии. Французский верховный комиссар Боллаэрт, инициатор этого похода, хвастливо утверждавший, что республика не сможет долго сопротивляться, был вскоре вынужден убедиться в обратном.

В результате двухлетней войны создалось следующее положение. В руках республиканцев находятся сельские местности и некоторые города; под контролем французов находится ряд крупных городских центров, а также некоторые районы горнодобывающей промышленности. Но хотя здесь сосредоточены их значительные силы, французы не чувствуют себя в безопасности. Президент Вьетнамской республики Хо Ши-мин в своем обращении к народу и войскам в связи с трехлетием республики заявил, что под властью республиканцев находится около 95 % территории Вьет-Нама с населением в 20 млн. человек, в то время как французы контролируют лишь 5 % территории с двухмиллионным населением.

Недавно верховное командование Вьет-Нама опубликовало коммюнике, содержащее итоги двухлетней национально-освободительной войны вьетнамского народа. За два года было уничтожено 71 300 французских солдат, ранено 63 тысячи, взято в плен 2500 и 8865 человек перешли на сторону Вьет-Нама. Французы потеряли в семь раз больше убитыми, чем вьетнамские войска. Вьетнамская армия захватила огромное количество военного снаряжения и боеприпасов. Таков итог двухлетней войны империалистических интервентов против вьетнамского народа.

Этот итог стал возможным благодаря тому, что республика сумела создать армию, которая в ходе почти непрекращающихся боев превратилась в крупную военную силу как в количественном, так и в качественном отношении. Регулярная армия Вьет-Нама насчитывает около 110 тысяч солдат и офицеров. В начале борьбы с англо-французскими интервентами ее вооружение состояло преимущественно из ножей и бамбуковых копий. В настоящее

время армия оснащена современным огнестрельным оружием, захваченным в боях с противником. Вместе с тем правительство Вьет-Нама организовало производство вооружения и боеприпасов. На заводах и в многочисленных мастерских, переключенных на военное производство, изготавливаются автоматы, минометы, противотанковые гранаты, мины и т. д.

Значительно выросла организованность движения сопротивления. Вся территория республики разделена на десять военных зон. Представители армии и партизанских отрядов регулярно собираются на совещания для обмена опытом и выработки дальнейших планов борьбы.

Республика смогла не только сформировать дисциплинированную и боеспособную армию и оснастить ее, но и выработать новую тактику, заключающуюся в сочетании действий регулярной армии с действиями многочисленных подвижных партизанских отрядов. Как армия, так и партизанские отряды опираются на поддержку подавляющего большинства населения. По существу, воюет весь народ.

* * *

Только укрепив оборону страны и устранив непосредственную угрозу голода, нависшую над республикой, демократическое правительство смогло приступить к разрешению наиболее важных народнохозяйственных задач. Интервенция японских, а затем французских империалистов поставила хозяйство Индо-Китая в тяжелое положение. Военные действия нанесли большой ущерб промышленным центрам, путям сообщения, портам, аэродромам и плантациям. До второй мировой войны Индо-Китай в среднем производил около 7 млн. т риса ежегодно и вывозил около 1,5—1,8 млн. т. После войны производство риса даже по официальным данным уменьшилось наполовину. В 1946 г. было вывезено всего 100 тыс. т риса, за первую половину 1947 г. — 125 тыс. т. В 1939 г. Индо-Китай вывез 65 тыс. т каучука; вся продукция 1947 г. составляла только 15—20 тыс. т. До войны из Индо-Китая вывозилось около 500 тыс. т кукурузы, в 1946 г. было вывезено 12 тыс. т. Вывоз угля составлял в довоенное время около 1800 тыс. т, в 1947 г. было вывезено лишь 48 тыс. т.

Продукция цемента составляла в 1939 г. около 300 тыс. т, а в 1946—1947 гг. — 30 тыс. т.

Важнейшим вопросом демократического строительства республики являлась реорганизация крайне расстроенной финансово-денежной системы. Демократическое правительство провело коренную денежную реформу, зафиксировав стоимость вьетнамского пиастра в золоте, что освободило его от зависимости от французского франка. Самостоятельное денежное обращение является одним из серьезных условий подлинной независимости страны. Финансовая политика правительства, проявляющаяся в ограничении выпуска денежных знаков, строгой экономии и создании твердого государственного бюджета, создает предпосылки устойчивости вьетнамского пиастра, которой никогда не было у индокитайского пиастра, связанного с французским франком. Хождение обесцененного индокитайского пиастра на территории республики запрещено. Правительство республики резко сократило расходы на государственный аппарат, реорганизовав и упростив его. Вместе с тем была реорганизована налоговая система, отменен подушный налог, всегда лежавший тяжелым бременем на трудящихся.

Правительство занялось восстановлением транспорта. Разруха на транспорте сильно мешала организации обороны республики и восстановлению ее экономики.

Правительство уделяет огромное внимание подъему сельского хозяйства, являющегося основой экономики Вьет-Нама. Широко пропагандируются агрономические знания. При министерстве земледелия создан специальный отдел помощи крестьянам. Наряду с предоставлением крестьянам денежных ссуд (так, в 1947 г. крестьянам было выдано 16 190 тыс. пиастров), государство оказывает им помощь предоставлением рабочего скота и минеральных удобрений. На 50% снижена арендная плата за землю и произведен передел общинных земель. В деревнях начали возникать кооперативные товарищества по совместной обработке земли.

Демократическое правительство много занимается организацией труда и быта рабочих. Принятый Национальным собранием кодекс законов о труде обеспечил трудящимся социальное страхование, оплачиваемый отпуск, охрану труда женщин и детей и т. д. Правительство способствует

развитию профессиональных союзов. Создана Всеобщая конфедерация труда Вьет-Нама, объединяющая 250 тыс. рабочих. Профсоюзы контролируют выполнение законов о труде через комитеты рабочих на заводах и комитеты служащих в учреждениях.

Конституция Вьет-Нама, принятая в ноябре 1946 г., предоставила вьетнамскому народу основные демократические права¹: она обеспечила ему участие в строительстве нового демократического государства.

Приводимый в приложении материал об организации сельских народных комитетов дает представление о низовых органах власти республики.

Говоря о демократических преобразованиях, совершающихся в республике Вьет-Нам, нельзя не остановиться на осуществляемом там культурном строительстве. Успехи, достигнутые в этом направлении благодаря усилиям демократического правительства и всего народа в целом, исключительно велики. Энергично проводится ликвидация неграмотности населения. По сообщению вьетнамского Информационного агентства, в Северном и Центральном Вьет-Наме за три года 6600 тыс. человек научились читать и писать. Во многих районах страны неграмотность ликвидирована полностью. В речи, произнесенной 8 сентября 1948 г. по случаю третьей годовщины со дня создания Управления по народному просвещению, его директор Нгуен Конг-май выразил надежду, что к 8 сентября 1949 г. неграмотность будет полностью ликвидирована по всей стране.

Сдвиги и достижения в области культуры, происшедшие в республике за три года ее существования, исключительно велики. На втором съезде по вопросам культуры Вьет-Нама, состоявшемся в июне 1948 г., были продемонстрированы успехи республики в этой области. На съезде присутствовало 200 ученых, писателей, журналистов и педагогов. Они приняли декларацию, в которой высказали свою единодушную поддержку правительству Хо Ши-мина. Отмечая, что «культура является действенным орудием

¹ Полный текст конституции напечатан в брошюре «Демократическая республика Вьет-Нам. Документы и материалы». Госиздат, Москва, 1948 г.

против иностранных захватчиков», декларация подчеркивает огромные сдвиги, которых добилось республиканское правительство в области распространения культуры за короткий срок. «В республике, — говорится в декларации, — формируется новый человек».

Действительно, по-новому трудятся рабочие Республики Вьет-Нам на тех фабриках, заводах и плантациях, которые находятся в руках республиканского правительства. Например, в первой и второй военных зонах Вьет-Нама рабочие добровольно отработали около 400 тыс. сверхурочных часов для увеличения военной продукции. Рабочие не только сами с энтузиазмом участвуют в движении сопротивления и в реконструкции страны, но и вовлекают широкие слои населения в движении «Тхи-Дуа-Ай-Куак» (патриотическое соревнование), объявленное правительством в целях мобилизации всех сил для сопротивления врагу и увеличения объема производства.

* * *

Задачи и дела подобного размаха и значения могут быть поставлены и осуществлены только народом, уже твердо идущим по пути к своему полному освобождению, народом, спаянным в борьбе и руководимым самым передовым классом — рабочим классом. Национальное единство народа выковывалось в борьбе с японцами и нашло свое выражение в создании уже в 1941 г. лиги Вьет-Нам-Док-Лап-Донг-Мин (Демократического фронта борьбы за независимость Вьет-Нама), или, сокращенно, лиги Вьет-Мин. Это — политическая организация, широкая коалиция всех прогрессивных политических партий, стоящих на позициях борьбы за полную независимость. Руководящую роль во Вьет-Мине играет индокитайская коммунистическая партия, которая была его организатором. Во Вьет-Мин вошли также «Партия нового Аннама», значительная часть членов «Национально-революционной партии», «Ассоциация революционной молодежи» и другие политические организации.

Всеобщие выборы в Национальное собрание, имевшие место в январе 1946 г., принесли полную победу Вьет-Мину, получившему 230 мест из 300. Однако в прави-

тельстве Хо Ши-мина представлены и другие политические партии, не вошедшие во Вьет-Мин, и беспартийные.

Решающим фактором в национально-освободительном движении в послевоенный период является огромный рост влияния коммунистов. Другой чрезвычайно важный момент — это укрепление союза рабочего класса и крестьянства Вьет-Нама.

Крестьянское движение, руководимое рабочим классом, приобретает массовый характер. Крестьянство на практике убеждается, что демократическое правительство республики идет по пути решительного улучшения его положения. Принятием законов об уменьшении арендной платы и переделе общинных земель республика делает первые шаги в направлении разрешения аграрного вопроса — одного из основных вопросов колониальной революции.

Все группы крупной буржуазии и помещиков помогают французским империалистам в их борьбе против Республики Вьет-Нам. Компрадорская буржуазия, которая и раньше была тесно связана и сотрудничала с французскими империалистами и наряду с помещиками являлась их опорой, в настоящее время также действует заодно с французскими оккупантами. К ней примыкают количественно незначительные слои крупной национальной промышленной буржуазии, а также всевозможные финансисты и дельцы, группирующиеся вокруг Индокитайского банка. В годы японской оккупации они сотрудничали с японцами. Сейчас они сотрудничают с французскими интервентами. Они используют тяжелое экономическое положение республики, продолжая всяческими спекуляциями увеличивать свои богатства. Что касается мелкой буржуазии и интеллигенции, то эти слои идут вместе с народом против империалистической интервенции.

Несмотря на существование отдельных, вставших на путь предательства националистических групп, являющихся выразителями интересов эксплуататорских, враждебных народу классов, наличие широкого и прочного национального единства в борьбе против французских империалистов является несомненным фактом, характеризующим положение во Вьет-Наме. В этом едином фронте руководящую роль играет рабочий класс во главе с коммунистами.

Политика французского империализма по отношению к Вьет-Наму определяется стремлением во что бы то ни стало удушить молодую, еще неокрепшую республику и восстановить здесь режим колониального угнетения. Французский монополистический капитал боится лишиться своей исключительно доходной колонии. Магнатам финансового капитала ясно, что создание и закрепление здесь народно-демократического строя коренным образом изменит положение. Ради сохранения своих сверхприбылей они ведут колониальную войну в Республике Вьет-Нам.

После отклонения правительством Вьет-Нама заведомо неприемлемых условий так называемого «мира», предложенных Францией в апреле 1947 г., французские колонизаторы пошли на новые провокации. Они решили вернуть во Вьет-Нам бывшего императора Бао-Дая, бежавшего в Гонконг и мечтавшего о реставрации Аннамской империи. Так как Бао-Дай, будучи аннамским императором, неизменно выполнял волю французских империалистов, последние вновь решили использовать его для восстановления своих утраченных позиций. Но поскольку возвращение Бао-Дая в административном, так сказать, порядке было бы слишком скандальным и могло вызвать всеобщее возмущение, было решено прибегнуть к новому трюку. Прежде всего французы попытались оаздуть сепаратистские настроения в разных частях Индо-Китая и направить их против Республики Вьет-Нам. Разным националистическим группам, специально сколоченным для этой цели, было предложено требовать возвращения Бао-Дая. Они сомкнулись с так называемым «Единым национальным фронтом Вьет-Нама», созданным в январе 1947 г. в Нанкине лидерами реакционных партий Куок-Зан-Данг и Донг-Мин-Хой, эмигрировавшими в Китай. Так создавалась «опора» для Бао-Дая в Индо-Китае. Затем было решено создать временное правительство генерала Нгуен Ксюана, ставленника Бао-Дая и послушного исполнителя воли французских империалистов. Создавая, при наличии законного, избранного народом, правительства Хо Ши-мина, марионеточное правительство, колонизаторы тщетно пытались ослабить мощный национальный фронт вьетнамского народа, подорвать силу его сопротивления.

Следующим шагом было подписание в начале июня 1948 г. так называемого «франко-вьетнамского соглашения» между «правительством» Нгуен Ксюана и бывшим верховным комиссаром Франции в Индо-Китае, Боллаэртом. По этому соглашению Франция вновь торжественно «признавала независимость» Вьет-Нама. Марионеточное правительство обязалось заключить с Францией различные соглашения по экономическим, военным, финансовым, культурным и другим вопросам. Помимо этого опубликованного соглашения было заключено другое, тайное соглашение, ставшее известным благодаря разоблачениям вьетнамской прессы. Основные пункты тайного соглашения сводятся к следующему:

1. Вьет-Нам не должен иметь самостоятельной финансовой системы. (Это означает прежде всего, что индокитайский пиастр вновь полностью будет зависеть от французского франка.)

2. Вьет-Нам не может вести самостоятельную внешнюю политику.

3. Вьет-Нам не может иметь своей армии. Вьетнамские полицейские силы должны находиться под контролем французов.

О какой же «независимости» может идти речь при наличии подобного соглашения?

Правительство Хо Ши-мина объявило Нгуен Ксюана изменником родины, а все заключенные им соглашения недействительными.

«Правительство» Нгуен Ксюана не за страх, а за совесть старалось помочь французским колонизаторам восстановить их ослабевшие за годы войны позиции в Индо-Китае. А из-за спины французов к Индо-Китаю жадно протягивают руку их заокеанские хозяева.

Империалистические круги в США проявляют исключительный интерес к странам Юго-Восточной Азии, богатым самым разнообразным сырьем. Индо-Китай их интересует также как чрезвычайно выгодная стратегическая позиция на Тихом океане.

О заинтересованности США в Индо-Китае говорится в заключительных статьях сборника. В них рассказывается о поездке в Индо-Китай в конце 1947 г. агента американского империализма Уильяма Буллита. Он был в Гонконге,

где в то время находился Бао-Дай, затем в Индо-Китае и, наконец, в Париже, где имел беседу с Рамадье, стоявшим тогда у власти. Хотя американская и французская пресса изображала поездку Буллита как «частную», однако сам Буллит в своей статье, опубликованной в журнале «Лайф» 29 декабря 1947 г., заявил, что она имела целью выяснить, какую роль США должны сыграть во франко-вьетнамской войне. Он обещал французскому правительству помощь в борьбе с демократическим Вьет-Намом.

Очевидно, с подобной же целью приезжал в ноябре 1948 г. в Индо-Китай американский сенатор Джордж Мэллон. Во время своего пребывания в Сайгоне он встретился с новым французским верховным комиссаром в Индо-Китае — Леоном Пиньоном, с генералом Нгуен Ксюаном, директорами банков и промышленными деятелями Индо-Китая. Разумеется, американским империалистам, подчинившим своему влиянию Францию, хотелось бы прибрать к рукам также и Индо-Китай. Для этого они прежде всего хотят расправиться с Республикой Вьет-Нам. Это представляет особую важность для них сейчас, когда старания их направлены на сколачивание азиатского агрессивного блока, который должен служить непосредственным продолжением северо-атлантического пакта и одной из важнейших задач которого является удушение национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Несомненно, в тесной связи с американской экспансионистской политикой в странах Юго-Восточной Азии, в том числе и в Индо-Китае, стоит факт упорного недопущения Республики Вьет-Нам к участию в работах Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока Организации Объединенных наций. Настойчивые предложения представителей Советского Союза в Экономическом и Социальном совете ООН о допуске Вьет-Нама и Индонезийской республики в Экономическую комиссию были вновь отклонены в августе 1948 г. англо-американским большинством.

Политика колонизаторов по отношению к Республике Вьет-Нам неизменно встречала поддержку французских правых социалистов. Вместе со всеми представителями реакции они голосовали за нее при обсуждении вьетнамского вопроса в Национальном собрании осенью 1948 г. Только

депутаты-коммунисты выступали против империалистической политики во Вьет-Наме. Они требовали аннулирования соглашения от 5 июня 1948 г. и возобновления переговоров с единственно законным правительством Хо Ши-мина.

В своем первом выступлении 25 ноября 1948 г. в Сайгоне Пиньон заявил, что «франко-вьетнамское соглашение» от 5 июня явится основой для дальнейших переговоров между французами и индокитайцами и что он признает только одно правительство — правительство Нгуен Ксюана. Этим Пиньон показал, что французские империалисты не собираются менять курса своей политики. Напротив, реакционеры всех мастей призывают к активизации наступательной политики. Об этом свидетельствует, например, статья Геньяра в органе МРП «Об». Автор старается запугать читателей «красной опасностью на Дальнем Востоке» и призывает «действовать быстро». «Время работает против нас, — пишет он. — Возможно, что подобный шанс представляется нам в последний раз».

Однако события, происходящие в Республике Вьет-Нам, показывают, что маневры империалистов обречены на провал. Вьетнамская армия прочно удерживает свои позиции. Борьба партизан в Кохинкине не прекращается ни на один день. Более того, она все шире распространяется на Лаос и Камбоджу, где французские империалисты до сих пор считали свое положение надежным.

Перед лицом все разрастающегося национально-освободительного движения французские колонизаторы, как и колонизаторы других стран, вынуждены искать и создавать новые формы в своих взаимоотношениях с колониями. Но эти новые формы, по существу, являются только маскировкой прежней политики колониального порабощения и угнетения. В этом плане французские колонизаторы используют созданный на основе конституции 1946 г. так называемый Французский Союз, охватывающий Францию и ее заморские территории.

В марте 1949 г. было подписано новое «соглашение», теперь уже не с «правительством» Нгуен Ксюана, а с бывшим императором Бао-Даем. Вьет-Нам в который уже раз объявляется «независимым государством в рамках Французского Союза». Сущность этой так называемой

«независимости» определяется следующим: Вьет-Нам сможет посылать своих дипломатических представителей в другие страны только с согласия президента Французского Союза, ему предоставляется право иметь национальную армию, но под руководством французских инструкторов и специалистов, вьетнамский генеральный штаб должен возглавлять французский начальник штаба. Вьет-Нам должен уступить Франции стратегические базы и использовать французский инженерно-технический персонал. Разумеется, все эти пункты нового «соглашения» установили бы полную зависимость республики от Франции и создали бы все возможности для французских империалистов снова хозяйничать в Индо-Китае. «Соглашение» вызвало возмущение вьетнамского народа и демократической общественности Франции. Совершенно ясно, что «соглашение» с Бао-Даем, отнюдь не представляющим вьетнамского народа, ждет такой же провал, какой постиг все предыдущие маневры французских империалистов. Народ Вьет-Нама преисполнен твердой решимости отстоять свободу и национальную независимость своей страны.

Авторы сборника заканчивают призывом: положить конец братоубийственной войне и заключить достойный мир с единственно законным, избранным народом правительством Хо Ши-мина. Но, говорят они, для справедливого разрешения вопроса о взаимоотношениях между Францией и Вьет-Намом в рамках Французского Союза «Франции нужно правительство, освобожденное от американского ига, правительство народное и демократическое, подлинно французское правительство». Действительно, пока Франция возглавляется реакционными, империалистическими кругами, продающими французский народ в рабство американскому монополистическому капиталу, не может найти справедливого разрешения и вопрос о взаимоотношениях Франции с Республикой Вьет-Нам.

Однако авторы еще не видят правильных путей разрешения проблемы полного освобождения угнетаемых французским империализмом колониальных народов, связывая их будущее с так называемым Французским Союзом. Несомненно, подобное искусственное объединение в условиях капиталистической системы неизбежно должно привести к порабощению слабых народов более сильными. Только

добровольное объединение народов с правом их самоопределения, вплоть до полного отделения, может разрешить эту проблему.

* * *

Сборник «Правда о Вьет-Наме», несомненно, представит интерес для советского читателя. Он знакомит с историей национально-освободительной борьбы вьетнамского народа и большой созидательной работой молодой Вьетнамской республики, проводимой ею в тяжелых условиях вооруженной борьбы с французскими империалистами. Следует, однако, отметить, что авторами статей недостаточно полно освещена руководящая роль коммунистической партии, роль рабочего класса Вьет-Нама в борьбе вьетнамского народа за свободу и независимость своей страны.

Отдельные статьи сборника, в частности статьи, относящиеся к описанию франко-вьетнамских отношений после капитуляции Японии, страдают некоторой небрежностью и неполнотой в изложении событий.

Авторы доводят свое изложение до конца 1947 г. В связи с этим редакция сочла необходимым дополнить сборник материалами Информационного агентства Вьет-Нама, характеризующими положение в республике в самый последний период. Эти материалы освещают демократические преобразования в стране, пробудившейся к новой жизни и творчеству.

В сборнике произведены некоторые сокращения за счет материалов, рассчитанных исключительно на французского читателя.

Несомненно, что перед Республикой Вьет-Нам стоят еще большие трудности. Еще не раз франко-американские империалисты будут предпринимать новые атаки, еще не раз будут прибегать к разным предательским маневрам. Но нельзя повернуть назад колесо истории. Народ Вьет-Нама полон решимости добиться своего окончательного освобождения и верит в свою победу. Эту уверенность прекрасно выразил Хо Ши-мин в своем обращении к французскому народу в январе 1949 г., сказав: «...Ничто не может помешать народу добиться победы, если он решил бороться за независимость и свободу».

В. Васильев

АНДРЕ ВИОЛИС

Временное разочарование

И подумать только, что я могла еще обольщаться иллюзиями! Когда два года назад, как звук фанфары, прозвучала счастливая весть о соглашении, заключенном 6 марта 1946 г. между Францией и Вьет-Намом, мое сердце преисполнилось радостью и гордостью.

Но моя радость еще более усиливалась при мысли о моих индокитайских друзьях. Я вызывала в памяти образы молодых интеллигентов, которых я видела во время пребывания в Индо-Китае двенадцать лет назад. Лишенные права говорить и писать, права получать из Франции книги и журналы и даже права путешествовать — ибо без разрешения, в котором им сплошь и рядом отказывали, они не могли посетить даже соседнего города, — преследуемые и гонимые, они рано познакомились с французскими тюрьмами. Это от них узнала я о тех пытках, которым палачи, предшественники гестапо, подвергали политических заключенных.

Я снова видела этих смелых юношей, которые целыми месяцами дожидались в сайгонской тюрьме своего процесса. Вот они во дворе, босиком, с непокрытыми головами, одетые в грубую синюю холстину, такие юные! Один из них мягким и умоляющим голосом говорит мне: «Мы страшно скучаем без книг, перьев и бумаги!»

Или вот другой, который с таким чувством достоинства, с такой пренебрежительной иронией отвечал на вопросы сопровождавшего меня начальника полиции. А вот несчастные жители деревень, — их было, по меньшей мере, сотен пять, — арестованные «за причастность к коммунистической деятельности», о которой они не имели даже понятия; они прикованы к своим койкам в отвратительных казармах, и каждую ночь, каждый день десятками умирают

от болезней, голода и отчаяния. Вот скелетоподобные дети, гноящиеся глаза которых устремлены на меня с мольбой. Вот девушки за решеткой. И много, много других...

Но я представила себе и тех, кого я никогда не видела: мучеников за свободу, последним криком которых на гильотине было: «Вьет-Нам! Вьет-Нам!»; тех, — а их тысячи, — которые с теми же словами на устах и в сердце умирали на каторге на острове Пуло-Кондор, где режим по жестокости не уступал Бельзену и Бухенвальду.

Их страдания и мученическая смерть, думала я, не пропали даром, ибо им все-таки удалось завоевать независимость Республики Вьет-Нам, за которую уже целых семьдесят лет боролись патриоты.

Но, увы! Несколько времени спустя в Париж прибыла делегация вьетнамских депутатов. Им-то были чужды всякие иллюзии. «Ничего еще не сделано», — говорили они, покачивая головой.

И действительно, соглашение от 6 марта почти сразу после подписания было вероломно нарушено. Вместо обещанного и ожидавшегося референдума заботами адмирала Тьерри д'Аржанлье и трестов в Кохинхине, насильственно отделенной от Аннама и Тонкина, которые не могут и не хотят существовать без нее, против воли народа было создано марионеточное правительство, состоящее из лакеев и предателей. Традиционное единство трех областей было, таким образом, нарушено.

Началась война. Беспощадная и кровопролитная война, разжигавшая ненависть обеих сторон. Она длилась более года и стоила обнищавшей Франции сотен миллиардов.

Время шло. И вот недавно тучи, казалось, рассеялись. Еще раз были проведены переговоры о мире.

И снова еще более горькое разочарование. Ибо во время этих переговоров, вместо того, чтобы предложить Вьет-Наму мир на равных началах, от него требовали полного и безоговорочного подчинения. Так, соглашение от 6 марта оказалось еще раз осмеянным и нарушенным: ни национальной армии, ни дипломатического представительства за границей, никакой экономической и финансовой свободы. Не было речи даже о предоставлении статуса доминиона.

Более того, признанному вождю Вьет-Нама, почитаемому и единодушно избранному лучшими сынами вьетнамского народа, президенту Хо Ши-мину намеревались прогнать и поставить марионеточного правителя Бао-Дая, воспитанного французскими генерал-губернаторами, человека совершенно бесхарактерного, безличного и опозорившего себя в глазах народа своими интригами и компромиссами с Японией.

Где же дарованная и освященная законом свобода?

Бессильное, не раз терпевшее банкротство французское правительство пытается своими хилыми руками восстановить французский империализм, но близок тот час, когда оно рухнет под тяжестью этой непосильной задачи. И народ свободной, демократической Франции возродит вместе со своей свободой и нашего друга, свободную и гордую Республику Вьет-Нам!

* * *

Проф. БУАЙЕ

Краткие сведения о Вьет-Наме

Индо-Китай простирается на 740 тыс. квадратных километров, что в два с половиной раза превышает площадь Франции. Он представляет собой одну из наиболее населенных территорий Французского Союза (23 миллиона из общего числа 60 млн. жителей).

Вьет-Нам является наиболее значительной частью Индо-Китая. В географическом отношении эту часть можно характеризовать классическим сравнением с двумя корзинами риса, которые аннамит несет на плече на концах бамбуковой палки. Две корзины риса — это густо населенные дельты больших рек — Меконга и Красной: Кохинхина на юге и Тонкин на севере.

Между этими дельтами тянутся Аннамские Кордильеры, высота которых достигает иногда 3 тыс. метров. Это — слабо населенная и неприветливая область гор, плато и густых лесов. С горной цепью граничит узкая прибрежная полоса равнин, тянувшихся вдоль моря. На этих равнинах развито производство риса; там сконцентрировано почти все население Аннама.

Таким образом, Вьет-Нам состоит из трех областей: Тонкина, Аннама и Кохинхины, и граничащих с ними горных территорий: Верхнего Аннама, Верхнего Тонкина и Верхней Кохинхины.

Отметим два важных обстоятельства. Во-первых, в Вьет-Наме сосредоточена основная масса населения всего Индокитайского Союза (20 млн. из 23—24 миллионов жителей). Две другие части Союза имеют значительно меньшее число обитателей: Камбоджа — три, а Лаос всего около одного миллиона человек.

С другой стороны, в Вьет-Наме, несомненно, существует множество мелких этнических групп, в совокупности

составляющих всего несколько сот тысяч человек, принадлежащих к различным кочующим племенам. В Верхнем Тонкине и Верхнем Аннаме этими разрозненными этническими группами, индо-малайского происхождения на юге и китайского — на севере, являются ман, мео, тай, муонг, лоло, лу, нунг, то. На плато Южного Аннама, а также в Кохинхине и по всей Камбодже до самых границ Сиама встречаются различные племена мѐи.

Отметим для полноты картины, что в Индо-Китае проживает около 300 тыс. китайцев, в основном купцов, сконцентрированных в больших городах, главным образом в районе Сайгона — Шолона.

Кроме того, в обычное время в Индо-Китае находится около 40 тыс. французов; однако они, за редким исключением, не являются постоянными жителями этой страны.

ТРИ ЗОНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ОККУПАЦИИ

Откуда происходит название Вьет-Нам?

Это слово, которое кажется нам таким новым, в действительности очень древнего происхождения. Вьет-Нам («Южные земли») является историческим названием аннамской страны; страна эта была единой, и только французское завоевание разделило ее на три области: Тонкин, Аннам и Кохинхину. Это произошло из-за того, что французы действовали по принципу «разделяй и властвуй», а отчасти и потому, что покорение имело несколько этапов: сначала (1858—1867 гг.) была завоевана Кохинхина, а затем (1883—1885 гг.) — Аннам и Тонкин.

Французское правительство установило для этих трех областей различный режим.

Кохинхина была превращена в непосредственно подчиненную Франции колонию; в Аннаме был установлен протекторат с сохранением некоторых привилегий императора и аннамского правительства, все функции которого, однако, дублировались французскими чиновниками. Разумеется, последние-то и являлись подлинными хозяевами в местной политической жизни. Наконец, в Тонкине был формально провозглашен протекторат во главе с вице-королем, назначенным в 1886 г. (и устраненным в 1897 г.). Фактически, однако, французы непосредственно управляли этой областью.

ЕДИНСТВО АННАМИТСКОГО НАРОДА

И тем не менее, не подлежит никакому сомнению, что народ Вьет-Нама — единый народ. Слова Тонкин, Аннам и Кохинхина, применяемые французами по отношению к трем административным единицам, не имеют для аннамитов никакого значения и никогда ими не употребляются. И подобно тому, как мы говорим «Север», «Центр» и «Юг», так и они называют Тонкин — Бак-Ки, или Бак-Бо, то-есть северной областью, или провинцией; Аннам — Трун-Ки, или Трун-Бо, то-есть центральной областью, или провинцией, и Кохинхину — Нам-Ки, или Нам-Бо, то-есть южной областью, или провинцией.

Историк французских колониальных завоеваний Шарль Госслен писал в своей книге «Аннамская империя»: «Слова Кохинхина, Аннам и Тонкин, ставшие для нас официальными выражениями, не имеют для аннамитов никакого значения. Прибыв в Аннам, мы находим — и это должен признать всякий ученый, которому дорога истина, — что народ, населяющий Аннам от гор Верхнего Тонкина до границ Камбоджи, это — единый народ; единый как в этническом, так и в социальном и политическом отношении».

РАННЯЯ ИСТОРИЯ

Прежде всего нужно указать на то, что единство вьетнамского народа выковывалось на протяжении всей его истории, насчитывающей до четырех тысяч лет. Даже если не принимать во внимание рассказов китайцев, относящих основание первой аннамской династии к третьему тысячелетию до нашей эры, мы можем считать, что существование аннамской нации восходит к глубокой древности. Как мы увидим дальше из этого краткого очерка, Вьет-Нам не является ни плодом воображения политиков, ни новым фактом в истории Индо-Китая.

Наоборот, уже тогда, когда аннамиты, занимавшие первоначально южные провинции Китая, были изгнаны китайцами в Тонкин и Верхний Аннам (VI в. до нашей эры), они представляли собой единый народ, управлявшийся одним королем.

Историю аннамитов, начиная с этого момента, можно разбить на три периода:

1. Древний период (считая с момента изгнания).
2. Китайское владычество.
3. Независимость (с 939 г. н. э. до французского завоевания).

Первый период независимости был относительно кратким, так как китайцы продолжали преследовать аннамитов и на новом месте их поселения. Вскоре китайцам удалось подчинить их своему господству, и в течение более чем тысячи лет аннамиты находились под властью китайских императоров, если не считать, что за это время имели место многочисленные восстания. Результатом господства китайцев было проникновение китайской культуры в Аннам и, главное, заимствование аннамитами хорошо организованной централизованной формы управления.

Таким образом, приобщая вьетнамский народ к своей культуре, китайцы невольно способствовали укреплению его единства. Здесь уместно заметить, что неизменной, существующей и поныне, основной чертой аннамской государственной организации является ярко выраженная автономия общины.

В 939 г. н. э., после длительной борьбы, аннамитам удалось свергнуть иго китайцев.

С этого момента наиболее значительным фактом в истории аннамитов является их продвижение на юг. Постепенно аннамиты проникают в Южный Аннам, разрушив между 1000 и 1500 гг. королевство Шампа. Позднее, между XIII в. и концом XVII в., они достигают дельты Меконга и занимают ее. К 1700 г. Вьет-Нам представлял собой уже окончательно сформировавшееся государство, основные черты которого не претерпевают почти никаких изменений вплоть до французского завоевания. Этот период заполнен различными событиями (внешние и внутренние войны, восстания, смена династий и т. д.). Наиболее значительным из них является занятие аннамитами рисовых областей в дельте Меконга (ныне Кохинхина), которые до того момента были заселены камбоджийцами, не умевшими как следует их использовать. Аннамиты превратили эту область в одну из богатейших и населеннейших областей Индо-Китае. Нужно также отметить, что именно в Кохинхине имело место первое франко-вьетнамское соглашение: французский

миссионер Пинье де Бехэм, епископ Адранский, предложил аннамскому императору Нгуен Ану (принявшему впоследствии имя Жиа-Лонга) помощь Франции для восстановления его власти, поколебленной в результате двух восстаний. Действительно, в 1802 г. власть аннамских императоров была восстановлена и распространилась на весь Вьет-Нам.

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Но Франция продолжала свое вмешательство в дела Вьет-Нама. Она делала это под предлогом защиты своих миссий. Нужно подчеркнуть, что аннамиты отличаются большой терпимостью; но французские миссионеры, с одной стороны, ожесточенно боролись с буддизмом, а с другой — преследовали отнюдь не только духовные цели. Они скупали и захватывали земли, добившись того, что в их руках сосредоточились крупнейшие земельные владения в Индо-Китае. А по пятам за ними шли купцы.

Более глубокие мотивы французской колониальной политики той эпохи вскрыты Ш. Госсленом:

«Утрата в XVIII в. Индии и все усиливавшееся влияние в Восточной Азии нашей извечной соперницы Англии ставило нас перед необходимостью, хотя бы и с риском потерпеть неудачу, проникнуть в омывающие Китай моря. Аннам открыл нам путь к ним».

По следам солдат шли банкиры. И едва лишь в 1862 г. были оккупированы три провинции — Бьен-Хоа, Сайгон и Ми-То, как Национальный банк уже создал свое отделение в Индо-Китае. Но этого оказалось недостаточным, и в 1875 г. был создан знаменитый Индокитайский банк, пользующийся правом эмиссии и до сих пор являющийся центром колониальной эксплуатации.

Оккупация Кохинхины началась в 1862 г., когда император Аннама Ту-Дук уступил Франции три восточные провинции. Кроме того, Франция установила свой протекторат над Камбоджей. Таким образом, западная часть Кохинхины, продолжавшая оставаться под властью аннамского императора, оказалась вклиненной между двумя французскими владениями и отрезанной от остальной империи.

Вот что пишет об этом договоре Госслен: «Уже самые условия этого договора явно говорили о намерении Франции завладеть в один прекрасный день Нижней Кохинхиной... Необходимо признать, что это служило источником всевозможных и, само собой разумеется, желанных для Франции и заранее предусмотренных ею «недоразумений», и окончательное присвоение тех территорий Кохинхины, которые оставались еще аннамитскими, было лишь вопросом времени». И действительно, пять лет спустя Франция аннексировала западные провинции.

Первый в истории франко-вьетнамских отношений официальный договор является чрезвычайно характерным для всей политики Франции, которая в некоторых отношениях остается неизменной и в 1946—1947 гг., то-есть целых семьдесят лет спустя.

Покорение Вьет-Нама завершилось оккупацией Тонкина и Аннама. Договоры 1874 и 1884 гг. окончательно закрепили права Франции в Индо-Китае.

Договором 1885 г. Китай скрепил свой отказ от вмешательства во французскую политику в Индо-Китае.

В 1887 г. было создано центральное правительство Индокитайского Союза, объединившего три области расчлененного Вьет-Нама, Камбоджу и, несколько позднее, Лаос.

ЭТНИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ВЬЕТ-НАМА

Уже тот факт, что все договоры, относящиеся к оккупации Францией как Кохинхины, так и Аннама и Тонкина в 1863, 1874 и 1884 гг., были подписаны аннамским императором, показывает, что Франция до своего вторжения признавала политическое единство Вьет-Нама, которое было разрушено расчленением этой страны на три зоны. Это было подлинное и глубокое единство; Вьет-Нам представлял собой национальное государство в полном смысле этого слова.

Можно утверждать, что все жители Вьет-Нама в физическом отношении принадлежат к одному типу. Вьетнамец мал ростом, силен, гибок и ловок. Он обладает замечательной выносливостью.

Вследствие смешения вьетнамцев с примитивными народностями индонезийского происхождения, с китайцами,

шамами, таи и камбоджийцами создалось несколько разновидностей типа вьетнамца, различие между которыми, однако, значительно меньше, чем, например, между нормандцами и провансальцами, фламандцами и басками. Вьетнамцы любезны, доброжелательны, гостеприимны, вежливы и, как правило, мягки в обращении и чрезвычайно подвижны; они храбрые солдаты, стойкие в защите. Одаренные большой способностью к физическому труду, они являются прилежными и трудолюбивыми работниками.

Их одежда состоит из длинных — до лодыжек — и очень широких штанов из коричневой, черной или белой хлопчатобумажной материи и такой же рубахи, тоже длинной и с узкими рукавами.

По всей стране распространен один и тот же односложный язык с присущими ему шестью тонами; письменность, еще недавно иероглифическая, перешла в последнее время на латинский алфавит.

Везде одно и то же простое питание, состоящее из риса и рыбы и небольшого количества овощей, приправленных нюок-мам (рыбным соусом); всюду один и тот же способ есть палочками, сидя всей семьей со скрещенными ногами вокруг подноса, на котором расставлены все блюда. У подноса ставится котелок с чаем, который выпивается после еды без сахара.

Повсюду наблюдается слабое развитие животноводства, которое ограничивается почти исключительно разведением домашнего рабочего скота. Говядина и молоко являются почти неизвестными продуктами. Питание разнообразится иногда свининой и дичью.

НАРОД НА РИСОВЫХ ПОЛЯХ

Вьетнамское население Кохинхины, Аннама и Тонкина сконцентрировано главным образом в долинах, засеянных рисом в орошаемых дельтах рек. Плотность населения в этих местах почти всюду превосходит 100 человек на 1 кв. километр; в перенаселенной дельте реки Красной она доходит до 450 человек, а в некоторых районах, где на одном гектаре живет по десять семей, плотность достигает 800 человек.

Аннамит боится гор и лесов с их нездоровым климатом и никогда не решается по доброй воле покинуть свои долины. Вся его жизнь, все его взгляды тесно связаны с просторами рисовых полей, разделенных плотинами и оросительными каналами на бесконечное количество прямоугольников. На протяжении всего года здесь ощущается один и тот же регулируемый сезонами ритм труда и жизни на плодородной почве, дающей в Кохинхине два, а в некоторых районах Тонкина иногда и три урожая в год.

Повсюду одинаково настойчивый и терпеливый труд на рисовых полях, требующий сложных и многочисленных операций: подготовка почвы, орошение (вода черпается из ближайшего оросительного канала черпаком на коромысле), вспашка, боронование затопленных полей, посев в питомниках, пересадка растений в плодородный ил, затем длительный уход за посевами и борьба с сорняками, сельскохозяйственными вредителями и, наконец, жатва серпами, сортировка, очистка и молотьба. Одним словом, настоящее огородничество, со всем связанным с ним кропотливым трудом. В окружающих деревню садах иногда встречаются тутовые деревья, табак, маис, маниок и батат.

В то же время крестьяне являются также и искусными, терпеливыми рыбаками. На морском берегу, в реках, в оросительных каналах, а то и на самих полях они ловят рыбу и креветок, что делается часто очень любопытным способом: при помощи фонаря, факела, баклана и т. п.

Вдоль всех дорог встречаются бесчисленные крошечные рынки, на которых торгуют сельскохозяйственными продуктами.

Но сельское хозяйство является не единственным видом экономической деятельности в этой стране. В ней существуют разнообразные ремесла, носящие часто домашний или кустарный характер. Каждой деревне присущ свой вид ремесла. По всему Индо-Китаю встречаются деревни, занимающиеся изготовлением бумаги, головных уборов, гончарных изделий. Крупная промышленность, развитие которой сильно задерживалось империалистической политикой Франции, сосредоточена лишь вокруг крупных центров: Ханоя, Хайфона, Нам-Диня, Виня, Сайгона — Шолона. Тонкин является важным центром добывающей промышленности (олово, уголь, цинк и т. д.).

Необходимо отметить экономическую взаимозависимость всех частей Вьет-Нама. Так, например, перенаселенный Тонкин располагает недостаточными для прокормления проживающего в нем населения размерами рисовых полей, Кохинхина же, наоборот, ежегодно вывозит большое количество риса.

В условиях гармонически развитой экономической жизни Кохинхина могла бы снабжать Тонкин необходимым ему рисом и получать от него недостающую ей рабочую силу и полезные ископаемые, особенно уголь.

ЕДИНСТВО ОБЫЧАЕВ И ЗАКОНОВ

Дом крестьянина-аннамита, являющийся центром его духовной и материальной жизни, обычно представляет собой одноэтажное прямоугольное здание, построенное без фундамента, прямо на земле. Этим он отличается от домов большинства других народов Индо-Китая, у которых пол обычно возвышается над землей. Стены и перегородки делаются большей частью из горшечной глины, смешанной с соломой, и скрепляются бамбуковыми рамами; крыша из соломы и утоптанной земли. Несмотря на большое разнообразие типов домов, план их в основном на всей вьетнамской территории имеет один и тот же характер. В главной комнате возвышается алтарь предков; направо и налево от него — двери, ведущие в жилые комнаты.

Меблировка крайне проста. Алтарь предков состоит из высокого стола, на котором перед дощечками с резными краями горят в маленьких горшочках благовонные палочки. Алтарь зажиточного хозяина часто украшается массивными медными курильницами и подсвечниками. Меблировка дополняется несколькими деревянными стульями без обивки и складной кроватью. На маленьком круглом столике в коробке находится все необходимое для церемонии жевания бетеля, именно: орехи арека, листья бетеля и толченая известь.

Перед домом заботливо высаживается бамбуковая поросль или сооружается живая изгородь из ибискуса с красными цветами. Иногда в саду растет несколько арековых и кокосовых пальм.

Вся семья тесно сплочена вокруг своего главы, который

является жрецом семейного культа и чья власть над женой и детьми еще очень недавно была ничем не ограничена. Но теперь гражданский закон значительно смягчил суровость традиций. По достижении соответствующего возраста дети имеют право покинуть родительский дом; и только старший из сыновей, будущий жрец, остается при семье под властью отца, к которому он должен проявлять особое сыновнее почтение. Многие семьи хранят на своих генеалогических дощечках имена предков за четыре-пять веков.

Законы и обычаи, тесно спланивающие семьи в общине, делают из деревни маленькое государство в государстве. Символом автономии деревни, этого островка зелени, расположенного большей частью среди рисовых полей и каналов, является невысокая земляная, укрепленная бамбуковой изгородью стена — настоящая крепостная стена, за которой в случае опасности, например набега разбойников, можно быстро организовать оборону. «Закон короля отступает перед обычаем деревни», — говорит народная пословица. Каждая деревня, по верованиям аннамитов, имеет своего духа-покровителя; часто это обожествленный народный герой, культ которого отправляется в пагоде, носящей его имя. В каждой деревне есть свой общинный совет, своя полиция, свой особый общественный порядок, своя система образования. Названия деревень, имеющие чисто поэтический характер, не связаны с географическими особенностями местности. Такие названия, как «Доброе предзнаменование», «Ранняя весна», «Душистый рис», «Селение долга», «Красота и богатство», «Верная любовь» и т. п., говорят о моральных качествах этого сердечного и серьезного народа.

Католическим миссионерам удалось обратить в свою веру лишь около миллиона человек. Это объясняется, по-видимому, тем, что католические миссионеры осуждают культ предков, на который папство в свое время наложило запрет. Культ предков является подлинной религией аннамитов. В связи с этим вьетнамцы отличаются большим уважением к старости и гостеприимством.

С давних пор имеет распространение также буддизм, но из аннамитов лишь немногие принадлежат к этой религии. Наряду с конфуцианством распространен также и таоизм,

который проявляется в некоторых магических обрядах, совершаемых во время болезни или при выборе места погребения. Но несмотря на это проявление суеверности аннамитов, можно, пожалуй, сказать, что они не очень религиозны.

НАРОД ВЬЕТ-НАМА — ЭТО НАЦИЯ

Таковы особенности народа Вьет-Нама, одинаково характерные как для жителей районов, граничащих с Китаем, так и болотистой южной оконечности Вьет-Нама — Камо и районов, пограничных с Камбоджей, — особенности, которые показывают, что единство народа Вьет-Нама неоспоримо. Здесь налицо все элементы, создающие и укрепляющие нацию.

Этими элементами являются общность территории, общность языка, экономическая взаимосвязь, общность психологии и культуры.

Народ Вьет-Нама — это нация. Непростительной ошибкой является отрицание этого национального единства и попытка уничтожить его; именно эту ошибку совершает адмирал д'Аржанлье, создавая искусственную и весьма сомнительную «кохинхинскую автономию». Его действия возрождают колониальную политику со всем, что в ней есть реакционного и преступного. Эта ошибка может привести к кровавому конфликту.

* * *

ЖАН ОВАН

Шестьдесят лет борьбы за национальную независимость

«Действительно, можно считать, что аннамитский народ наделен огромной жизнеспособностью, если он в состоянии в течение столь долгих лет вести борьбу при условии, что его страна обладает ничтожными средствами.

Перед направленными на них в упор французскими пушками аннамиты были вынуждены идти на смерть, чтобы защищать свою свободу. Храбро и спокойно шли они навстречу смерти, и многие из них пали под натиском карательных отрядов и под топором палача. Нам ни разу не пришлось быть свидетелями хотя бы малейшего проявления слабости».

Так пишет Шарль Госслен, историк французского завоевания Индо-Китае, участвовавший в военных действиях в качестве капитана колониальной пехоты.

С момента завоевания аннамиты не прекращали борьбы за восстановление своей независимости. Но до 1931 г. французское общественное мнение ничего не знало о почти не прекращающейся борьбе, о многочисленных восстаниях аннамитского народа. И только происшедшее в 1931 г. в Ен-Бае восстание и зверское его подавление впервые привлекли внимание французского народа к истинному положению дел в Индо-Китае. Но затем как будто бы вновь наступило затишье, длившееся вплоть до современных событий.

В действительности дело обстоит иначе. В истории борьбы аннамитов за независимость нужно различать три периода.

1. От французского завоевания до 1914 г.

Первое восстание произошло в 1884 г. Его возглавил молодой король Кам-Нги при поддержке некоторых своих

министров и генералов. Он сплотил вокруг себя лучших представителей аннамитского народа.

Борьба длилась четыре года и под конец приняла характер партизанской войны. Методы подавления, по признанию Госслена, с этого момента начинают принимать характер грубого насилия.

В 1888 г., вследствие предательства одного из своих приближенных, по имени Нгок, Кам-Нги был арестован. Аннамиты не забыли преступления Нгока, и следующее вооруженное восстание вспыхнуло в той самой деревне, где Нгок занимал пост начальника областной полиции. Нгок был убит.

Это второе восстание, начавшееся в 1893 г. в Северном Аннаме, возглавил бывший мандарин Фам Дин-фунг, человек энергичный и наделенный большими организаторскими способностями. После его смерти в 1895 г. вплоть до 1913 г. борьбой, которая велась главным образом в районе Бак-Нина (Тонкин), руководил генерал Де-Там.

Одновременно в 1907 г., под влиянием идей Сунь Ятсена, возникло политическое движение Донг-Кин-Нгиа-Тука (тонкинская школа).

После террористических актов, совершенных некоторыми из членов этой школы, французские власти арестовали главных ее лидеров.

II. От войны 1914—1918 гг. до 1930 г.

После первой мировой войны 1914—1918 гг. развитие некоторых отраслей промышленности Индо-Китая привело к возникновению средней аннамской буржуазии. Желая защитить себя от конкуренции метрополии, этот класс стал проявлять признаки национализма.

Инциденты следовали один за другим: в 1924 г. — покушение на генерал-губернатора Мерлена; в 1925 г. — демонстрация по поводу выдачи Китаем одного из вождей «мятежа» Фам Бой-чау; в 1926 г. — демонстрация в Сайгоне по поводу смерти националистического лидера Фам Ху-трина.

К этому периоду относится возникновение националистической партии Вьет-Нама — Куок-Зан-Данга.

Фактически эта партия является аннамским гоминданом. В ее программе, как и в программе китайской националистической партии, номинально фигурируют такие пункты, как национализм, демократия, социализм, но на деле она, подобно гоминдану, боролась за осуществление лишь первого из этих пунктов и позднее все больше и больше подпадала под влияние чанкайшистского Китая. В настоящее время — это партия, враждебная Вьет-Мину.

С другой стороны, возникло также много марксистских группировок, объединявших рабочих и молодых интеллигентов.

На Гонконгском конгрессе (январь 1930 г.) эти группировки слились в единую коммунистическую партию Индо-Китая.

На этом конгрессе выступают на сцену две крупные фигуры: Нгуен Ай-куак — не кто иной как президент Хо Ши-мин — и его главный соратник Ле-Хонг-фонг, арестованный в июне 1939 г. сыскной полицией генерал-губернатора Катру и расстрелянный после сентябрьского восстания в 1940 г. В августе того же года была расстреляна и его жена.

Коммунистическая партия, которая, само собой разумеется, находилась в подполье, имела свой орган «Тьем-Лен» («Вперед»).

Нельзя обойти молчанием и восстания в Ен-Бае, подавленного со зверской жестокостью. В конце 20-х годов националистическая партия бойкотировала проводившийся в Тонкине набор кули для кохинхинских каучуковых плантаций.

В 1930 г. националистическая партия организовала восстание, несмотря на почти полную уверенность в том, что оно обречено на поражение. Центром восстания был Ен-Бай. Начавшись в этом городе 11 февраля 1930 г. с нападения на гарнизон, восстание быстро охватило Пу-То, Хай-Дуонг, Кьен-Ан, Тай-Бин, дойдя вплоть до окрестностей Ханоя.

Однако восстание было подавлено, причем сила и жестокость репрессий соответствовали его значительности. Неудача енбайского восстания ознаменовала собой начало упадка националистической партии.

III. История движения сопротивления с 1930 г.

Начиная с 1930 г. коммунистическая партия Индо-Китая становится во главе широкого освободительного движения, охватывающего все социальные слои Вьет-Нама. По всей стране проводятся митинги и демонстрации; создаются подпольные профсоюзы.

В апреле 1930 г. 400 рабочих-пряжильщиков Нам-Дина объявили забастовку. Делегаты рабочих были арестованы. Арест их вызвал в городе демонстрацию протеста. Это была первая забастовка рабочих, и вместе с тем это был первый случай участия женщин в уличной демонстрации.

В то же время в Кохинхине имело место несколько забастовок кули, работающих на плантациях. Вооруженное вмешательство полиции нередко приводило к кровавым столкновениям. В сентябре 1930 г. 20 тысяч крестьян Нге-Ана, под влиянием голода, вызванного длительной засухой, устроили демонстрацию под лозунгами: «Землю крестьянам!», «Долой налоги!», «Помощь пострадавшим!» и т. п.

Участники демонстрации были разогнаны авиацией, бомбардировавшей и расстреливавшей их. Было убито несколько сот человек. К крестьянам примкнули рабочие мастерских Виня, и похороны жертв первой демонстрации послужили поводом для ряда новых демонстраций. Снова была пущена в ход французская авиация, действия которой вызвали сотни новых жертв.

Однако в руках повстанцев оказались три супрефектуры Нге-Ана: Тыэн Чи-онг, Нам-Дань и Нги-Лок. Повстанцы провозгласили право народа распоряжаться своей судьбой и объявили эти три супрефектуры «вольными территориями». Во всех деревнях были образованы комитеты по проведению аграрной реформы. К крестьянам присоединились рабочие делегаты Виня. Но движение натолкнулось на враждебное отношение крупных землевладельцев, помогавших французским империалистам вновь восстановить свою власть на охваченных восстанием территориях.

При содействии войск к концу года движение было подавлено.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Если 1930 год отмечен целым рядом крупных восстаний, то 1931 год врезался в память всех аннамитов как год белого террора. В тот год широко развернули свою деятельность «комиссии по расследованию преступлений», которые представляли собой всего-навсего административные органы, простые орудия исполнительной власти. Это, однако, не мешало им пачками осуждать обвиняемых, фактически лишенных возможности защищаться, на годы тюремного заключения и выносить им смертные приговоры.

Приведем несколько цифровых данных.

Учрежденная после енбайского восстания «комиссия по расследованию преступлений» в Тонкине под председательством Пулле-Озье вынесла в течение 1930—1931 гг. следующие приговоры:

Смертная казнь	80
Ссылка	383
Пожизненные каторжные работы . .	106
Каторжные работы на разные сроки	50
Тюремное заключение	55

(секретный протокол Пулле Озье от 11 февраля 1931 г. № 206).

Деятельность французской охраны, старавшейся обнаружить коммунистов, распространялась по всему Индо Китаю.

Охранка установила по всей стране режим полицейского террора, стремясь очистить Индо-Китай от наиболее сознательных элементов населения. «Комиссия» распространила свою деятельность и за пределы страны. Так, по соглашению с Англией, в Гонконге был арестован и заключен в тюрьму Нгуен Ай-куак. В начале 1933 г. он был освобожден и выслан из Гонконга. Благодаря тому, что был распушен слух о его смерти, распространившийся повсюду, вплоть до Франции, ему удалось ускользнуть от сыщиков индокитайской сыскной полиции, посланных в Китай, чтобы снова его арестовать.

Лишившись своих лучших бойцов и некоторых руководителей, коммунистическая партия Индо-Китая смогла

вновь собрать свои рассеянные силы лишь в 1934—1935 гг. Конгресс в Макао, состоявшийся в 1935 г., учитывая развитие международных событий и, главным образом, политическое положение во Франции, принял решение о новых формах борьбы.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ

Образование Народного фронта во Франции на некоторое время, начиная с 1936 г., дало коммунистической партии Индо-Китая возможность существовать легально.

В течение 1936—1937 гг. коммунистическая партия открыто организовала широкое движение за созыв «Индокитайского конгресса» (Донг-Дуонг-Дай-Хой), призванного выработать «список народных нужд», подлежащий рассмотрению «обследовательской комиссии», которая должна была специально с этой целью прибыть из метрополии.

К деятельности «Комитета по подготовке Индокитайского конгресса» примкнуло большое число умеренно и даже консервативно настроенных элементов. Некоторые из них, слишком дорожившие мнением центральной французской администрации в Индо-Китае, вскоре отошли от движения. Органы пропаганды, в которых сотрудничали легально прогрессивные элементы, получили широкое распространение.

В одной только Кохинхине было создано свыше 600 «комитетов действия» для сбора пожеланий населения. Рабочие союзы, находившиеся до тех пор в подполье, после легализации значительно усилились. Одновременно с этим среди крестьян западных провинций было создано большое количество товариществ, кооперативных ассоциаций и обществ взаимопомощи. В это же время возникло движение «Демократической молодежи».

Несмотря на сильное давление, оказывавшееся колониальными властями на население, успех демократических организаций на выборах в муниципальные органы и Колониальный совет был довольно значительным.

Все большее распространение фашизма поставило коммунистическую партию Индо-Китая перед необходимостью

создания единого демократического фронта, объединяющего все прогрессивные элементы. Индокитайская коммунистическая партия обращала внимание французов Индо-Китая на опасность, грозившую со стороны Японии. Она настаивала на предоставлении населению Индо-Китая демократических свобод, введении ускоренного обучения, улучшении условий жизни, ибо все эти мероприятия способствовали бы превращению индокитайцев в «храбрых солдат, готовых к битве в случае вторжения японского фашизма».

ЗАПРЕЩЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Известно, какой ответ дали на это фашисты как в метрополии, так и в колониях. Нетрудно себе представить, с какой жестокостью был применен к индокитайской коммунистической партии декрет от 26 сентября 1939 г. о запрещении французской коммунистической партии. Несколько дней спустя после обнародования этого декрета было арестовано 200 членов индокитайской коммунистической партии.

Вскоре после этого коммунистическая партия возобновила свою подпольную деятельность. Уже 6, 7, 8 ноября 1939 г. центральный комитет коммунистической партии Индо-Китая сумел собраться и принять резолюцию, наметившую программу дальнейшей деятельности партии в изменившейся обстановке. Вместо «Демократического фронта» был создан «Единый антиимпериалистический фронт народов Индо-Китая», ставивший себе задачу бороться с французским империализмом и местными феодалами. Он должен был вести подготовку к борьбе с внешней опасностью, восстановить независимость и учредить Республиканско-демократический союз Индо-Китая.

ПОЗИЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОСЛЕ КОМПЬЕНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ

Сразу же после капитуляции петэновской Франции в июне 1940 г. центральным комитетом была принята новая резолюция, гласившая, что «ввиду критического положения в Индо-Китае и существования непосредственной опасности, угрожающей стране извне, решено подготовить вооруженное восстание с целью учреждения республиканской

организации, которая примкнула бы к китайскому фронту сопротивления и к союзникам».

Эта же резолюция призывала трудящихся к организации антиимпериалистических комитетов и определила важнейшие вопросы ведения партизанской войны и организации саботажа.

«Начиная с июля 1940 г. было распространено огромное количество листовок и плакатов, призывавших к борьбе с японским фашизмом и империализмом, напечатанных на языке куок-нгу китайскими иероглифами и латинскими буквами». (Выдержка из доклада кохинхинской охраны.)

Призывы к сопротивлению насильственной вербовке на службу фашистам были обращены ко всем классам общества.

В листовках на французском языке, распространявшихся в июле — октябре в Сайгоне и в крупных провинциальных центрах, выражался протест против предоставления центральной французской администрацией концессий Японии. Коммунистическая партия призывала народы Индо-Китая сплотиться перед лицом японской опасности.

С июня по октябрь в западных провинциях происходили массовые митинги. 10 июля, когда в Лонг-Хонге (провинция Ми-То) были арестованы трое коммунистов, все население этой деревни восстало; ста пятидесяти жителям, вооруженным топорами и бамбуковыми палками, удалось освободить арестованных.

Усиление нажима со стороны японцев усиливало сопротивление вьетнамцев.

Циркуляр кохинхинского комитета коммунистической партии от 4 сентября разоблачал экономические и военные цели японского вторжения в Индо-Китай и призывал к объединению всех сил для отпора вторжению. Он предлагал распространять в массах антияпонские лозунги, направленные против капитуляции центральной французской администрации, и рекомендовал создание многочисленных отрядов самообороны.

В ответ на это предостережение, на этот призыв наиболее сознательных элементов аннамитского народа к сопротивлению, правительство Виши и колониальные власти Индо-Китая применили суровые репрессии.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1940 г. В КОХИНХИНЕ

Ожесточение широких масс вылилось во всеобщее восстание, которое, начавшись между 22 и 30 ноября 1940 г. в западных провинциях, держало в возбуждении всю Кохинхину вплоть до конца декабря.

Оно с самого начала носило характер чисто крестьянского восстания. Вызванное плохим урожаем риса в западных провинциях, оно затем распространилось по всей Кохинхине.

Потери с обеих сторон были невелики: со стороны французов — тридцать три солдата, в том числе трое европейцев, со стороны повстанцев — сто человек. Таков баланс этого местного стихийного восстания.

Сайгонские власти действовали круто. Об этом свидетельствуют последовавшие за восстанием репрессии, которые по своей жестокости намного превосходили все, имевшее место до сих пор. В документах охраны зарегистрировано до 6 тысяч арестов. Тюрьмы Сайгона были переполнены. Заключенных массами помещали на понтонах, наведенных на реке. С наступлением темноты на них направлялся ослепительный свет прожекторов. Всякая попытка к бегству предупреждалась расставленными по берегам реки и посаженными в шлюпки часовыми, державшими пленников под прицелом.

Заключенные находились в такой тесноте, что все время были вынуждены либо стоять, либо сидеть на корточках. Время от времени кто-нибудь, сраженный усталостью, падал на других. Вскоре люди стали умирать, но трупы оставались среди живых.

Случалось видеть группы заключенных, связанных по пять-шесть человек друг с другом железной проволокой, которая резала им руки.

Эту страшную картину вся французская колония в Сайгоне могла созерцать с берега каждый вечер при свете прожекторов.

Охранка не приводит числа осужденных военным судом. Известно только, что в результате восстания сразу и на долгий срок оказались заполненными все каторжные тюрьмы и были казнены наиболее видные аннамские патриоты, включая и тех, которые были арестованы еще задолго до восстания на основании декретов от 26 сентября

1939 г. и 21 января 1940 г. о «нейтрализации подозрительных». Предлогом к казни послужила «моральная ответственность» этих руководителей за восстание. Были казнены:

Ха Гуй-тап, один из основателей коммунистической партии Индо-Китая, в момент ареста бывший ее генеральным секретарем.

Ле Хонг-фонг, о котором мы упоминали уже по поводу его участия в Гонконгском конгрессе вместе с Нгуен Ай-куаком. Арестован в июне 1939 г.

Нгуен Ван-ку, ставший после ареста Ха Гуй-тапа генеральным секретарем компартии. Арестован в январе 1940 г.

Во Ван-тан, организатор крестьянских объединений в западных провинциях. Арестован в апреле 1940 г.

Нгуен Ти-кай (по прозвищу Со-Дуй) — жена Ле Хонг-фонга, заменившая мужа после его ареста. Арестована 30 июля 1940 г.

Вполне вероятно, что, кроме этих лиц, еще сотни были казнены на месте по приговору военного суда или умерли под пытками агентов охраны в Сайгоне и провинции.

* * *

Аспекты колонизации

До последнего времени Индо-Китай ассоциировался в представлении французов с лубочными картинками и биржевыми акциями.

Институт Пастера, Юньнаньская железная дорога, трамвай в Сайгоне, лицей в Ханое, медицинский факультет — все это говорило о якобы цивилизаторской деятельности Франции на Дальнем Востоке.

«Общество Красных земель», общества «Паданг» и «Угольные копи Тонкина», игравшие столь важную роль на бирже, напоминали вкладчикам об экономических интересах отдаленного заморского владения...

Французская публика оставалась, однако, в полном неведении относительно подлинного положения экономики Индо-Китая; услаждаемая рассказами о приобщении Индо-Китая к европейской культуре и подкармливаемая дивидендами, она ничуть не интересовалась страной, где вот уже целых шестьдесят лет французские империалисты являлись хозяевами.

Не обращая внимания на то, что об этом говорят, французы сами становились соучастниками режима, который только внешне казался выгодным для них.

И вот вьетнамский народ, которому надоело ждать, пока французы заинтересуются им самим, а не только богатствами его страны, восстал. Акции резко упали. Лубочные картинки уступили место ужасам войны. И в этих событиях виноваты мы, французы, ибо мы подготовили их своим безразличием к экономическим и социальным условиям жизни Вьет-Нама.

Жизнь трудящихся, развитие населения, режим собственности, налоги, доходы капиталистов — все эти стороны

существования Индо-Китая не интересовали нас, и мы стыдливо уклонялись от ознакомления с ними.

А между тем некоторые вопиющие по своему цинизму признания, вскрывающие истинное положение вещей, могли бы послужить нам ценным предостережением.

«Колонизация, — писал Альбер Сарро¹, — является актом не цивилизации, а насилия и корысти. Народы, которые на далеких континентах ищут колоний и захватывают их, думают прежде всего о самих себе, заботятся исключительно о расширении пределов своей власти и покоряют только ради собственной выгоды. Они видят в колониях лишь рынки сбыта и опорные пункты своей политики»².

Мелин³ в своем парламентском выступлении так определил назначение колоний: «При хорошей организации колониальная экономика должна ограничиваться доставкой метрополии сырья и тех продуктов, в которых последняя нуждается. И если, выйдя из этих рамок, колониальная промышленность вступает в конкуренцию с нашей промышленностью, она превращается в опасного противника».

МЕТРОПОЛИЯ И ИНДО-КИТАЙ

Все остальное — красивые слова. Сарро и Мелин, пожалуй, самым точным образом определили основные линии взаимоотношений метрополии и Индо-Китая. Французские империалисты стремятся найти способы наиболее полной эксплуатации новых ресурсов, открыть новые рынки сбыта своих товаров и одновременно затормозить развитие индокитайской промышленности, которая могла бы стать конкурентом промышленности метрополии.

Поль Бернар, член «Французского и Колониального общества», хорошо осведомленный в вопросах французской

¹ Альбер Сарро — французский реакционный деятель — был в 1911—1914 и 1916—1919 гг. генерал-губернатором Индо-Китая. Известен беспощадным подавлением национально-освободительного движения народов этой колонии. Позднее Сарро занимал ряд министерских постов, а в 1933—1936 гг. возглавлял французское правительство. (Прим. ред.)

² Sarraut A., *Grandeur et servitude coloniales*, p. 107—108

³ Жюль Мелин — реакционный французский деятель. В 1896—1898 гг. возглавлял кабинет министров. (Прим. ред.)

политики в Индо-Китае, писал: «Вполне ясно, что метрополия ищет в колониях: а) земель для своего избыточного населения и места сбыта своих товаров; б) сферу инвестиций своих капиталов, а также источников сырья, необходимого для отечественной промышленности»¹.

В дальнейшем мы ознакомимся с методами, при помощи которых французский империализм осуществляет эксплуатацию Вьет-Нама.

Достаточно сказать, что вся экономика Вьет-Нама организована так, чтобы приносить наибольшие выгоды крупным французским компаниям. Капиталистов привлекают лишь крупные прибыли, ради получения которых они игнорируют будущее развитие колоний. Если не считать транспорта, то окажется, что развитие Индо-Китая остановилось на стадии использования сырьевых ресурсов.

Могут возразить на это, что индокитайцы вольны, мол, закупать и перерабатывать добываемое нами на их земле сырье. Но, спрашивается, на какие капиталы могли бы они сделать это?

Вся экономика Индо-Китая в руках французских империалистов. Все доходы с экспортируемых товаров принадлежат компаниям, дивиденды которых распределяются во Франции. «Большая часть доходов,— пишет П. Бернар,— остается в Европе, наличный же денежный оборот внутри Индо-Китая ограничен суммой, эквивалентной расходам по оплате рабочей силы, внутреннего транспорта и т. п.».

Таков первый аспект этой колониальной политики: все ресурсы страны эксплуатируются иностранными предпринимателями, которые ищут только собственной выгоды, несколько не заботясь о будущности колонии. Заработной же платы индокитайцев едва хватает на питание и предметы первой необходимости.

А что представляют собой эти предметы первой необходимости? Может быть, вы думаете, что индокитайцы производят их сами? Что мизерные суммы, оставленные крупными компаниями внутри страны, используются в интересах местных жителей? Ничуть не бывало. Хлопчатобумажные ткани, посуда, шерстяные товары — все идет из Франции.

¹ Bernard P., Le problème économique indochinois, p. 185.

Таков второй аспект этой экономической политики, заключающийся в том, чтобы сохранить для промышленности метрополии индокитайский рынок сбыта.

Эта политика насильственно разрушает естественные связи экономики Индо-Китая со странами Дальнего Востока. Индокитайцы вынуждены покупать вещи по слишком дорогой цене и не соответствующие их вкусам и потребностям, которые, несомненно, отличаются от европейских.

Экономическая и таможенная политика Индо-Китая определяется исключительно интересами промышленности метрополии.

Для того чтобы заставить Индо-Китай покупать у Франции предметы первой необходимости, нужно было изолировать его от всего остального мира. Это и было осуществлено законом от 11 января 1892 г., когда Индо-Китай был объявлен «ассимилированной колонией» (*colonie assimilée*) лишь товары метрополии получают в нее свободный доступ, товары же всех других стран облагаются теми же пошлинами, что и во Франции.

В своем труде «Об экономическом развитии французского Индо-Китая» проф. Ш. Робекэн так излагает колебания французской таможенной политики:

«Были предусмотрены известные изъятия и уклонения, — пишет он, — которые, по мнению некоторых, должны были привести к установлению специальных тарифов... Проекты изъятий и уклонений, представленные на рассмотрение министров, неизменно, однако, отвергались правительством метрополии. Как правило, повышение тарифов в метрополии влекло за собой повышение их и в Индо-Китае, причем совершенно не учитывалось его специфическое положение».

Несообразность этой политики была очевидна. Индо-Китай, совершенно оторванный от Дальнего Востока, стал придатком промышленности метрополии. Одно время, в 1928 г., французское правительство собиралось предоставить индокитайской таможенной системе несколько большую самостоятельность и разрешить колонии снижать тарифы по своему усмотрению.

«Но в действительности, — пишет Ш. Робекэн, — закон 1928 г. предусматривал проведение в жизнь еще более

жесткого протекционизма. Требования европейских компаний в Индо-Китае возобладали над пожеланиями метрополии».

Какое признание! Индокитайской экономики не существует. Не существует и колониальной автономии. Существуют лишь крупные компании, которые устанавливают тарифы, считаясь только с собственной выгодой и не принося во внимание местных нужд.

Поль Бернар подводит итоги этой политики. Он устанавливает, что вследствие таможенного режима фабричные товары в Индо-Китае на 15 % дороже, чем в других странах. Получающееся благодаря этому превышение фактического поступления налога над предполагавшимся составляет 12 млн. пиастров в год, которые идут в пользу французских капиталистов.

Вследствие бедности населения и слабого экономического развития страны импорт Индо-Китая чрезвычайно мал. В 1931 г. он составлял 129 млн. пиастров. При этом установлено, что половина импортированных товаров скупалась зажиточными слоями, которые составляли примерно одну десятую всего населения. Таким образом, импортируемые товары практически не улучшают жизненных условий масс. Индокитаец в среднем потребляет ежегодно импортируемых товаров на сумму около 3,4 пиастра. Понятно, что при таком положении нельзя надеяться на сколько-нибудь заметное развитие страны.

Такова ситуация в отношении импорта.

Нашел ли, однако, Индо-Китай достаточный для себя рынок сбыта во Франции? Благоприятствовало ли открытие французского рынка развитию местной промышленности?

Принцип взаимности при освобождении от таможенных пошлин был осуществлен далеко не полностью. Желание предохранить французскую промышленность от какой бы то ни было колониальной конкуренции преобладало над всем остальным.

«Ни одной из колоний не была предоставлена возможность свободного развития промышленности, — пишет Ш. Робекэн; — даже самая возможность этого развития долгое время казалась парадоксальной и непонятной. Не миновал этого и Индо-Китай.

Известно, что регламентация и таможенное законодательство метрополии в значительной мере определили черты современной экономики Индо-Китая, в частности отсталость обрабатывающей промышленности по сравнению с сельским хозяйством.

Количество рабочих, занятых до начала кризиса 1929 г. на предприятиях современного типа, не считая плантаций и копей, составляло 86 тыс. человек. Несомненно, что оно не выше и в настоящее время».

Уже первые группы французских капиталистов в Индо-Китае установили там свою монополию в экономическом и финансовом отношении. Дальше мы увидим, каким образом Индокитайскому банку и зависимым от него фирмам удалось установить контроль над валютой и, тем самым, над всей экономической жизнью страны и направлять все ее развитие.

По словам Поля Бернара, финансовые группы учитывали интересы французских промышленников.

«Они боялись утратить связи с представителями некоторых отраслей французской промышленности, приобретенные благодаря общности интересов, — пишет он. — Они были солидарны с метрополией в политике ограничения местной промышленности. Настойчиво требуя беспопытного доступа на французский рынок для производимого ими риса и продуктов горной промышленности, они одновременно не только отказывали в этой привилегии другим товарам не связанной с ними индокитайской промышленности, но и поддерживали кампанию представителей промышленности метрополии за ограничение торговли этими товарами даже в самой колонии».

Этот факт представляет разительный пример экономического подчинения Индо-Китая иностранному капиталу. Таким образом, промышленному развитию Вьет-Нама противодействовали не только французские компании в Индо-Китае, но французский капитализм в целом, находящийся в тесном союзе с Индокитайским банком и зависимыми от него фирмами.

Другой причиной торможения развития промышленности было то, что предприниматели стремились к быстрой и непосредственной наживе. Они не желали подвергаться ни риску создания долговременных и требующих больших

издержек предприятий, ни риску возможной конкуренции. «Впрочем, — добавляет Поль Бернар, — те предприятия, которые отважились на риск и на этом основании явились подлинными инициаторами создания местной промышленности, не преуспели, и среди них лишь единицы продолжают выплату дивидендов».

Иначе говоря, империализм исчерпал себя до конца; он убил свободную конкуренцию; в колонии существуют лишь крупные компании, монополия которых служит личной выгоде капиталистов, а не развитию экономики страны.

Вся экономика Индо-Китая связана с крупными компаниями, а так как эти последние, в свою очередь, пользуются поддержкой капиталистов в метрополии, то нетрудно понять, что все доходы от индокитайского экспорта стекаются во Францию и что экономическое развитие Индо-Китая полностью зависит от группировок французских капиталистов.

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИНДОКИТАЙСКИЙ БАНК»

Существование этих группировок уже ни для кого не является секретом. Все же стоит напомнить, как Индокитайский банк, являющийся их центром, методически трудился над их созданием.

Индокитайский банк, основанный в 1875 г., то-есть в самом начале колонизации Индо-Китая, является не только эмиссионным, но и коммерческим банком и в качестве такового контролирует все секторы экономики страны посредством системы участия, подставных лиц и перекрещивающихся директоратов.

Таким образом получается, что небольшая кучка дельцов при поддержке банка концентрирует в своих руках все предприятия колонии. Рынки каучука, риса и минерального сырья целиком находятся во власти господ Жискара д'Эстань, Дюбинье де Стрель, Поля Бодуэна, Жозефа Дешана, Робера Турнира, Максима Ренодена¹ и небольшого числа других дельцов.

В опубликованной в 1926 г. банком заметке отмечалось: «Все путешественники, побывавшие в Индо-Китае,

¹ Перечисленные лица являются одновременно членами административных советов многих (до 15—17) фирм. (Прим. автора.)

были восхищены быстрым развитием этой страны. В интересах справедливости следует признать, что Индокитайский банк стоял во главе зачинателей и творцов этого великого дела, ибо он больше кого-либо другого способствовал процветанию страны. Торговля Индо-Китая самым своим существованием обязана банку...

Ни одно промышленное предприятие или сколь-нибудь значительное начинание в Тонкине не обошлось без содействия этого банка. В Китае он, по поручению правительства, является представителем политических и финансовых интересов Франции в международном консорциуме».

После первой мировой войны сфера деятельности банка была значительно расширена благодаря контролю над двумя банковскими организациями: «Французским и колониальным финансовым обществом» и Франко-Китайским банком. Эти три банка образовали единую финансовую группу, под контролем которой оказалась вся финансовая и промышленная деятельность как Индо-Китая, так и французских колоний в Океании и в других местах. В Индо-Китае этот консорциум осуществляет контроль над финансовыми обществами и обществами недвижимого имущества, над производством взрывчатых веществ, фосфатов, цемента, стекла, над общественными работами, трамвайной сетью и т. д.

Общество «Тонкинские угольные копи», добывающее 71% всего угля Индо-Китая, входит в группу фирм, зависимых от Индокитайского банка. И само собой разумеется, что среди членов административного совета нет ни одного вьетнамца. Нужно ли после этого удивляться, что из 513 млн. франков валовой прибыли за пятнадцать лет 351 миллион пошел на дивиденды и тантъемы (на капитал в 65 млн.) и лишь несколько десятков миллионов было ассигновано на расширение оборудования имеющихся предприятий.

В некоторых областях Индокитайскому банку приходится делить свое господство с другими финансовыми группами, а именно с группой Риво, занимающей самое видное место в сфере каучуковой промышленности, и группами Аллани и Ванделя (финансирование оловянной, никелевой и вольфрамовой промышленности).

В конечном счете Индокитайский банк направляет движение всех ценностей в Индо-Китае. Его чистый доход за десять лет (с 1934 по 1944 г.) превысил 550 млн. франков. Эта сумма соответствует приблизительно половине стоимости среднегодового экспорта колоний. Она свидетельствует о неограниченном контроле Индокитайского банка над всей экономикой Индо-Китая.

Но сам Индокитайский банк является, в свою очередь, лишь орудием в руках крупного капитала Франции. Парижский банк, Промышленный и Коммерческий кредит, Учетный банк, Лионский кредит правят индокитайской экономикой и оказывают давление на колониальную политику.

Не останавливаясь здесь на таких общих вопросах, как франко-вьетнамские переговоры в Фонтенбло, руководителем которых со стороны Франции был бывший директор одного из филиалов Индокитайского банка Макс Андре, мы хотим лишь показать, каково было влияние банка на общее экономическое управление колонией.

Экономика Индо-Китая носит отсталый характер. Обзор импорта показал, что страна нуждается в самых простейших промышленных товарах и что ее собственная промышленная продукция почти равна нулю. Но, как мы уже знаем, импорт товаров, которые служили бы не только удовлетворению потребностей населения, но, прежде всего, способствовали бы началу индустриализации страны, крайне мал.

«В 1918 г., — пишет П. Бернар, — импорт в Тонкине достигал 17 млн. пиастров и в 1935 г. всего лишь 25 миллионов. За этот же период население увеличилось почти вдвое. Цены повысились. Таким образом, общее количество импортируемых товаров значительно съизилось. Следует признать, что туземцы лишены возможности усовершенствовать свое производство и что теперешняя их жизнь ничуть не лучше, чем тридцать лет назад».

И Поль Бернар добавляет: «Проведение в жизнь программы-минимум, которая бы ставила целью обеспечение аннамитов достаточным питанием, приличным жилищем и двумя комплектами хлопчатобумажной одежды в год, потребовало бы такого развития местной промышленности, которое трудно даже вообразить».

Обратим внимание на это веское утверждение. Поистине разительный контраст между благосостоянием капиталистов и нищетой вьетнамского народа!

Включение Индо-Китая во французскую колониальную империю дает возможность нескольким сгруппировавшимся вокруг могущественного Индокитайского банка крупным компаниям максимально использовать в своих интересах беззащитный народ. Держа в своих руках эмиссию валюты, кредит и большинство крупных предприятий, банк доминирует над администрацией колонии, то-есть является фактическим хозяином Индо-Китая. С тем, как он осуществляет свое господство, мы уже знакомы.

Прежде всего он подвергает Индо-Китай, включенный в колониальную систему Франции, экономической изоляции и полностью вырывает его из той среды, которая могла бы способствовать его развитию.

Затем, прямо или косвенно, путем концессий, экспроприации, ипотечных займов, он завладевает всеми основными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, которые, таким образом, отнимаются у вьетнамского народа.

И, наконец, он проводит политику ограничения развития промышленности Индо-Китая и, тем самым, парализует экономический подъем вьетнамской нации.

И в то время как колония коснеет в отсталости и нездоровых условиях быта, банк процветает и обогащается.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

«Имения создаются не посредством сбережений, а скупкой по дешевке земельных участков, взятых в залог долга. Ростовщичество является самым верным и экономным способом округления земельных владений»¹.

Можно сказать, что ростовщичество — одна из «язв страны».

«Нет ни одного человека, — пишет Сильвестр, — который бы не был либо должником, либо заимодавцем. Та-дьян (арендатор) занимает у помещика, а последний, если к тому представится случай, — у более крупного капиталиста; рабочий находит кредит у мастера, мастер — у своего

¹ Gourou, L'utilisation du sol en Indochine

нанимателя, люди свободных профессий занимают у китайских торговцев или ростовщиков».

Все население опутано густой сетью долгов. Аннамские крестьяне занимают по самым различным причинам всякий раз, когда их вынуждает к этому какой-нибудь непредвиденный и неизбежный расход: похороны родных, покупка сельскохозяйственных орудий, замена павшего буйвола и др. Но тяжелей всего то, что крестьянину приходится залезать в долги не только по случаю перечисленных выше исключительных расходов, но также для того, чтобы обеспечить себя питанием, семенами и удовлетворить другие повседневные нужды. Можно сказать, что нет такого арендатора, который перед началом полевых работ не занимал бы у помещика.

Помещик ссужает своих арендаторов деньгами под ростовщические проценты, которые колеблются в соответствии с величиной занимаемой суммы; в некоторых случаях он взимает 10% в неделю. Это так называемый долг «на неделю» — вайса со, — долг «позарез».

Иногда крестьянин выплачивает свой долг трудом, но в этом случае его труд идет за полцены. Нередки также случаи отработки долга детьми должника, что является пережитком кабального рабства.

Эта хроническая аграрная задолженность имеет два последствия: во-первых, барыши, получаемые помещиками от ростовщичества, значительно превышают их доходы от имения, результатом чего является известная небрежность в эксплуатации имения; во-вторых, мелкие крестьяне живут постоянно под угрозой наложения ареста на их имущество, которое в таком случае переходит к заимодавцу. Обычно эти мелкие крестьяне остаются на своей земле, превращаясь в арендаторов своих ростовщиков. Они берут в наем землю, дом, а иногда буйволов и сельскохозяйственные орудия. Проценты выплачиваются натурой из урожая; нередко случаи, когда ростовщик забирает до 70% урожая. Поскольку в большинстве случаев крестьяне арендуют около 5 гектаров, то оставшихся тридцати процентов урожая, собранного с этой площади, нехватает для прокормления семьи; та-дён вынужден снова занимать, и таким образом вовлекается в порочный круг постоянной задолженности.

Большинство помещиков не имеет непосредственной связи со своими арендаторами. Ведение хозяйства в имении доверяется управляющему (хоа-дап), весьма значительный доход которого представляет собой разницу между собираемой им с та-дьенов арендной платой и той суммой, которую он вносит помещику. Нетрудно представить, какую роль играет этот хоа-дап — гроза аннамитских крестьян.

Эта вечная задолженность массы аннамитских крестьян привлекла внимание центральной администрации, которая создала сельскохозяйственные кредитные банки. Все эти банки ссужали деньги под установленные правительством проценты (10%), но давали ссуду только крупным помещикам, именья которых были чисты от какой бы то ни было ипотеки. У крупных помещиков оказывались благодаря этому значительные суммы, которые они ссужали, но уже под ростовщические проценты, мелким земледельцам, а те — своим та-дьенам. Таким образом, это мероприятие лишь усугубило ростовщичество.

ОБРАЗОВАНИЕ КРУПНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Подобная тактика предоставления нуждающимся землевладельцам ссуд с тем, чтобы при первом удобном случае захватить их земли, была направлена к выгоде французских капиталистов. Банк «Сельскохозяйственный земельный кредит» — филиал «Индокитайского земельного кредита»¹, который, в свою очередь, представляет собой отделение Индокитайского банка, — вполне преуспел в этом.

Но большие земельные владения, принадлежащие группам французских капиталистов, приобретены зачастую другим путем — путем концессий.

Концессии стали предоставляться французским колонизаторам в 1890 г. посредством отчуждения государственных (домениальных) земель или рассматриваемых как таковые, то-есть таких земельных участков, которые совершенно не обрабатывались и не имели определенного хозяина; в качестве домениальных земель рассматривались даже и те земли, которые обрабатывались лишь временно. Но это мероприятие привело к злоупотреблениям, ибо, как

¹ Ныне «Индокитайский ипотечный кредит». (Прим. автора.)

пишет Робекэн, «неправильно считать бесхозным имуществом обширные территории внутри страны лишь потому, что они не заняты постоянными культурами... Эти территории принадлежат земледельцам-кочевникам, и отдельные их участки считаются в период сельскохозяйственных работ принадлежащими тем семьям, которые первыми запахали их. Бесхозной землей не является и остальная часть этих земель; они остаются в общинном владении деревень. На эти земли (со строго определенными традицией границами), которые необходимы для существования общины, она имеет полное право и пользуется ими с незапамятных времен».

Случалось даже, что концессии представляли собой обширные площади, простирающиеся иногда на многие тысячи гектаров и охватывающие целые деревни с принадлежащими им общинными угодьями.

Назовем в качестве примера известную концессию Бургон-Меффр в Тонкине, которая простирается на три провинции площадью в 8461 гектар и охватывает целиком или частично территорию 57 деревень. Вот что пишет о ней резидент провинции Сон-Тай Тюка в сообщении от 30 марта 1944 г.:

«Эта концессия была предоставлена в 1888—1892 гг., в то время, когда свирепствовали пираты, и жители, спасаясь от них, были вынуждены покидать на некоторое время свои деревни... По условиям концессии концессионеры пользовались землей на правах полной собственности...

Ни разу не было случая, чтобы концессионер возделал хотя бы крошечный участок. Единственным его занятием в течение тридцати лет была сдача в аренду участков и сбор с крестьян арендной платы. Все тридцать лет жители деревень находились под угрозой экспроприации концессионером принадлежащих им земель, которые они покидали лишь на короткий срок и занимали вновь тотчас же по восстановлении порядка».

Таким образом, то посредством расхищения крестьянских земель, то посредством концессий в Индо-Китае создавались крупные земельные владения, наиболее значительными из которых являются каучуковые плантации в Кохинхине.

РАБОЧАЯ СИЛА

Быстрое развитие каучуковой промышленности, потребовавшее большого количества рабочей силы, выдвинуло новые проблемы. Красные и серые почвы, окаймляющие зону рисовых полей, не могли привлечь к себе сравнительно редкое население Кохинхинской дельты. К тому же области, где растут каучуковые деревья, отличаются нездоровым климатом, и сельскохозяйственные рабочие стараются их избегать. Сначала для работ на каучуковых плантациях пользовались трудом довольно значительных групп народности мой, но они были весьма ненадежны, так как отказывались работать более десяти дней подряд.

Делались также попытки вербовать кули в перенаселенной Тонкинской дельте. Дело вербовки рабочей силы было поручено французским и аннамским вербовщикам, которые превратили его в настоящую «торговлю кули», ибо вербовали не только для кохинхинских плантаций, но и для Таити, Новой Каледонии и других тихоокеанских колоний. Французское общественное мнение знакомо с деятельностью этих вербовщиков, которых, по аналогии с прежними негроторговцами, можно назвать «торговцы желтокожими». В январе 1928 г. французскому кораблю было предложено покинуть один из австралийских портов, так как на нем находились рабы из французских колоний, низведенные до уровня рабочего скота.

Приведем несколько выдержек из различных источников.

«Для приманки кули вербовщики засыпали их такими обещаниями, о каких в договоре не было и помину, — высокая заработная плата, большие порции риса, хорошая рыба, короткий рабочий день. О штрафах не было и речи¹. Не упоминалось и о том, что в результате особой системы авансов для оплаты обязательных покупок и различных удержаний из заработной платы, а также вследствие того, что дни болезни не оплачиваются, рабочий по окончании контракта оказывался в довольно крупном долгу у хозяина и, для того чтобы выкарабкаться из него, был вынужден заключать новый договор...

¹ Анри де Монпеза, Письмо генерал-губернатору от 7 февраля 1928 г.

Неграмотные, вместо подписи, прикладывали свой палец.

Туземцы, предназначенные к отправке на тихоокеанские острова, помещались в изолированных лагерях под охраной милиции, не допускавшей к ним их родственников и друзей.

Остальные направляемые на кохинхинские плантации отвозились туда на грузовиках и по железной дороге под вооруженным конвоем. Еще до прибытия на место назначения они начинали понимать, что их ожидает. Многие в стечении прыгали с грузовика или поезда на полном ходу»¹.

«За каждого доставленного кули вербовщик получал не менее 15 пиастров. Согласно материалам сельскохозяйственной палаты, Кокхингине требовалось ежегодно не менее 40 тыс. кули. По официальным данным, число кули составляет 30 тыс. Если присоединить к этому 8 тыс. кули, предназначенных для отправки на острова Тихого океана, то получится цифра, близкая к 40 тыс. рабочих, то-есть, в переводе на деньги, доход вербовщиков в год составляет 600 тыс. пиастров»².

«Это — полное повторение в XX веке картины невольничьего рынка прошлых времен.

То, что совершается в Индо-Китае, еще хуже прежнего рабства. Рабовладелец был, по крайней мере, заинтересован в том, чтобы кормить своего раба, который представлял для него известную ценность. Наоборот, для того, кто покупает тонкинца на пять лет, его ценность ежегодно снижается на одну пятаю. Таким образом, он заинтересован в том, чтобы за пять лет выжать из своей покупки все, что только можно... И какое ему дело до того, что человек к моменту своего освобождения станет уже ни на что не годным! Ведь хозяин не потеряет на этом ни одного су»³.

Правда, французское правительство вмешалось, наконец, в это дело, но условия жизни на плантациях продолжали оставаться крайне тяжелыми. Как явствует из документа, опубликованного Международным бюро труда⁴, кули

¹ Roubaud L., Viet-Nam, p. 182—184.

² Monnet P., Les Jauniers, 1930, p. 42.

³ Montpezat Henri, Volonté Indochinoise, 1927.

⁴ Сборник «Problème du Travail en Indochine».

работает от 11 до 11^{1/2} часов в сутки, вставая для этого в три часа утра...

Еще и теперь заявления некоторых чиновников поражают своим цинизмом.

Так, например, в секретном рапорте главного инспектора управления купей Деруссо, направленном в 1940 г. генерал-губернатору, указывалось:

«Ввиду того неопровержимого и непреложного факта, что нья-ке¹ соглашается покинуть свою деревню только тогда, когда умирает с голоду, следует прийти к парадоксальному заключению, что единственным средством от теперешней болезни (недостаток рабочей силы) является обнищание деревень, отмена пособий и снижение цен на сельскохозяйственные продукты».

Эта точка зрения властей не изменилась и поныне. А если и есть скептики, сомневающиеся в этом, то предлагаем им поразмыслить над выдержками из протокола инспекции труда, датированного мартом 1946 г. (мы не оговорились, — именно мартом 1946 г.!), в котором обсуждался вопрос об административных мерах по удержанию рабочих после окончания срока контракта и о возвращении в Сайгон всех лиц, у которых отсутствуют надлежащие документы:

«Советник-экономист предлагает в качестве первой меры задержание на работе законтрактованных рабочих по истечении срока их контракта.

Инспектор труда уточняет, что речь идет о продлении срока действующих ныне контрактов в административном порядке... Важен принцип. Выдвинутое администрацией предложение является наиболее эффективным из всего, что можно пожелать в этом отношении, и требует немедленного и безоговорочного его принятия...

Инспектор труда останавливается на проблеме возвращения в Сайгон переходящих с места на место в поисках работы рабочих. Вследствие спроса плантаторов на рабочую силу французский комиссар в Кохинхине разрешил полиции задерживать индокитайцев, не имеющих документов. Полиция взялась за это дело охотно...»

¹ Нья-ке — вьетнамский крестьянин. (Прим. автора.)

ОПИУМ

Основными источниками бюджета колониальной администрации являются налоги на алкоголь, опиум, соль и даже азартные игры.

Налог на опиум принес за последние годы администрации колонии около 60 млн. пиастров. Оказывается, в Индо-Китае потребление опиума не только не запрещено, но, наоборот, благодаря заботам правительства, сохранившего за собой монополию на его производство и распространение, он продается на каждом шагу.

Опиум в Индо-Китае продается, так же как папиросы во Франции, в государственных киосках. Как видно из циркуляра веоховного резидента Тонкина за № 875 S. A. E. от 22 июля 1942 г., на резидентов провинций Лаокей, Сонла и др. возлагаетя обязанность всячески содействовать производству опиума и бороться с нелегальной торговлей им. Результаты этой политики очевидны. Если до французского завоевания потребление опиума в Индо-Китае было делом весьма редким, то теперь наблюдается все возрастающий спрос на этот наркотик. Если в 1934 г. потреблялось 29 326 кг опиума, то в 1940 г. потребление его достигло 71 736 кг.

С 1940 г. индокитайское Управление по сбору косвенных налогов, закупавшее до тех пор опиум за границей (Индия, Китай), оказавшись отрезанным от этих своих постоянных рынков, значительно увеличило местную посевную площадь под маком (из которого получается опиум). Если в 1940 г. местная продукция составляла 7 560 кг опиума, то в 1944 г. она составила 60 633 кг. Таким образом, за четыре года продукция опиума увеличилась более чем в восемь раз.

АЛКОГОЛЬ И СОЛЬ

Еще один источник дохода — государственная монополия на алкоголь, учрежденная Полем Думером¹

¹ Поль Думер — французский реакционный деятель. В 1897 — 1902 гг. занимал пост генерал-губернатора Индо-Китая. В 1931—1932 гг. был президентом Франции. Вся политика Думера в Индо-Китае, способствовавшая проникновению французского капитала в самые отдаленные районы страны, была направлена к полному подчинению экономики Индо-Китая интересам французского империализма. (Прим. ред.)

постановлениями от 1 июня 1897 г. — для Тонкина и от февраля 1902 г. — для всего остального Вьет-Нама. Реализация этой монополии была поручена частному «Обществу винокуренных заводов Индо-Китая», которое во время японской оккупации отличалось тем, что продавало врагу не только алкоголь, но и жидкое горючее (в котором японцы испытывали недостаток), наживая на этом огромные прибыли.

Для повышения доходов Управления по сбору косвенных налогов было установлено принудительное потребление алкоголя.

«Администрация решила, что, начиная с сего дня, каждый из состоящих на учете должен потреблять семь литров алкоголя. Каждая деревня, не закупившая установленного количества, будет рассматриваться как занимающаяся контрабандой, и ее именитые жители (нотабли) подвергнутся законному наказанию. Количество алкоголя, приходящееся на долю каждой деревни, пропорционально числу состоящих на учете из расчета семь литров на человека. Сумма, причитающаяся за установленное количество литров алкоголя, вносится сполна, независимо от того, было ли это количество продано целиком или нет. Потребление алкоголя в Тонкине и Аннаме обязательно, а в скором времени это положение будет распространено также и на Кохинхину и весь остальной Индо-Китай»¹.

Что касается режима соляной монополии, то он точь-в-точь похож на монополию, существовавшую в средневековой Франции, — пресловутую «габель». Правительство располагает монополией на закупку и продажу соли; мелкий солевар (как правило, бедняк) продает Управлению всю добываемую им соль и затем покупает ее вновь, уже раз в пять-десять дороже.

ПОДУШНЫЙ НАЛОГ

Свою «цивилизаторскую миссию» Франция выполняет довольно своеобразно. Она организует игорные дома и продажу алкоголя, устанавливает при посредстве монополии на соль один из наиболее жестких видов принуждения, характерный для крупных феодалов средневековья, и контролирует распределение опиума.

¹ «Aurore Indochinoise», 8 septembre, 1934.

Возродив средневековую систему, правительство учредило особый налог, которым облагались, само собой разумеется, только вьетнамцы; этот налог был настоящей «подушной податью»; при его помощи выколачивали деньги из всех слоев населения, но главным образом из беднейших классов.

В 1944 г. в категорию «имущих» были механически зачислены крестьяне, владеющие лишь одним туюко (24 кв. м) земли, и служащие с годовым заработком в 120 пиастров; им пришлось платить подушный налог в 5,5 пиастра, а также дополнительно 118 сантимов. Не были пощажены и неимущие в полном смысле этого слова.

Кроме того, по уплате этого налога каждому вьетнамцу вручалась налоговая книжка, предъявления которой в любой момент мог потребовать полицейский. Некоторые французы, с целью давления на своих слуг, задерживали эти книжки у себя, что ставило их слуг вне закона.

В свете этих фактов совершенно бледнеют отдельные показные «достижения», которые не могут скрыть от французского народа чудовищный характер колониальной эксплоатации Индо-Китая.

* * *

Виши и захват Японией Индо-Китая

Еще за несколько лет до того как над Европой разразилась война, японский империализм начал войну в целях покорения Китая и превратился в угрозу всему Дальнему Востоку. Колониальные державы (Франция и Англия) почувствовали, что их владения, главным образом Индо-Китай и Бирма, через которые шло снабжение Китая, являются предметом вожделений Японии.

Но если, с одной стороны, империалисты стремились сохранить те из своих колониальных владений, которые еще можно было сохранить, то, с другой стороны, они питали сильную симпатию к фашизму; вот этой-то двойственностью и объясняется их поведение в период 1940—1945 гг., который, после целого ряда капитуляций перед фашизмом, окончился 9 марта 1945 г. полным захватом японцами Индо-Китая и дискредитацией империалистической Франции.

ПЕРВЫЙ ШАГ...

После военного поражения, понесенного Францией в июне 1940 г., японская угроза проявилась в полной мере. 19 июня Япония потребовала закрытия китайской границы.

Индо-Китай был плохо вооружен; у него не было современной авиации, и он не мог рассчитывать на помощь извне.

Генерал Катру принял предложенные Японией условия. Первый шаг был сделан.

В августе правительство Виши, заменив генерала Катру адмиралом Деку, признало господствующие интересы Японии на Дальнем Востоке как в экономической, так и политической сфере и согласилось предоставить ей «воен-

ные льготы» при условии соблюдения территориальной целостности Индо-Китая.

Бои, происходившие в конце сентября и раздутые печатью метрополии, в действительности были лишь результатом неналаженности связи. Впрочем, вскоре после этого были заключены военные соглашения, давшие возможность японцам обосноваться в Индо-Китае. С этого момента японские войска устраиваются там, как дома, используют местные аэропорты и т. д. Японские дипломаты заключили в это время целый ряд соглашений, значительно способствовавших упрочению японского засилья. Результаты этих соглашений можно резюмировать следующим образом:

- 1) Япония усилила блокаду Китая;
- 2) она получила возможность использовать Индо-Китай в качестве базы военных операций на Тихом океане, чем в значительной мере объяснялись успехи Японии в первые месяцы по вступлении ее в войну в 1941 г.;
- 3) она смогла использовать материальные ресурсы Индо-Китая для своего снабжения.

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗОВ В ИНДО-КИТАЕ

Правда, могут сказать, что Индо-Китай не был в состоянии оказать надлежащего вооруженного сопротивления. Допустим, что это так (что, впрочем, служит лишь новым доказательством несостоятельности французского генерального штаба). Но как тогда объяснить тот факт, что в течение целых пяти лет французские империалисты трудились над укреплением могущества Японии на Тихом океане, заботились о ее снабжении и о подавлении антифашистского движения? Ибо японский империализм нашел в индокитайском вишизме, возглавлявшемся адмиралом Деку, одну из прочнейших точек опоры.

И если французские колониальные деятели и отказались (впрочем, только из «расовых» предрассудков) допустить японцев в свое общество или пойти на создание франко-японских обществ и клубов (наподобие франко-германских обществ), то это ничуть не помешало их сотрудничеству с японцами в коммерческой и финансовой сферах. Таким образом, французские империалисты в Индо-

Китае занимали позицию, аналогичную позиции крупной буржуазии во Франции.

Прежде всего, бросается в глаза сходство режимов.

Адмирал Деку вскоре стал проводить политику в духе мероприятий правительства Петэна. Фактически эти мероприятия были просто перенесены им на почву Индо-Китае.

В Индо-Китае, так же как и во Франции, нашлись люди, готовые разглагольствовать о «воинской доблести» держав «оси», клеймить позором борьбу, ведущуюся партизанами и отрядами «Французских внутренних сил» (ФФИ), воспевать победы немецкой армии, плакать над павшими в России «героями» из «легиона» предателя Дорио и осыпать бранью союзническую авиацию, бомбардировавшую стратегические пункты в Индо-Китае; все это распространялось при помощи брошюр, газетных статей, конференций, выступлений по радио и т. д. Распространением этих сообщений в течение четырех лет занималось специальное бюро пропаганды, агитации и печати.

Нашлись люди, пожелавшие оказывать моральную поддержку «легиону» Дорио, распространять речи Петэна, заниматься организацией доносов на сторонников «Свободной Франции» и вылавливанием всех лиц, принадлежавших к левым партиям. В Ханое, например, было трое врачей, или, как их тогда прозвали, «трио фашистских врачей», — все трое — большие мастера доноса, интриганы и неразборчивые в средствах честолюбцы, один из которых выдал раненных американских летчиков.

Обыски, тюремные заключения, ссылки на поселение, смещение с должности — все эти меры применялись к тем, кто устно или письменно порицал фашизм во всех его формах, кто тайно слушал запрещенные радиопередачи, кто пытался покинуть Индо-Китай и примкнуть к армии союзников.

А в общем события в Индо-Китае нисколько не должны удивлять тех, кто жил во Франции при правительстве Виши.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

И вот теперь эти же самые французские фашисты в Индо-Китае отрицают свое сотрудничество с Японией.

Мы увидим дальше, что и в этом отношении их позиция совершенно аналогична позиции их друзей в метрополии.

Японцам было выгодно, чтобы административный аппарат Франции, который им трудно было заменить своим, во-первых, проводил преследование демократических элементов как среди французов, так и среди аннамитов, и, во-вторых, чтобы с его помощью они могли наиболее полно эксплуатировать природные богатства Индо-Китая.

И только потому, что обе эти цели легче осуществлялись при помощи адмирала Деку, японцы до марта 1945 г. делали вид, будто бы питают уважение к суверенитету Франции. При этом они имели основание быть уверенными в сотрудничестве французских трестов.

В середине 1941 г. вступило в силу «Соглашение о навигации и поселении», выработанное франко-японской комиссией, которая заседала в Токио с декабря 1940 г.

В сфере внешней торговли Индо-Китай предоставил Японии режим «наиболее благоприятствуемой нации» и, кроме того, обязался поставлять значительные количества риса, каучука, майса, угля, различных ископаемых и пр. В обмен на это Япония должна была ввозить различные фабричные изделия, главным образом текстиль.

Индокитайский банк ссудил Японии деньги, предназначенные на эти покупки.

Ссуды выражались в следующих цифрах: за 1940—1942 гг.— 150 млн. пиастров; за один только 1943 г.— 117 млн. пиастров, тогда как весь годовой бюджет французской администрации в Индо-Китае составляет 300 млн. пиастров.

Но если первое время японские поставки (текстиль, медикаменты и пр.) служили некоторым подспорьем экономике Индо-Китая, оторванного от своих обычных рынков, то вскоре обмен, предусмотренный соглашением, был нарушен в отрицательную для Индо-Китая сторону. Япония, производство которой все более и более ориентировалось на войну, оказалась не в состоянии выполнять свои обязательства. К тому же японский торговый флот, понесший значительные потери, не мог обеспечить поставок.

Таким образом, все эти экономические соглашения вскоре приняли односторонний характер и привели к тому, что

Япония безвозмездно пользовалась сельскохозяйственными ресурсами Индо-Китая и его полезными ископаемыми.

Так Япония опустошала Индо-Китай, вывозя из него все, что только можно было, и поглощая все, что могли потребить на месте ее войска.

БЕЗЗАСТЕНЧИВОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ТРЕСТОВ

В то время как население Индо-Китая страдало, французские экспортеры наживали целые состояния, по мере того как адмирал Деку передавал в их руки монополию на все торговые сделки.

Они создавали крупные объединения, причем право утверждения или отвода кандидатур принадлежало генерал-губернатору. Только члены этих объединений имели право заключать сделки в размере тех сумм, в которых прежде выражались операции различных торговых фирм.

Таким образом, монополия крупных торговых фирм Индо-Китая укрепилась. Франко-японское соглашение предусматривало, между прочим, открытие в Индо-Китае филиалов токийских и иокогамских торговых домов. Индо-китайские коммерсанты всеми силами противились этому. Но делали они это исключительно с целью удерживать в своих руках монополию торговых отношений с Японией.

Капиталисты, ненасытные в своей наживе и неразборчивые в выборе средств, воспользовались своим привилегированным положением в индокитайской экономике с тем, чтобы организовать «черный рынок» (возможно, при соучастии некоторых чиновников); это делалось ими столь вызывающе, что даже губернатор Деку оказался вынужденным обратить на это внимание. Широко известны процессы «USIA» (филиал в Сайгоне), Декура и Кабо (филиал в Хайфоне) и импортера Ардена (председатель торговой палаты в Сайгоне).

Таким путем тресты получали баснословные прибыли, которые ныне доставили им лишь «небольшие судебные хлопоты». Но тресты быстро избавляются от этих хлопот при помощи дутых балансов, а также благодаря своим связям с влиятельными англо-американскими кругами.

ОДУРМАНИВАНИЕ МАСС

Адмирал Деку при поддержке части крупной аннамитской буржуазии, ради спасения своих привилегий готовой на любые компромиссы¹, в течение четырех лет проводил политику агрессивного авторитаризма, сводившуюся к следующему:

1) систематическое одурманивание масс (в этом Деку является продолжателем дела своих предшественников, которые стремились сохранять неграмотность населения);

2) кровавое подавление демократического движения аннамитских масс.

Спешно была проведена чистка и «укрошение» прессы. С 1940 по 1943 г. было запрещено семнадцать журналов и газет. Остальные были вынуждены ограничиться использованием материалов, навязываемых им бюро информации.

Любопытно привести в качестве примера напечатанное этим бюро анекдотическое сравнение Жанны д'Арк с Петэном:

«Жанна д'Арк — великая святая, спасшая наше отечество и прогнавшая англичан. Столь же великим святым является и маршал, и вполне возможно, что после его кончины у него также вылетит изо рта голубь».

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТЕРРОР

Одновременно с этим адмирал Деку ввел систему полицейского террора, проводившегося начальником полиции Арну с жестокостью, которая превзошла все, знакомое до тех пор аннамитам.

Тысячи аннамитов были интернированы на основании анонимных доносов. Каторжные тюрьмы на Пуло-Кондоре, в Лао-Бао, Кай-Хо были переполнены. Почти по всему Индо-Китаю были созданы «особые трудовые части», и политические заключенные вместе с уголовными преступниками отбывали годы принудительного труда в нездоровых местностях. Лишь немногие выжили в этих условиях.

¹ Эта крупная буржуазия сначала поддерживала японцев, а затем, с конца 1945 г., перешла в Кохинхине на службу к адмиралу д'Аржанлье. (Прим. автора.)

Когда в Верхнем Тонкине и в провинции Тай-Нгуен появились первые партизанские группы Вьет-Мина, против «мятежников» были двинуты карательные отряды, операции которых не имели, впрочем, никакого успеха. Настойчивые призывы Вьет-Мина к французским демократам о создании единого фронта против японского фашизма не прекращались. Но французы игнорировали эти призывы.

ПЕТЭНОВЦЫ ОБЪЯВЛЯЮТ СЕБЯ УЧАСТНИКАМИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Вплоть до середины 1944 г. (то-есть до освобождения Франции) движение сопротивления французов, проживавших в Индо-Китае, было весьма незначительным и ограничивалось разведкой и оказанием помощи американским летчикам, совершавшим вынужденную посадку на территории Индо-Китая.

С августа 1944 г. некоторые круги, предвидя поражение Японии, проявили большую активность, но их действия носили ярко выраженный оппортунистический характер. Это движение, возглавляемое высшими чиновниками, пыталось создать отряды, предназначенные для нападения на японцев в момент возможной высадки союзников.

На деле все это оказалось лишь комедией. Назначенный Петэном генерал Мордан, в течение нескольких лет преследовавший участников движения сопротивления и предававший их военному суду, затем, в последнюю минуту, с согласия самого адмирала Деку, возглавил это «сопротивление». С вьетнамским антифашистским движением, поддержка которого была необходима, не было установлено никакой связи. Оружие, сброшенное союзниками на парашютах, отправлялось на склады, где 9 марта 1945 г. его захватили японцы.

Этот картонный домик обрушился при первом же ударе 9 марта 1945 г.; японцы, проведавшие, конечно, обо всех приготовлениях, поспешили опередить французов.

Любопытная подробность: 8 марта французские круги ожидали нападения, и потому войска были приведены в боевую готовность. Нападения не последовало. Вечером

9 марта, когда напряженность ожидания ослабела, японцы прямо на улицах или на квартире во время ужина забрали в плен множество солдат и офицеров.

Гарнизон Гуэ сопротивлялся в течение двадцати двух часов. Но этим все и ограничилось. Генеральный штаб капитулировал.

Некоторые французы бежали в Китай или в леса к партизанам.

* * *

В глазах аннамитов эта капитуляция была полным крушением колониальной власти, оказавшейся бессильной защитить их от Японии.

Аргумент колониальных деятелей, что, мол, «Франция всегда готова к защите жителей Индо-Китая», день ото дня утрачивал свою силу.

В действительности для правящих классов Франции вьетнамских интересов вообще не существовало. Как сказано в послании Петэна в сентябре 1940 г., речь шла лишь о «спасении наших привилегий».

Именно этим и объяснялся призыв адмирала Деку к «защите суверенитета Франции», то-есть суверенитета трестов, получавших во время японской оккупации огромные сверхприбыли.

Но и во время сильнейших репрессий, когда среди мстных колониальных деятелей процветали измена и все виды подлости, нашлись вьетнамцы, заявившие вместе с лидером Вьет-Мина: «Мы знаем, что у Франции два лица; и мы не утратили доверия к французскому народу, к Франции 1789 г., к Франции, организовавшей движение сопротивления».

* * *

Вьет-Мин

В конце 1939 г. антиимпериалистический фронт, созданный по инициативе наиболее сознательных элементов аннамитского народа, объявил о существовании японской опасности и обратился с настойчивым призывом о создании союза всех демократов.

Мы уже знаем, как реагировали на это местные колониальные власти и как адмирал Деку со всеми теми, кто ставил свои личные интересы выше национальных, проводил политику сотрудничества с Японией.

Вьетнамские демократы указывали, что как французский колониальный гнет, так и японский миф о «Великой Восточной Азии» являются лишь двумя разновидностями фашизма. Преследуемые у себя на родине полицией, они решили перенести фронт борьбы против этих двух врагов в Китай.

В марте 1941 г. в Лиан-Чжоу, в Южном Китае, недалеко от индокитайской границы, состоялся антифашистский конгресс. Делегаты конгресса приняли решение о создании единого фронта борьбы, который должен действовать в сотрудничестве с союзниками. Это новое движение получило имя Вьет-Нам-Док-Лап-Донг-Мин, то-есть Демократический фронт борьбы за независимость Вьет-Нама, или сокращенно — Вьет-Мин.

Уже при самом своем основании Вьет-Мин отметил предательство французских колониальных деятелей в Индо-Китае, сотрудничавших с Японией, и поставил своей целью освобождение национальной территории.

На этом конгрессе появляется видная фигура Хо Ши-мина, который сразу обращает на себя внимание своей политической прозорливостью, чувством реальности и зна-

нием международных проблем. Это старый аннамский революционер — Нгуен Ай-куак¹.

Под ежедневно возрастающим влиянием Хо Ши-мина новое движение получает все большее значение.

В конце 1941 г. Чан Кай-ши в противовес этому движению создал в провинции Гуанси партию Дон-Мин-Хой, в которой группируются старые эмигранты-националисты и различные темные элементы. Во главе этой партии стояли аннамиты, заискивавшие перед гоминданом, которым Чан Кай-ши обещал после победы над Японией видные посты в Индо-Китае.

Эти лидеры были представителями крупной аннамской буржуазии, эмигрировавшими в Китай. Будучи долгое время совершенно оторванными от Индо-Китае, не пользующиеся никаким влиянием среди широких масс, лидеры Дон-Мин-Хоя оказались неспособными создать какую-либо прочную политическую организацию.

ВЬЕТ-МИН И СОЮЗНИКИ

С момента своего возникновения Вьет-Мин обращался ко всем эмигрировавшим в Китай вьетнамским патриотам с призывом к широкому сотрудничеству с целью освобождения национальной территории и восстановления независимости. Большинство членов Дон-Мин-Хоя примкнуло к единому фронту, и партия, организованная Чан Кай-ши, распалась. Она возникла вновь лишь после японской капитуляции, когда китайской оккупационной армии понадобилось средство политического воздействия на Временное правительство молодой Вьетнамской республики.

От северных до южных пределов Индо-Китае распространилась весть, что Нгуен Ай-куак, легендарный защитник интересов вьетнамского народа, призывает сплотить все живые силы страны для борьбы с японским фашизмом и его союзниками, французскими коллаборационистами в Индо-Китае.

Несмотря на усилившуюся деятельность охраны, а также военных и уголовных судов, беспощадно расправляв-

¹ Нгуен Ай-куак (Хо Ши-мин) после освобождения из под ареста в Гонконге в 1933 г. считался умершим и скрывался в течение 9 лет, ведя подпольную работу. (Прим. ред.)

шихся с патриотами, комитеты Вьет-Мина возникли во всех провинциях. Силами местных организаций были распространены тысячи листовок и отпечатано большое количество брошюр. Листовки обращались к аннамитскому народу и к французам. Неоднократно при каждом удобном случае Вьет-Мин обращался к деголлевцам и антифашистам и пытался открыть глаза французам, безвольно подчинявшимся японским оккупантам.

Вьет-Мин предостерегал этих французов от обольщения мифом о «фашистском мире» и пытался вселить в них веру в самих себя и в победу союзных армий.

Вот выдержки из этих листовок:

«Вместе с нами на борьбу за свержение общего ига!

К французским солдатам! Ко всем французам, верным Франции!

Благодаря своему положению Индо-Китай стал важнейшим стратегическим пунктом для фашизма. Деку предложили подписать договор от 9 декабря 1941 г., который санкционирует обещание помощи и верности, данное французскими фашистами своим хозяевам-японцам. Индо-Китай превратился в японскую колонию, и его приспешники стали сторожевыми псами микадо...

Вас пошлют к китайской границе, где вы будете бороться не за себя и не за нас, а за своих и наших угнетателей — японских империалистов!

На наших глазах разворачивается грозный конфликт между силами фашизма и антифашизма, силами войны и силами мира, варварством и цивилизацией. Это — борьба двух фронтов: агрессивного фронта фашизма и фронта антифашистской демократии.

Мы, угнетенные народы Индо-Китая, рассматриваем себя как часть единого международного антифашистского фронта и горячо призываем вас бороться вместе с нами...

Франция была предана французскими гитлеровцами. Что может быть естественней нашей совместной борьбы против общего врага!

...Да здравствует создание в Индо-Китае франко-китайско-аннамского антифашистского и антияпонского фронта!» (10 октября 1942 г.)

После капитуляции Италии Вьет-Мин возобновил свои призывы, становившиеся все более и более настойчивыми:

«После четырех лет войны итальянский фашизм полностью уничтожен. Фашистская «ось» сломалась на Западе. Гитлеровская Германия накануне поражения. На Дальнем Востоке японский империализм, лишенный какой бы то ни было поддержки, также обречен на уничтожение... Для более удобной эксплуатации народов Азии японский гангстер надел личину освободителя желтой расы»... Французы, живущие в Индо-Китае! Японский империализм — наш общий враг... и, если весь Индо-Китай превратится в концессию, вам достанется лишь жалкая роль управляющих у японских хозяев. Потому-то и подстрекают вас к совершению безрассудных поступков по отношению к нашему народу... Французы! На ваших глазах готовится путч! Опасность велика. Всем вам — антифашистам всех оттенков — протягиваем мы свою руку. Сейчас, более чем когда-либо, Индо-Китаю нужен широкий демократический антияпонский фронт.

Тегеранская конференция указывает путь. Нет сомнения, что союзники — Советский Союз, США и Англия — одержат окончательную победу и установят мир во всем мире.

Время не терпит. Организуйтесь... Прислушайтесь к отчаянному призыву «Алжирского комитета освобождения»... Славное прошлое французского народа обязывает вас начать борьбу заблаговременно, пока вы не утратили своей самостоятельности...»

Но индокитайские деголлевы остались глухи к этому призыву. Вьет-Мин указывал на неизбежность новой угрозы и клеймил позором сторонников тактики выжидания (аттантистов):

«Несмотря на повторные призывы, индокитайские деголлевы бесстыдно продолжают отмалчиваться,

доказывая этим свою недобросовестность... Но если они уклоняются от своего долга, найдется немало последовательных антифашистов, готовых в решительный час ответить на наш призыв... Да здравствует освобождение Франции!» (4 июня 1944 г.)

Уже после освобождения Франции листовки Вьет-Мина указывали на результаты разгрома нацизма и правительства Виши, а также на влияние этих событий на Индо-Китай. Вьет-Мин разоблачал двойную игру адмирала Деку, который делал запоздалые попытки перейти на сторону союзников. Вьет-Мин вскрыл возможные последствия этой политики:

«Мы находимся сейчас накануне решительных событий, театром которых будет наша страна. Настал час борьбы. Будьте готовы к наступлению на японских фашистов, которые пытаются произвести в Индо-Китае государственный переворот. Заставьте умолкнуть здешних французских фашистов, которые из всех сил цепляются за власть, чтобы иметь возможность продолжать дело предательства Франции, бесчестить всех вас и подвергать нас режиму белого террора и неслыханной эксплуатации.

Французы-антифашисты Индо-Китая! Республиканская Франция восстала и призывает всех своих детей к ожесточенной борьбе за мир и свободу... Силы свободы и прогресса Индо-Китая! Объединяйтесь, чтобы во-время отразить надвигающийся политический кризис.

Долой японских и французских фашистов!

Да здравствует единый демократический фронт в Индо-Китае!» (5 сентября 1944 г.)

ФРАНЦУЗЫ В ИНДО-КИТАЕ

Этот последний призыв выступает ныне в новом свете. Вьет-Мин предвидел, что японцы намерены вскоре совершить насильственный переворот. Это — последнее обращение Вьет-Мина к французам с призывом к их объединению с народами Индо-Китая для отражения опасности.

Впрочем, для некоторых французов, проживавших в Индо-Китае, жизнь была необычайно легка. Для них не существовало никаких ограничений. В Сайгоне и Ханое почти каждый вечер происходили танцы. И в то время как Вьет-Мин, подобно Кассандре, тщетно предостерегал о приближающейся катастрофе, охранка все усиливала борьбу с демократическими элементами Аннама. Единственной целью листовок, которые печатались и распространялись Вьет-Мином подпольно, было напомнить французам Индо-Китаю о главном их долге. Люди, расклеивавшие эти листовки на стенах городских зданий или подбрасывавшие их в дома европейцев, делали это под угрозой нескольких лет каторги, а иногда и казни, не говоря уже о пытках, во время которых у них старались узнать имена сообщников. Итак, мы видим, что индокитайская охранка прилежно выполняла то же дело, которое осуществляло во Франции гестапо. И надо заметить, что если во Франции многие из лиц, ответственных за гибель патриотов, уже казнены, то в Индо-Китае еще в 1947 г. все агенты охранки продолжали свою деятельность.

По мере того как японское давление усиливалось, призывы Вьет-Мина к борьбе становились все более стеснительными для коллаборационистов.

Между тем, на Восточном фронте продолжалось победоносное наступление Советской Армии, несмотря на предсказание некоторых «великих стратегов», что война будет выиграна армиями держав «оси».

В конце 1944 г. Вьет-Мин создал свои организации в Верхнем Тонкине. Жители гор объединились и готовились к восстанию. В провинции Тай-Нгуен и на севере Лай-Чау, Као-Банга и Ха-Жианча создавались партизанские отряды, поддерживавшие связь с союзниками. Американский лейтенант Д. Фелман, знакомый с действиями французских партизан, говорил, что он «нигде не встречал лучшей организации, если не считать партизан Веркора». И действительно, Вьет-Мин противостоял отрядам адмирала Деку и совершал вылазки в долины, где вел активную пропаганду среди крестьян, находившихся под угрозой голода вследствие реквизиций со стороны французов и японской армии. И крестьяне начали сопротивляться реквизициям.

9 МАРТА 1945 г.

9 марта 1945 г. Япония ликвидировала администрацию Деку и захватила власть в Индо-Китае. Она объявила Индо-Китай «независимым» и создала марионеточное правительство во главе со сторонником японцев Тран Тронг-кимом, лидером партии Дай-Вьет («Величайший Вьет-Нам»). В ночь на 10 марта на стенах Ханоя, рядом с японскими прокламациями о «независимости», появились листовки, расклеенные главным образом женщинами. Они были подписаны «Демократическим фронтом независимости Вьет-Нама» и говорили об уже давно предсказанном государственном перевороте, произведенном Японией, о псевдонезависимости и марионеточном правительстве. Вновь Вьет-Мин призвал народ к сопротивлению.

По всей стране началась подготовка к борьбе. На севере Тонкина французские войска перешли в Китай, и комитеты Вьет-Мина, забыв о прошлых разногласиях, снабжали их продовольствием и помогали им переходить границу.

В освобожденном районе, который к моменту капитуляции Японии охватывал огромную территорию — шесть тонкинских провинций, Вьет-Мин создал Временный комитет, на обязанности которого лежало управление этим районом и организация сопротивления вторжению японских войск. Японские посты все чаще подвергались нападению.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ФРАНЦУЗЫ

Несколько французов оказались под надзором японского поста в Там-Дао (маленькая горная станция в провинции Тай-Нгуен). Им посчастливилось больше, чем многим из их соотечественников. 16 июля отряд Вьет-Мина напал на станцию и освободил около двадцати находившихся там в плену французов. Они были приняты под защиту Комитета освобожденного района и избежали преследования японцев. Двое из этих французов, Морис и Ивонна Бернар, в своем письме «к ханойским друзьям» дали столь волнующее описание своих

переживаний, что мы считаем необходимым привести его здесь.

«Мы хотим рассказать вам о Вьет-Мине. Пусть этот рассказ удовлетворит ваше любопытство и разрушит сплошь и рядом встречающееся предубеждение и недоверие к этому движению. Члены Вьет-Мина совсем не разбойники и отнюдь не враги французов, какими их принято изображать во Франции, а люди, ненавидящие фашизм и желающие освободить свою родину от японского ига. Вьет-Мин представляет наиболее живые, деятельные, искренние и сильные элементы страны. Представьте, каково было наше изумление, когда в соломенной хижине в чаще леса, куда нас поместили, мы услышали звонок полевого телефона и поняли, что наши хозяева озабочены тем, чтобы отправить нас в более безопасное место.

После утренней проверки мы услышали несколько отчетливо скандированных песен. Увидели бойцов... Их экипировка была случайной и разрозненной. Допотопные мушкеты времен битвы при Вальми вперемежку с автоматами и пулеметами образца 1943 г.; часто лохмотья и босые ноги, но в глазах людей — непоколебимая решимость...

Ту же преданность своему делу, открытый взгляд и искреннюю симпатию встретили мы и в пункте Д. Начальники постоянно заботливо осведомлялись, достаточно ли дружелюбно относится к нам население, и мы отвечали им, что ни разу не столкнулись с неблагоприятным отношением. Мы были тронуты их стараниями полностью обеспечить нашу безопасность; повсюду нас охраняли молодые бойцы с винтовками в руках; при малейшей тревоге нас прятали в чаще леса; заблаговременно сообщалось о появлении каждой подозрительной личности; нас часто перевозили с места на место, пока, наконец, мы не оказались в центре освобожденного района, где люди также всегда на-чеку, но где ночи все же спокойны, а неожиданности если и случаются, то только приятные...

Никогда не забыть нам вчерашнего вечера. Начальник г-н Ван, который, как нам кажется, обладает большим опытом и авторитетом, в простых и энер-

гичных словах рассказал на собрании о долгих, но напрасных попытках Вьет-Мина завязать дружеские отношения и прийти к взаимопониманию с французами. Остается пожалеть, что он вынужден был обращаться к империалистическому правительству, которое отвечало лишь усилением полицейских репрессий. Массы французов оставались в полном неведении о всем происходящем, а усилия группы сочувствующих были обречены на неудачу.

Мы считаем своим неотложным долгом обратиться ко всем французам, оставшимся в Ханое или в еще не освобожденных районах, с призывом открыть глаза на эти факты. И мы от всей души надеемся, что в час последней битвы они не запятнают себя делами, способными омрачить историю франко-аннамских отношений. Мы заявляем, что Вьет-Нам стремится к установлению дружеских отношений и к торговым, техническим и культурным связям с нашей страной в целях освобождения Индо-Китая, которое явится началом новой, истинно человеческой дружбы между народами.

Морис и Ивонна Бернар, бывшие преподаватели лицей.

23 июля 1945 г.»

Члены этой же группы освобожденных французов обратились к Временному комитету освобожденного района со следующим изъяснением благодарности:

«Группа французов, получивших возможность добраться до освобожденного района, выражает вам прежде всего свою живейшую признательность за сердечный прием и ту помощь, которые она встретила со стороны членов Вьет-Мина и его руководителей.

Мы счастливы оказаться, наконец, свободными среди свободных и прекрасно организованных людей, которые неизменно выказывают по отношению к нам чувства симпатии и гостеприимства.

По вашей просьбе вкратце излагаем наши пожелания: семьи Ремовиль, Буайе, Дузе и Бернар хотят, если возможно, быть отправленными в Китай, чтобы репатрироваться. По установлении связи с консульски-

ми властями Китая, годные к военной службе члены этих семей хотят отдать себя в распоряжение антифашистской армии Индо-Китая. Что же касается Лакоста и Ф. и И. Аржанс, семьи которых остались в оккупированной зоне Индо-Китая, то они желают как можно скорее присоединиться к европейской армии, борющейся с Японией.

23 июля 1945 г.»

Но голос этих освобожденных Вьет-Мином французов так и не был услышан их соотечественниками, интернированными японцами. Письмо М. и И. Бернар стало известно проживающим в Индо-Китае французам лишь после капитуляции Японии. Местные французские власти приняли это послание крайне враждебно и всячески, хотя и безуспешно, пытались, путем давления на его авторов, добиться у них опровержения.

Не менее странным является и то, что французские круги Чунцина и Калькутты, находившиеся в тесной связи с тонкинскими организациями сопротивления, игнорировали эти великодушные действия Вьет-Мина и пытались даже сделать вид, что ничего не знают о них.

ПРОГРАММА ВЬЕТ-МИНА

Накануне капитуляции Японии фронт Вьет-Мина охватывал четырнадцать ассоциаций или группировок сопротивления — молодежные организации, подпольные профсоюзы и т. д., — объединяя, таким образом, все демократические элементы Вьет-Нама.

Это широкое объединение происходило вначале на основе борьбы за независимость и освобождение территории. И лишь за несколько месяцев до взятия власти Вьет-Мин опубликовал свою политическую программу. Так как Вьет-Мин имеет много сходного с французским Национальным фронтом, то нам кажется небезынтересным отметить черты, общие для программы Вьет-Мина и программы французского Национального совета сопротивления.

«Демократическая лига независимости Вьет-Нама» после победы над японцами намеревается создать временное правительство Демократической республики Вьет-Нам в духе новой демократии.

Избранное народом законное правительство обязуется проводить в жизнь следующую программу:

А. В политической сфере

1. Введение всеобщего избирательного права. Все граждане вьетнамского происхождения, включая и национальные меньшинства (моунги, мань, то и пр.), без различия пола имеют право избирать и быть избранными.

2. Провозглашение всех демократических свобод: свободы слова, верования, собраний, печати и т. д.

3. Организация республиканской армии Вьет-Нама.

4. Амнистия всем политическим заключенным.

5. Чистка и суд над предателями и коллаборационистами.

6. Денонсирование всех договоров, подписанных Францией от имени Вьет-Нама¹.

7. Установление дружеских отношений со всеми демократическими нациями.

8. Решительная борьба против всякой угрозы свободе и независимости Вьет-Нама.

Б. В социально-экономической сфере

1. Уничтожение подушного налога, барщины и других пережитков феодализма. Введение подоходного налога.

2. Конфискация и национализация имущества предателей и коллаборационистов.

3. Индустриализация страны в целях создания независимой национальной экономики.

4. Развитие ирригации, содействие обработке целинных земель.

5. Широкое проведение аграрной реформы: справедливый раздел общинных земель; уменьшение арендной платы; строгое запрещение ростовщичества; выдача ссуд нуждающимся крестьянам и т. п.

6. Введение восьмичасового рабочего дня и социального страхования; развитие профессионального обучения молодежи.

¹ Речь идет о франко-японских договорах (программа Вьет-Мина была опубликована до японской капитуляции). (Прим. автора.)

7. Увеличение числа больниц и родильных домов; создание яслей и детских садов.

8. Помощь многодетным семьям, старикам и инвалидам.

В. В сфере культуры

1. Борьба с фашистской «идеологией». Создание демократической культуры.

2. Упразднение колониаторской системы образования; предоставление национальным меньшинствам права вести преподавание в школах на родном языке.

3. Введение бесплатного и обязательного начального обучения; увеличение числа школ.

4. Оказание помощи интеллигенции.

Примечания

1. За капиталистами сохраняется право производства предметов первой необходимости.

2. Право собственности на землю охраняется законом.

3. За торговцами сохраняется полная свобода заниматься их делом.

4. Будут изданы законы об охране труда рабочих; в частности, будут уничтожены все кабальные контракты; вместе с тем будет введено страхование по старости и от несчастных случаев.

Таким образом, в плане политическом эта программа может быть признана широко демократической, в экономическом же плане она в известной мере признает капиталистическое производство.

Понятно, что те же самые лица, которые восстают во Франции против проведения программы Национального совета сопротивления, пытаются всеми силами воспрепятствовать влиянию Вьет-Мина, который кажется им слишком прогрессивным.

Но все усилия колонизаторов остались тщетными, и Вьет-Мин в глазах вьетнамского народа продолжает оставаться защитником его свободы и независимости.

Демократическая республика Вьет-Нам

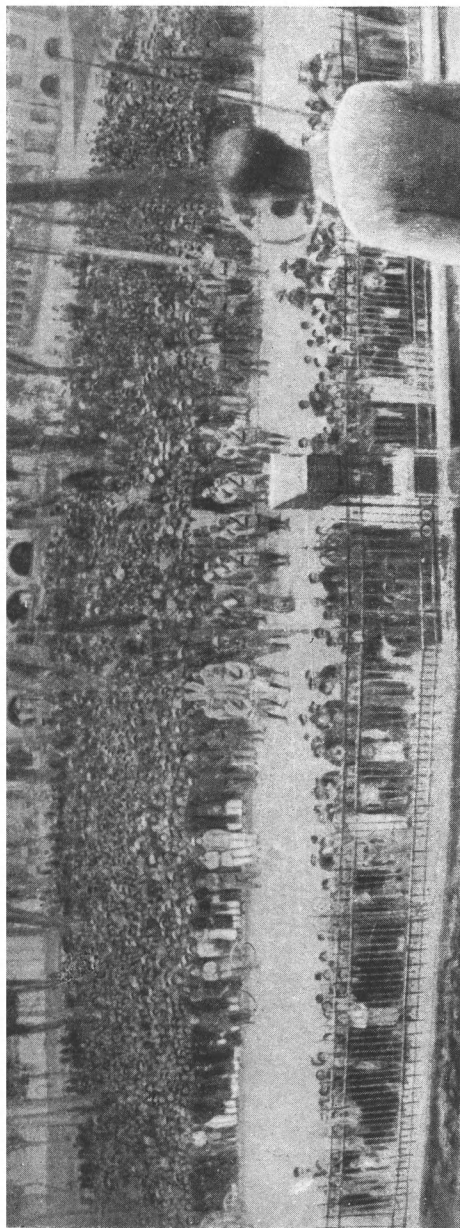
Милитаристы утверждали, что новое завоевание Индо-Китая — дело каких-нибудь двух месяцев. Империалисты различных оттенков заявляли, что Вьет-Нам будет постоянно нуждаться во Франции для управления своими внутренними делами.

На деле же вьетнамцы с 1945 г. не только оказывают сопротивление Франции, но и учредили у себя за это время независимую республику, которая не замедлила доказать свою полную зрелость. Тот факт, что с августа 1945 г. Вьет-Нам имеет независимое правительство и что за это время он преуспел в своем развитии значительно больше, чем за все годы французского господства, сводит на-нет аргумент империалистов. Кроме того, этот факт требует от Франции, чтобы она относилась к Республике Вьет-Нам как к равной стороне, а не смотрела на борющихся за свою независимость вьетнамцев как на мятежников (как еще недавно их называл французский генеральный штаб).

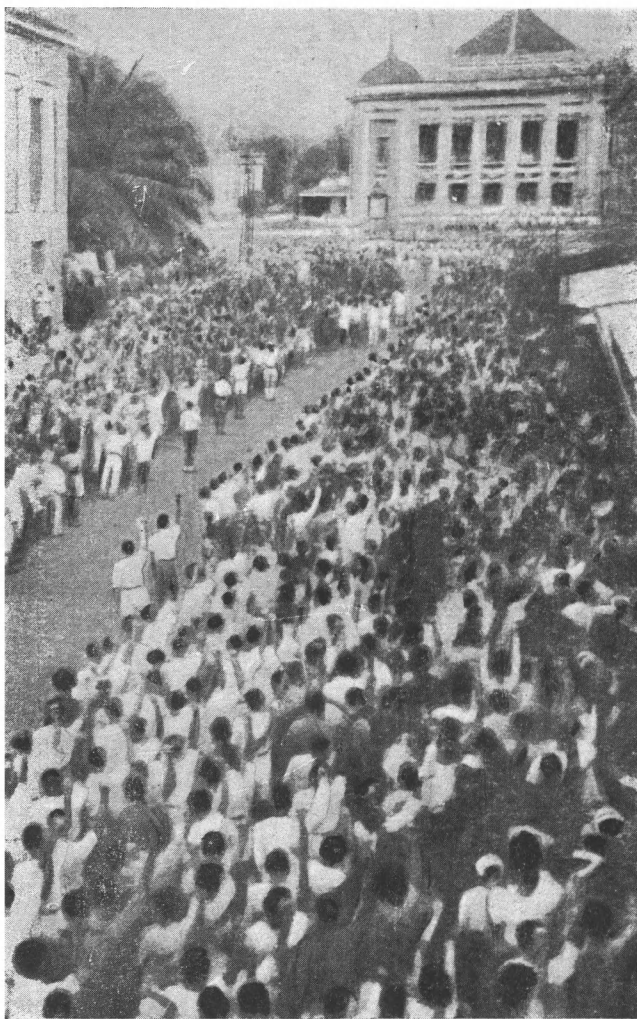
НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В АВГУСТЕ 1945 г.

Аннамиты, в течение нескольких лет находившиеся под двойным игом Франции и Японии и, наконец, целиком оказавшиеся под властью последней, в поражении, понесенном Японией в 1945 г., увидели путь к своему освобождению.

Почувствовав после вступления в войну СССР, что ее игра проиграна, Япония решила сделать последнее усилие — создать в Индо-Китае благожелательные по отношению к ней правительства.

Президент Хо Ши-мин произносит речь на мигинге.

Массовая демонстрация вьетнамцев в честь провозглашения Демократической республики.

С этой целью 12 августа была провозглашена автономия Кохинхины, и в течение нескольких дней власть здесь находилась в руках сторонников японцев, в то время как император Бао-Дай в Гуэ заботился об усилении своей власти. Его министры, Тран Труг-ким в Гуэ и Фам Те-коай в Ханое, заявили о своей преданности Японии и о намерении не допустить возвращения французов. Следует подчеркнуть, что эти коллаборационисты не пользовались ни малейшим доверием народных аннамитских масс, жаждавших независимости и демократии. Заявление японского правительства о капитуляции 14 августа 1945 г. еще больше усилило авторитет и популярность Вьет-Мина, который ни на мгновение не прекращал борьбу с японцами и теперь готовился взять власть в свои руки.

14 августа Бао-Дай объявил об упразднении договоров 1862 и 1874 гг., согласно которым Аннам уступал Кохинхину Франции.

Этот запоздалый жест ни в какой мере не способствовал, однако, укреплению его авторитета. 19 августа, несмотря на то, что японцы продолжали еще оккупировать весь Индо-Китай, причем они были даже официально уполномочены англо-американским командованием поддерживать в стране порядок, в Ханое произошла первая большая демонстрация, организованная Вьет-Мином. Эта демонстрация, как и состоявшаяся несколько дней спустя демонстрация в Сайгоне, отражала единодушие народа; во время этой демонстрации был занят дворец наместника императора, и на нем водружено знамя Вьет-Мина. Наместник бежал. Начались переговоры с императором — последним пережитком старого строя. Через несколько дней, 25 августа, Бао-Дай, лишенный какой бы то ни было поддержки, отрекся от престола и согласился стать «верховным советником Демократической республики Вьет-Нам».

Это отречение устранило последнее препятствие к провозглашению Вьет-Нама республикой. Республика была публично провозглашена Хо Ши-мином 2 сентября 1945 г. в Ханое перед собравшимся населением этого города и окрестных деревень. Было создано Временное правительство с Хо Ши-мином в качестве председателя и Нгуен Ван-жиапом в качестве министра внутренних дел (в целях

сохранения национального единства в правительство были включены бывший император в качестве политического советника и лица, не принадлежавшие к лиге Вьет-Мин). 8 сентября правительство приняло декрет о всеобщем избирательном праве для предстоящих выборов в Национальное учредительное собрание.

Все эти события развернулись еще до вступления в Индо-Китай союзников (появление первых групп парашютистов и вступление в Тонкин китайских войск относится лишь к середине сентября), в обстановке борьбы с Японией, этим давним врагом демократического фронта Вьет-Нама. Следует всегда помнить об этом очень важном обстоятельстве.

События в Ханое и Сайгоне, сопровождавшие провозглашение республики, совершились бескровно и не вызвали сопротивления какой бы то ни было части населения.

Таким образом, ход исторического развития укрепил авторитет Вьет-Мина. События целиком подтвердили правильность его политики, его многолетней борьбы с японским и вишійским фашизмом, его попыток создать общий антифашистский фронт с французами, проживающими в Индо-Китае. С этих пор в качестве подлинно демократической организации он становится первым защитником интересов вьетнамского народа.

Ничуть не опьяняясь своим триумфом, Вьет-Мин, с целью создания правительства национального единства, завязывает переговоры с другими политическими партиями (январь 1946 г.).

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Но если изложение событий августа 1945 г. может создать впечатление легкой победы Вьет-Мина, особенно в политическом плане, не надо все же забывать, что экономическое положение страны было отнюдь не блестящим и что в первые месяцы своего существования Республике Вьет-Нам пришлось столкнуться с огромными трудностями.

1945 год отмечен двумя бедствиями: ужасным голодом зимой (причем были основания опасаться его повторения

и в следующем году) и беспримерным наводнением в дельте реки Красной. Уровень воды у Ханоя достигал 12 м 68 см, тогда как наивысший уровень за предыдущие годы не превышал 12 м 30 см. А случившаяся в первые месяцы существования республики засуха грозила уничтожить весь урожай Верхних земель.

Необходимо заметить, что голод начался еще при французской администрации, которая не только не приняла никаких мер к его облегчению, а наоборот, еще больше усугубила его реквизициями для снабжения японской и французской армий. К началу 1945 г. насчитывалось до 2 млн. умерших от голода, большей частью сельскохозяйственных рабочих. Имел место большой падеж скота. Практически ко времени провозглашения республики ежемесячный паек вьетнамца составлял 11 кг риса, тогда как обычное потребление составляет 18 кг.

Если добавить к этому начавшиеся с конца сентября столкновения с французскими войсками в Кохинхине и китайскую оккупацию Тонкина, продолжавшуюся до весны 1946 г., во время которой оккупанты были заняты главным образом производством опиума, то легко будет представить себе всю трудность положения Временного правительства в начале зимы 1945 г.

И, наконец, надо учесть, что это был первый опыт установления демократического правительства в стране, где при французском режиме 80% населения было неграмотным.

ПЕРВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Прежде всего было необходимо утвердить власть ханойского правительства и укрепить ее народной поддержкой. С этой целью на 23 декабря были назначены всеобщие выборы в Национальное собрание (впоследствии они были перенесены на 6 января 1946 г.). Уместно отметить, что проведение этих первых свободных выборов, получивших вскоре историческое значение, было делом нелегким.

Первой трудностью являлась неграмотность. Для помощи неграмотным в каждом округе были созданы особые комиссии, на обязанности которых лежало записывать

и сохранять в тайне фамилии выбранных избирателями кандидатов. Второй трудностью была частичная оккупация страны. В Сайгоне и многочисленных деревнях Кохинхины выборы проходили подпольно. В Тонкине проведение выборов затруднялось вследствие разлива рек. Но энтузиазм народа, несмотря на угрозы французских войск, преодолел все эти препятствия.

В незанятых французскими войсками и лежащих в стороне от главных путей сообщения, а следовательно, защищенных от внезапных нападений деревнях Кохинхины организация избирательных участков была, по сравнению с другими местами, делом более легким. Но и здесь вызванное выборами стечение народа было замечено французской авиацией, которая бомбардировала и обстреливала из пулеметов эти «притоны мятежников»; рассеянные бомбардировкой избиратели смогли отправиться на избирательные участки лишь с наступлением темноты.

В Сайгоне обстановка была значительно сложнее; избирательные участки здесь находились в пригородах, и их местоположение приходилось часто менять.

Само собой разумеется, что кохинхинские квислинговцы, находившиеся в услужении у колонизаторов, не попали в списки избирателей и не были посвящены в ход избирательной кампании, которую они всячески пытались сорвать. Потому-то они и протестовали и объявили выборы недействительными. Количество проголосовавших в Кохинхине составляло не менее 80 %, а для страны в целом доходило до 90 %.

Следует помнить, что при выборах в созданные французским правительством консультативные ассамблеи многие из членов этих ассамблей были назначены французами. Кроме того, административная власть в общинах была передана нескольким нотаблям.

Во время выборов в январе 1946 г. вьетнамские женщины впервые приняли участие в политической жизни страны; впервые политические партии публично, не опасаясь полицейских репрессий, вели открытую пропаганду.

Вьетнамский народ смотрел на выборы как на реальный знак восстановления своей независимости, и участие его в голосовании, вопреки всем опасениям, было необычайно

активным. В Ханое до 90% (169 тыс. избирателей из 172 тыс.¹) отдали свои голоса Хо Ши-мину. Уже на основании одних этих цифр можно судить об авторитете Вьет-Мина и его лидера; но, кроме того, они служат показателем активного участия масс в выборах.

Эти выборы явились неопровержимым доказательством поддержки ханойского правительства всем вьетнамским народом.

Выборы происходили в атмосфере полной свободы, и, наряду с кандидатами Вьет-Мина, в них участвовали представители других партий, главными из которых являются националистическая партия (Вьет-Нам-Куок-Зан-Данг) и партия Дон-Мин-Хой, ориентировавшиеся на Чан Кай-ши.

После январских выборов Национальное собрание уполномочило Хо Ши-мина сформировать правительство, в которое должны были быть включены партии меньшинства; член одной из них, Вьет-Нам-Куок-Зан-Данг, а именно Ву Хонг-кан, участвовал вместе с Хо Ши-мином в подписании договора от 6 марта 1946 г.

Таким образом, в первом Временном правительстве Республики Вьет-Нам были представлены все партии, а также и некоторые беспартийные, что, казалось бы, должно было отнять у французских империалистов всякую надежду найти какую-либо организацию, которую они могли бы противопоставить правительству Хо Ши-мина.

НАРОДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Демократический характер сказывается в организации внутреннего устройства новой республики.

На основе всеобщего голосования были избраны: в деревнях — местные народные комитеты, на заводах — рабочие комитеты, в учреждениях — комитеты служащих, в областях — областные народные комитеты. Таковы первые органы управления. Местные народные комитеты несут ответственность за оказание помощи населению, за

¹ Всего в списке было внесено 187 тыс. избирателей. (Прим. автора.)

повышение жизненного уровня, за сбор общественных средств и пр. Введение новой системы знаменует полный переворот в характере управления по сравнению с авторитарными централистскими методами колониальной администрации. Эта новая система прекрасно выдержала испытание во время трудной зимы 1945—1946 г., когда главной всеобщей заботой была борьба с голодом.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ

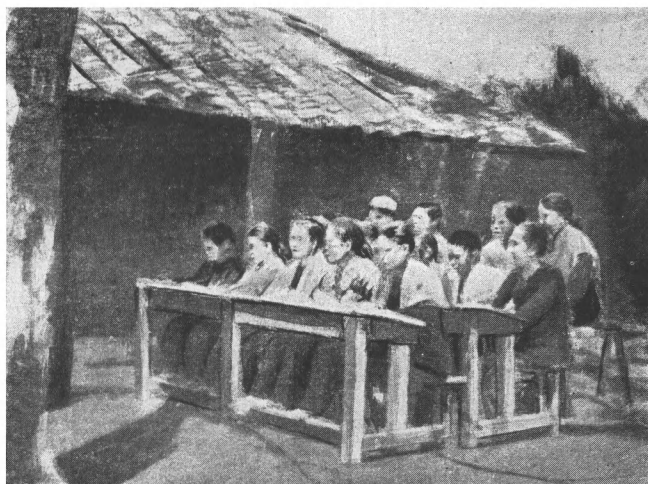
Были опасения, как бы зима 1946/1947 г. не оказалась повторением трагической зимы 1944/1945 г., когда вследствие большого разлива реки Красной в августе и засухи, длившейся с сентября по декабрь, имел место неурожай риса. Следующий сбор урожая приходился на май 1946 г. Но к нему надо было подготовиться, то-есть найти семена для посева, починить плотины в районе дельты реки Красной, найти рабочую силу, а также обеспечить питание населения до сбора нового урожая.

Положение казалось безнадежным. И все же, благодаря энергии и энтузиазму вьетнамцев, голод был предотвращен.

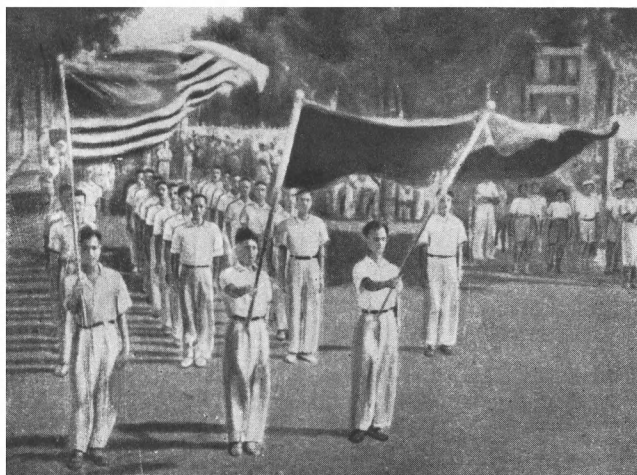
Были приняты меры в двух направлениях. С одной стороны, было интенсифицировано производство так называемых вторичных культур (батат, кукуруза, маниок, соя), что дало возможность дожидаться следующего урожая риса.

С другой стороны, был объявлен всеобщий призыв на работы по подготовке к сбору урожая риса. Начало этой борьбы за урожай, продолжавшейся в течение всей зимы, было отмечено воззванием Хо Ши-мина. Были приняты такие срочные меры, как, например, обязательная сдача в обработку целинных участков. Все — включая солдат-отпускников, служащих (по окончании рабочего дня) и молодежь — должны были принять участие в полевых работах. Была создана лига по борьбе с голодом, которая вместе с другими общественными организациями повела борьбу с этим бедствием.

Существовала даже газета «Пядь земли», целиком посвященная этим вопросам. Одним словом, была проведена всеобщая гражданская мобилизация.

Занятия по ликвидации неграмотности среди
женщин-крестьянок

Демонстрация вьетнамской молодежи

Каковы же результаты всех этих мероприятий? 3 марта 1946 г. министр сельского хозяйства Вьет-Нама объявил о победе над голодом. И это в стране, где голод являлся хроническим бедствием.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С первых дней своего существования вьетнамское правительство, несмотря на то, что ему приходится вести войну, стремится к созданию кадров новой интеллигенции свободного Вьет-Нама. С этой целью оно закладывает основы народного образования.

Во Франции многие, конечно, будут удивлены, узнав, что в этом отношении нужно было все начинать с начала. Разве не сказано во французских учебниках, что во всех колониях Франции имеется большое количество школ и внедряется культура? Тем не менее, известно, что при французском режиме число неграмотных в Индо-Китае составляло от 60 до 80% всего населения, что дело просвещения развивалось крайне медленно и всячески тормозилось центральной администрацией, которая жила в постоянном страхе мятежа и совершенно не была заинтересована в развитии культуры. Это доказывается строгим контролем, который был учрежден над вечерними курсами и частными учебными заведениями. Среднее и высшее образование находилось под еще более строгим контролем. Ханойский университет, правда, выпустил несколько сот врачей, ветеринаров, техников и агрономов, в которых ощущалась крайняя потребность, но в нем не существовало ни одного факультета гуманитарных наук и ни одной по-современному оборудованной лаборатории.

Число студентов, допущенных к завершению образования во Франции, было крайне ограничено, причем виза на выезд выдавалась лишь после строгой полицейской проверки.

Правда, накануне второй мировой войны, в 1938 г., было создано частное общество по борьбе с неграмотностью. Его целью было распространение куок-нгу — латинизированного вьетнамского алфавита. Общество организовало курсы и приступило к подготовке преподавателей и созданию учебников. Результаты оказались совершенно

ничтожными по сравнению с поставленной задачей. Достаточно сравнить число посещавших курсы (50 тыс. человек) с общим числом неграмотных, которое достигало 15 миллионов.

Правительство Вьет-Нама пошло другим путем: по всей стране было организовано обязательное народное обучение на основе куок-нгу.

Для ознакомления населения с новым алфавитом был установлен годичный срок (считается, что человек со средними способностями может изучить его в течение двух месяцев). Были созданы вечерние курсы.

Здесь также пришлось столкнуться со значительными трудностями. Прежде всего, это были финансовые затруднения, ибо война поглощала значительную часть бюджета; затем материальные: нужно было отпечатать учебники, для чего требовалась бумага, в которой повсюду ощущался недостаток, а также добыть горное масло для освещения во время вечерних уроков в деревнях. Благодаря многочисленным пожертвованиям отдельных лиц финансовые средства были найдены. Были подготовлены также преподаватели. Дело народного образования, хотя оно и находилось в ведении государства, проводилось в жизнь местными ассоциациями, во главе которых стояла центральная организация. Такая система является чрезвычайно гибкой и предоставляет местным организациям возможность самостоятельного разрешения возникающих трудностей.

К началу 1946 г. были достигнуты следующие результаты: число учащихся на курсах в Тонкине и Северном Аннаме составляло 815 тыс. человек; было отпечатано около 500 тыс. учебников. Можно с уверенностью сказать, что недалек тот момент, когда неграмотность будет целиком ликвидирована.

Кроме этого, в Ханое был открыт новый университет с филологическим и общественно-политическим факультетами.

Борьба с голодом и борьба с неграмотностью — две основные стороны совершаемого правительством Хо Ши-мина дела. Основные, но не единственные, ибо дело идет о коренном преобразовании страны.

Необходимо также упомянуть о свободе профсоюзов (трудящиеся Вьет-Нама объединены теперь в националь-

ную организацию, аналогичную французской Всеобщей конфедерации труда) и гражданских свободах (по закону Национального собрания запрещены произвольные аресты, противозаконные обыски и т. п.).

Все это совершено еще в ходе борьбы Вьет-Нама за признание своей независимости, несмотря на то, что одна эта борьба влечет за собой значительные издержки и финансовые трудности; в других странах эти трудности явились причиной приостановки какого бы то ни было социального прогресса.

Само собой разумеется, что это — лишь начало преобразования Вьет-Нама, и, тем не менее, даже то, что сделано, дало возможность преодолеть трудности первых месяцев и заложить основы нового строя. В течение двух лет Вьет-Наму удалось осуществлять самостоятельное управление своей страной и разрешать свои самые животрепещущие проблемы.

* * *

Обманутая надежда

СОГЛАШЕНИЕ ОТ 6 МАРТА 1946 г.

«Французы обладают великими демократическими идеями, но в путь с собой они их не берут».

ХО ШИ-МИН.

Через несколько дней после народного восстания в Ханое, которое лишило власти сторонников японцев и привело к образованию Временного правительства под председательством Хо Ши-мина, в Сайгоне развернулись аналогичные события, завершившиеся захватом власти Временным исполнительным комитетом из девяти членов — трех независимых и шести представителей Вьет-Мина — под председательством известного кохинхинского лидера Тран Ван-жиао. Но чтобы понять происшедшие в Кохинхине события, следует оглянуться назад. После переворота 9 марта 1945 г. японцы, в отличие от политики, проводившейся ими на севере, управляли Кохинхиной от собственного имени и не желали высказываться о будущем статусе Нам-Бо.

Японцы разрешили воссоединение Нам-Бо с Вьет-Намом, лишь когда начал распространяться слух о капитуляции Японии. 12 августа они передали власть своим сторонникам из числа аннамитов, большая часть которых принадлежала к секте «Као-Дан». Эти последние провозгласили в Сайгоне независимость, провели из демагогических соображений некоторые мероприятия и выдвинули лозунги против иностранцев, однако не добились ни малейшей популярности. Все, что исходило от японцев, безусловно, не внушало никакого доверия народным массам.

Весть о капитуляции Японии распространилась повсюду. Страстное стремление к независимости охватило всю страну. Марионеточное правительство возбуждало лишь всеобщее презрение, а влияние организаций, сгруппировавшихся во Вьет-Мине, неудержимо росло.

Напротив, в кругах европейцев сообщение о капитуляции было воспринято как провозвестник возврата к довоенному положению.

Чтобы понять события, развернувшиеся в короткий период до 23 сентября, — события, важность которых станет понятна из дальнейшего, — не следует забывать о волнении, овладевшем как французами, так и аннамитами. У аннамитов оно вызывалось боязнью возвращения французов к власти, боязнью, которая в дальнейшем, по мере высадки союзных войск, все нарастала. У некоторых французов, которых японцы, начиная с 9 марта, постоянно притесняли, нервозность порождалась лихорадочной надеждой на возможность отомстить — без разбора — всем тем, перед которыми они, по ходячему выражению, «потеряли лицо».

Это состояние духа неоднократно проявлялось по различным поводам и в некоторых случаях приводило к кровавым столкновениям.

ДЕЙСТВИЯ ВЬЕТ-МИНА

Вьет-Мин, влияние которого ширилось час от часу, 17 августа, стремясь внести успокоение среди французского населения Индо-Китая, стал распространять следующую листовку:

«Французские руководители и французы Индо-Китая!

Индокитайская коммунистическая партия и Вьет-Мин (Демократический фронт борьбы за независимость Вьет-Нама) напоминают ответственным французским руководителям и французскому населению Индо-Китая:

что, хотя их главной целью является освобождение Индо-Китая от владычества иностранного империализма, методы их совершенно не предусматривают пропаганды ненависти к иностранцам;

что они — противники всякой расовой дискриминации и осуждают все формулы, основанные на расизме.

Вследствие этого индокитайская коммунистическая партия и Вьет-Мин осуждают все провокационные и насильственные действия против индокитайцев любого происхождения и расовой принадлежности. Всеми

имеющимися в их распоряжении средствами они стараются защищать всех граждан и подавлять беспорядки, кем бы они ни были вызваны. Индокитайцам азиатского происхождения даны необходимые указания в этом смысле, а французы призываются избегать разжигания расовой ненависти, которое приведет лишь к ответным действиям малосознательных элементов...»

Листовка возымела действие на французское население Сайгона, тревога которого, возбужденная молодежными демонстрациями, улеглась под влиянием здравого смысла и призыва к успокоению, выраженных в этом документе.

Тем временем японцы попрежнему продолжали оккупацию страны. Вряд ли можно было ожидать, что они подчинятся приказу микадо о капитуляции, отданному накануне.

ВЬЕТ-МИН ВОЗГЛАВЛЯЕТ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

Массовая демонстрация 26 августа, в результате которой пало правительство, состоявшее из сторонников японцев, и Вьет-Мин взял власть, протекала в атмосфере спокойствия. С раннего утра в центре Сайгона собрались дисциплинированные толпы демонстрантов. Войска Вьет-Мина заняли полицейские комиссариаты. Около ста тысяч демонстрантов целый день дефилировали по городу со знаменами и лозунгом «Независимость!». Демонстрация происходила в полнейшем порядке.

В прокламациях было объявлено, что революция восторжествовала без кровопролития. И действительно, услышав о предстоящей вскоре капитуляции Японии, сторонники японцев поняли, что роль, которую они играли благодаря японской поддержке, ставит их в весьма двусмысленное положение в связи с прибытием в Сайгон комиссии союзных держав, и не оказали никакого вооруженного сопротивления. В Сайгоне уже была получена весть о взятии Вьет-Мином власти в Ханое.

В Сайгоне был образован Временный исполнительный комитет из девяти членов.

На общественных зданиях были вывешены красные флаги с золотой звездой. С дощечек на углах улиц

исчезли имена адмиралов-завоевателей, и их сменили имена аннамитских героев. Однако, к большому изумлению французов, улица Пастера сохранила прежнее название, и появилась улица Иерсена¹. Появилась также улица 1789 г., а крупнейшая артерия Сайгона, улица Катина, была переименована в улицу Парижской коммуны.

За несколько дней до демонстрации 26 августа на западе Кохинхины были спущены на парашютах представитель адмирала д'Аржанлье полковник Седиль со своим штабом, состоявшим из сотрудников ДЖЕР².

Эти представители французского правительства, уже много месяцев жившие в Калькутте, несмотря на свои связи с индокитайскими группами сопротивления, не имели представления о ситуации. Их полномочия были строго ограничены.

В момент своего спуска с парашютом полковник Седиль имел в качестве программы декларацию министра по делам заморских территорий правительства де Голля, Жакоби, известную под названием декларации от 24 марта.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОТ 24 МАРТА 1945 г.

Эта декларация — программа, которая, как говорили, долго пролежала в канцелярии министерства, — была опубликована 24 марта 1945 г., то-есть ровно через 15 дней после провозглашения японцами независимости стран, составляющих Индокитайский Союз.

Декларация от 24 марта предусматривала для Индокитая некоторую «автономию». Индокитайские массы, несомненно, не придавали особого значения «независимости», предоставленной им в последний момент новыми японскими хозяевами, слабость которых была уже вполне очевидна. Тем не менее, декларация от 24 марта, опубликованная в этот момент, произвела на многих аннамитов

¹ Д-р Иерсен, основатель пастеровского института в Индокитае. Он поселился в области Нья-Транг, где и умер в 1943 г. Все население уважало его. Имя Иерсена носит ханойская больница. (Прим. автора.)

² DGER — Direction Générale des Etudes et Recherches — Главное управление изучения и исследований (деголевское бюро разведки), возглавлявшееся в то время ближайшим приспешником де Голля, полковником Пасси. (Прим. ред.)

впечатление, что японцы вынудили французское правительство к действию.

Более серьезно то обстоятельство, что французское правительство так и не пересмотрело своей программы, даже когда стало очевидно, что она уже непригодна к новым условиям изменившегося политического положения.

Адмирал д'Аржантье до своего отзыва в 1947 г. придерживался этой написанной в старомодном стиле декларации, свидетельствующей о крайней реакционности позиций правительства генерала де Голля.

Вскоре после образования Кохинхинского исполнительного комитета полковник Седиль встретился с Тран Ван-жиао и д-ром Фам-Нгок. Он предложил им от имени генерала де Голля статут, зафиксированный в декларации от 24 марта. Тран Ван-жиао ответил, что Вьет-Нам имеет уже нечто гораздо лучшее — независимость.

В начале сентября в Сайгон прибыл английский генерал Д. Грейси, уполномоченный адмирала Маунтбэттена, главнокомандующего английскими вооруженными силами в Юго-Восточной Азии. Его сопровождали перевезенные на самолетах англо-индийские войска, в том числе значительная группа войск племени гурка, а также первые подразделения КЛИ¹.

Сразу после приезда генерал Грейси заявил, что его задача заключается в разоружении японцев; что для выполнения ее он требует сохранения порядка, ответственность за который возлагается на японского маршала Тераучи и его подчиненных; но что он совершенно не намерен вмешиваться во внутреннюю политику Индо-Китая, которая касается лишь Франции.

КАК БЫЛА «ВНОВЬ ЗАВОЕВАНА» КОХИНХИНА

Положение оставалось, однако, запутанным. Японская армия находилась под ружьем, и некоторые ее части, недовольные приказом о капитуляции, воспользовались беспорядком и бежали во внутренние области страны. При-

¹ Corps léger d'intervention — легкий экспедиционный корпус, сформированный Францией в Северной Африке. Он был размещен на Цейлоне и предназначался для участия в тихоокеанской кампании. (Прим. автора.)

бывало все больше и больше англо-индийских войск. Французы старались объединить среди интернированных солдат элементы, годные к бою, и снабдить их оружием. Напряжение возрастало с часу на час.

Что касается движения аннамитов, то французские власти упорно не признавали за ним ни глубины, ни единства.

Люди, которые знали страну хорошо и поддерживали с руководителями Вьет-Мина дружественные отношения, возникшие в эпоху антияпонского сопротивления, обращали внимание французских властей на размах движения за независимость. Они предостерегали их также против захвата общественных зданий, который аннамиты сочли бы за открытие военных действий.

Впрочем, возможность соглашения между французским правительством и Вьет-Мином быстро исчезла, так как 21 сентября англо-французские войска захватили помещения полиции. В тот же день Грейси, ввиду растущего напряжения, объявил военное положение, а его приказы, предусматривавшие восстановление французских общественных и частных учреждений, поставили под угрозу существование правительственных органов Вьет-Мина. Эта угроза была приведена в исполнение утром 23 сентября путем занятия всех общественных зданий англо-французскими войсками. Занято было здание вьетнамского правительства; все члены Временного комитета ушли в подполье, за исключением комиссара по труду Хоан Донг-вана, который был задержан и посажен в тюрьму.

Тем не менее, французские представители заявляли, будто положение совершенно не препятствует переговорам с Вьет-Мином и что они сделают все от них зависящее, чтобы намеченная на следующий день встреча Тран Ван-жиао с полковником Седилем состоялась. Излишне прибавлять, что встреча эта не состоялась.

Переворот 23 сентября положил конец власти Вьет-Мина над местными административными органами.

Начались военные действия...

НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ

Первое время англо-французские войска могли только охранять безопасность европейского квартала и держать

под своим контролем дорогу, которая вела в авиационный лагерь, расположенный в 4 километрах от Сайгона. Эта ситуация заставила англичан предложить на 2 октября перемирие с целью организации переговоров между французами и Вьет-Мином. Переговоры, продолжавшиеся около недели, не привели к какому-либо результату вследствие непреклонности обеих сторон; французы настаивали на условиях декларации от 24 марта 1945 г., а вьетнамцы требовали немедленного признания их независимости.

Полковник Седиль жаловался на трудности переговоров, объясняя их непримиримостью Вьет-Мина и ограниченностью полномочий французских делегатов. В Сайгоне с горькой иронией отмечали, что полковник Седиль носил звание «помощника уполномоченного верховного комиссара».

Верховный комиссар д'Аржанлье находился в Шандернагоре. Его уполномоченным был генерал Леклерк, который должен был приехать в Сайгон лишь 5 декабря. Полковник Седиль был только *уполномоченным уполномоченного*. Его инструкции ограничивались декларацией от 24 марта, а она, как мы уже указывали, совершенно не учитывала реальных фактов. В декларации от 24 марта министерство по делам заморских территорий, подобно опекуну, который определяет степень развития своей воспитанницы, оставляло за собой право предоставить Индо-Китаю «автономию соответственно степени его развития и возможностей». Но «воспитанница», которой готовили такой замечательный прием, бежала и отказывалась возвратиться в дом опекуна. Чтобы применить к ней предполагавшиеся «доброжелательные» меры, нужно было силой заставить ее вернуться. Этот акт насилия мы наблюдали 23 сентября 1945 г.

Что касается вьетнамцев, то они считали французские предложения неудовлетворительными. Они совершенно не доверяли заявлениям тех, кто произвел направленный против них переворот 23 сентября. Повидимому, при этом они вспоминали также о событиях в Сирии. Вьетнамцы так мало верили французам, что даже требовали разоружения и немедленной их репатриации.

ГЕНЕРАЛ ЛЕКЛЕРК ХОЧЕТ «ВОССТАНОВИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ»

Вскоре генерал Леклерк прибыл в Сайгон и был восторженно встречен местным французским населением. Через несколько дней европейцев созвали в Правительственный парк, где генерал держал перед ними длинную речь, в которой заявил: «Через месяц положение в Кохинхине станет нормальным».

С тех пор прошло два года, но положение не изменилось. Попрежнему французы боятся оставлять центр города без охраны. Ночью в Сайгоне, как и осенью 1945 г., раздаются выстрелы и взрывы гранат. В предместьях Сайгона постоянно происходят стычки между французскими солдатами и вьетнамскими «добровольцами смерти».

Группе французов, желающих восстановить в Индо-Китае хотя бы замаскированное господство колониального типа, противостоит единый фронт всего вьетнамского народа. Ссылкой на наличие «вооруженных банд, терроризирующих население», нельзя объяснить продолжающееся два года состояние войны.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Постепенно бронированные колонны занимали главные города провинций и крупные центры. Группировка Мас-сю из 2-й бронетанковой дивизии заняла Тай-Нин и захватила дорогу Сайгон — Пном-Пень. С помощью вестовых судов, плавающих по многочисленным рукавам Меконга, командосы из 9-й колониальной пехотной дивизии заняли Канто, Ми-то, Вин-Лонг, Бентре, Гоконг. Было окружено огромное болото площадью в несколько десятков квадратных километров, называемое «Равниной камышей», — извечное прибежище кохинхинских обездоленных. Некоторые плантаторы под защитой войск возвратились на свои каучуковые плантации.

Но партизанская война, которую непрерывно вели отлично организованные в партизанские отряды вьетнамцы и «добровольцы смерти», укрывавшиеся среди населения, делала положение мелких постов опасным. Война обходилась дорого. К месту назначения приходили лишь воору-

женные обозы; изолированные группы попадали в засады. Каждый крестьянин, мирно работающий на рисовой плантации, мог внезапно оказаться партизаном.

Французские войска без разбора сжигали деревни, убивали невинных людей, грабили, пытали, чтобы получить информацию. Разве не заявил полковник Массю в декабрьском приказе, что нужно «терроризировать население», чтобы оно не укрывало «мятежников»?

С каждым днем пропасть углублялась.

Войска экспедиционного корпуса заняли Бан-Ме-Туот в районе, населенном народностью мой, и совершали набеги на побережье, чтобы снять блокаду с Нья-Транга, где вьетнамцы держали в осаде и обстреливали артиллерийским огнем войска, высаженные с французских военных кораблей.

Когда в середине февраля 1946 г. 3-я дивизия колониальной пехоты и первые контингенты «легионеров», состоявшие из немцев, на вербованных Диетельмом¹, прибыли в Сайгон, генеральный штаб готовил высадку в Тонкине. В соответствии с межсоюзными соглашениями китайские чанкайшистские войска оккупировали часть Индо-Китая к северу от 16-й параллели. Их задача заключалась якобы в том, чтобы разоружить японцев и собрать их для репатриации. Но штаб генерала Лу-Хана имел явно другие цели.

Видные японские военные преступники расхаживали с оружием по улицам Ханоя. Китайцы скупали земли, недвижимость, торговые предприятия и внимательно наблюдали за перспективами производства опиума в Северном Лаосе и в горных районах Тонкина.

Уже несколько месяцев Франция вела переговоры об отводе китайских войск. 28 февраля французский посол в Китае и китайский министр иностранных дел Ван Ши-цзе подписали соответствующее соглашение. Оно предусматривало отход китайских войск до 31 марта, но китайцам были сделаны важные уступки: возможность купить китайскую часть Юньнаньской железной дороги, создание сво-

¹ Андре Диетельм — французский реакционный деятель, один из ближайших приспешников де Голля. В 1944—1945 гг. был военным министром во временном правительстве Французской республики, которое возглавлял де Голль. (Прим. ред.)

бодной зоны в хайфонском порту и т. д. Кроме того, Франция признала особый статут для живущих в Индо-Китае китайцев.

СОГЛАШЕНИЕ ОТ 6 МАРТА 1946 г. И ВЫСАДКА В ТОНКИНЕ

Если не подлежит сомнению, что изменение политического положения во Франции и, особенно, принятие конституции 1946 г., в известной мере обусловили политику соглашения в Индо-Китае и затруднили положение адмирала д'Аржанлье, то в основу соглашения от 6 марта легли, тем не менее, соображения чисто военного порядка.

И действительно, решение французского генерального штаба произвести высадку в Тонкине в первые дни марта было непреклонно. Оно объяснялось соображениями технического порядка, так как приливы и отливы благоприятствуют высадке лишь в это время. Но китайцы, желая выиграть время, ставили условием эвакуации своих войск заключение франко-вьетнамского соглашения и фактически шантажировали французов возможностью кровопролитных столкновений в случае высадки. Поэтому между Ханоем и Чунцином непрерывно разъезжали эмиссары. Французам нужно было, чего бы это ни стоило, подписать с Вьет-Намом соглашение, условия которого не имели бы значения, но которое предусматривало бы вступление французских войск в Тонкин.

Соглашение, по мнению генерала Леклерка, являлось лишь одним из элементов сложной военной ситуации, таким же, как приливы и отливы, состояние дорог и кадры китайской армии. Он хотел любой ценой заключить соглашение, чтобы иметь возможность произвести высадку, даже если с китайцами вопрос не будет еще урегулирован.

Нужно было, таким образом, не договариваться точно и не изучать проблемы, а сформулировать условия соглашения так туманно, чтобы каждая сторона могла толковать их по-своему. Более того, следовало обойти молчанием те пункты, которые могли вызвать возражения Хо Ши-мина.

С 25 февраля Сентени, комиссар Французской республики в Тонкине, представивший президенту Хо Ши-мину

верительные грамоты, поддерживал связь с вьетнамским правительством. 4 марта Сентени получил телеграмму от адмирала д'Аржанлье, предписывающую ему ускорить переговоры относительно трех пунктов:

1. Самоуправления Вьет-Нама в рамках Индокитайской федерации, входящей во Французский Союз.

2. Высадки французских войск в Тонкине.

3. Прекращения военных действий и открытия переговоров.

Эти условия были выставлены французами якобы для «упрощения» переговоров. Со своей стороны, Сентени впервые согласился признать желательность созыва в дальнейшем конференции в Париже и некоторое время спустя заявил: «Адмирал д'Аржанлье возненавидит меня за это, но что делать!»

Обнадеженный перспективой созыва конференции в Париже, Хо Ши-мин согласился. Быть может, судьей окончательных переговоров окажется французский народ. 6 марта в 10 часов утра текст соглашения был подписан.

Французские военные корабли уже стояли перед Хайфоном. Китайцы еще не дали своего согласия. Корабли имели приказ не причаливать и оставаться на реке до завершения переговоров с китайцами. Но китайцы неправильно поняли намерения французов; думая, что начинается высадка, они открыли огонь. Французские корабли не стреляли. Они ответили лишь позднее и разрушили береговые батареи.

В результате французские потери составили 29 убитых и 93 раненых. Китайцы понесли большие материальные потери и имели много убитых. Других последствий инцидент не имел.

Вот текст соглашения от 6 марта 1945 г.:

Предварительная конвенция

Между указанными ниже Высокими Договаривающимися Сторонами, Правительством Французской республики, представленным г-ном Сентени, представителем Верховного Комиссара Франции, надлежащим образом назначенным вице-адмиралом эскадры Жоржем

Тьерри д'Аржанлье, Верховным Комиссаром Франции, уполномоченным Французской республики, с одной стороны, и Правительством Республики Вьет-Нам, представленным ее президентом Хо Ши-мином и особым уполномоченным Совета Министров г-ном Ву Хонг-каном, с другой стороны, достигнуто соглашение о следующем:

1. Французское Правительство признает Республику Вьет-Нам свободным государством, имеющим свое правительство, свой парламент, свою армию и свои финансы, составляющим часть Индокитайской Федерации и Французского Союза. Что касается объединения Трех «Ки», то Французское Правительство обязуется утвердить решения, принятые их населением путем референдума.

2. Правительство Вьет-Нама заявляет, что оно готово дружественно принять французскую армию, когда, в соответствии с международными соглашениями, она сменит китайские войска. Дополнительное соглашение, приложенное к настоящей предварительной конвенции, установит формы, в которых будут произведены операции по эвакуации французских войск.

Вышеприведенные пункты войдут в силу немедленно. Сразу после обмена подписями каждая из Высоких Договаривающихся Сторон примет все необходимые меры, чтобы тотчас же прекратить военные действия, оставить войска на занимаемых ими позициях и создать благоприятную обстановку, необходимую для немедленного открытия дружественных и открытых переговоров. Эти переговоры коснутся главным образом:

а) дипломатических отношений Вьет-Нама с иностранными государствами;

б) будущего статута Индо-Китая;

в) французских экономических и культурных интересов во Вьет-Наме.

Совершено в Ханое 6 марта 1946 г.

ХО ШИ-МИН
ВУ ХОНГ-КАН
СЕНТЕНИ

Признание правительством Вьет-Нама необходимости референдума в Кохинхине было с его стороны огромной уступкой. В некоторых близких к адмиралу д'Аржанлье кругах считали, проявляя непонятное отсутствие логики, что суверенитет Вьет-Нама осуществляется лишь к северу от 16-й параллели.

Эта позиция французских империалистов проявилась через несколько недель в создании «свободной республики Кохинхина» и в многочисленных попытках образовать автономные территории Южный Аннам, плоскогорье Мои и т. д. Кстати и некстати выдвигался вопрос об автономии горских народностей. Империалисты пускали в ход все средства, чтобы уменьшить территорию, над которой был признан суверенитет Вьет-Нама.

Предварительная конвенция от 6 марта предусматривала «немедленное открытие дружественных и откровенных переговоров». Однако, как мы уже указывали, вьетнамцы хотели вести переговоры в Париже, вдалеке от местных реакционных кругов, с представителями французского народа, а не с чиновниками, обученными в колониальной школе или тесно связанными с Индокитайским банком, — с чиновниками, которых они хорошо знали, так как 80 лет терпели их высокомерие. Верховный комиссар Франции вовсе не хотел, чтобы переговоры велись помимо него. Конференция в Париже означала для него потерю престижа. Кроме того, он опасался, что демократические французские партии смогут оказывать влияние на ход переговоров. А на расстоянии 14 тыс. километров от парламента можно многое себе позволить...

Уже 10 марта политический советник адмирала д'Аржанлье де Раймон на банкете в Ханое открыто заявил, что Кохинхина должна остаться автономной и что о поездке в Париж не может быть и речи. Передавали, что де Раймон на пресс-конференции, происходившей через несколько дней, в не менее ясных выражениях высказывал взгляды местных империалистов.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ДАЛАТЕ

Наконец, 17 апреля в Далате начались переговоры между французскими чиновниками и делегатами Вьет-Нама.

список которых был представлен на утверждение верховному комиссару. Один из вьетнамских делегатов, депутат Кохинхины, д-р Фам Нгок-тхаш, взгляды которого не нравились верховному комиссару, был бесцеремонно исключен из списка и интернирован в Сайгоне под тем предлогом, что он приехал в Далат не тем путем, каким ему надлежало ехать.

Уже из вступительной речи адмирала д'Аржанлье было ясно, что он намерен установить свой контроль над конференцией. Он проявил «отеческое попечение» самого высшего сорта. Всеми средствами он старался поставить вьетнамцев в униженное положение. По его мнению, вовсе и не следовало вести переговоры на основе равенства.

Так в атмосфере изоляции, которой столь опасались вьетнамцы, открылась подготовительная франко-вьетнамская конференция в Далате.

Но эта конференция была лишь предварительной. Она не касалась основных вопросов, а именно вопроса о дипломатическом представительстве Вьет-Нама и о статусе Кохинхины.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ФОНТЕНБЛО

Вьетнамцы выиграли один пункт — окончательная конференция должна была состояться во Франции.

Самому президенту Хо Ши-мину предстояло во время конференции быть гостем французского правительства. Адмирал д'Аржанлье не должен был в ней участвовать. Это явилось одновременно и провалом его политики, и ударом по его самолюбию. Французы и вьетнамцы должны были договориться без него (как говорили иные — вопреки ему) и, во всяком случае, через его голову. С этой минуты адмирал д'Аржанлье имел одну лишь цель — сорвать соглашение.

На следующий же день после отъезда из Ханоя президента Хо Ши-мина адмирал д'Аржанлье от имени Франции признал Кохинхину «свободным государством» со своим правительством, своей армией, бюджетом, финансами и т. д., чем поставил вьетнамское правительство перед совершившимся фактом.

Несмотря на это, конференция в Фонтенбло началась 6 июля при самой благоприятной обстановке, в духе,

который отлично передает вступительная речь главы вьетнамской делегации Фам Ван-донга. Приведем выдержки из этой речи:

«...Вьетнамское правительство хотело мира. Новая Франция хотела того же. Ибо Франция, возродившаяся благодаря движению сопротивления, не могла допустить, чтобы, даже за 14 тыс. километров от нее, началась война такого характера, да еще от ее имени. Так была подписана предварительная конвенция от 6 марта...

Господа! С глубокой болью мы должны сказать, что некоторые пункты соглашения о перемирии от 6 марта не выполнены французскими властями во Вьет-Наме, что военные действия, вместо того чтобы немедленно прекратиться, продолжают до сего дня, что французские войска, вместо того чтобы остаться на своих позициях, прилагают все усилия с целью занять новые территории. В последнее время они завладели также богатыми плоскогорьями Плейку и Контум, а в Тонкине были снова совершены насильственные действия, самым возмутительным из которых является занятие старинного генерал-губернаторского дворца в Ханое. Но, прежде всего, со всей силой, на которую способен двадцатимиллионный народ, поднявшийся в великом порыве на защиту своей родины от расчленения, мы считаем нужным протестовать против создания «свободного государства Кохинхины» и против признания его временного правительства французскими властями в Сайгоне.

Господа! Если конвенция от 6 марта была подписана лишь для того, чтобы дать французским войскам возможность мирного проникновения на север Вьет-Нама и в то же время развязать военные действия на юге, чтобы поставить конференцию перед совершившимся фактом, то мы обязаны заявить здесь, что таким путем нельзя содействовать успеху переговоров и окончательному соглашению между Францией и Вьет-Намом для блага обеих стран.

Ибо мы желаем именно такого окончательного соглашения. Мы глубоко любим свою страну и именно поэтому желаем сохранить ее связи с Францией, с

которой нас соединяют тесные узы и вместе с которой мы рассчитываем занять место в великой семье свободных и демократических наций.

Мы ясно сознаем свое место по отношению к Франции и по отношению к нашим друзьям — алжирцам, мальгашам, обитателям острова Мартиники и т. д. — во Французском Союзе, который должен быть построен на основе свободы, равенства и братства, и берем на себя надлежащую ответственность...

...Именно поэтому, несмотря на ряд неудач, постигших после 6 марта политику франко-вьетнамской дружбы, мы убеждены, что эта политика хороша, что она одна может удовлетворить глубокое стремление вьетнамского народа к независимости, укрепляя, — но на новых основах, — интересы и престиж Франции на Дальнем Востоке.

Именно в этом духе мы начинаем конференцию, желая успешно завершить ее».

Соглашения в культурной области были достигнуты быстро. Вьетнамцы дали все гарантии относительно французского имущества во Вьет-Наме и обязались не производить ни конфискации, ни национализации его. На очередь встал вопрос о дипломатическом представительстве Вьет-Нама.

КАК БЫЛА СОРВАНА КОНФЕРЕНЦИЯ В ФОНТЕНБЛО

В это время адмиралом д'Аржанлье была созвана в Далате «федеральная конференция» из делегатов Камбоджи, Лаоса, а также «свободной республики Кохинхины» и области Мёи. Вьетнамцы немедленно, 26 июля, заявили протест, но их протест остался без последствий. Таким образом, как раз в тот момент, когда конференция в Фонтенбло приступала к обсуждению вопроса о Кохинхине и о месте Вьет-Нама в Индокитайской федерации, собралась «федеральная конференция в Далате» под председательством адмирала д'Аржанлье.

На заседании конференции в Фонтенбло 1 августа глава вьетнамской делегации Фам Ван-донг заявил: «От имени вьетнамской делегации я имею честь напомнить вам наше выступление от 26 июля 1946 г. по поводу так называемой

федеральной конференции, которая должна сегодня собраться в Далате. Мы считаем нужным подтвердить сегодня перед конференцией в Фонтенбло свою позицию. Мы стоим перед следующей альтернативой: либо судьбу Кохинхины, горных областей и вопрос о статуте Индокитайской федерации решают французские власти Кохинхины, в этом случае конвенция от 6 марта становится беспредметной, и наша конференция в Фонтенбло теряет всякий смысл; либо конвенция от 6 марта должна быть осуществлена, и в этом случае одна лишь конференция в Фонтенбло имеет право обсуждать эти проблемы.

Наше достоинство требует, чтобы мы вышли из этого двусмысленного положения и, следовательно, прекратили свою работу, пока двусмысленность не будет устранена».

Глава французской делегации Макс Андре ответил, что вопрос о федеральной конференции не входит в его компетенцию и что решить его надлежит правительству.

Двусмысленность, о которой говорил Фам Ван-донг, не была устранена. Возобновится ли война?

СЕНТЯБРЬСКИЙ «МОДУС ВИВЕНДИ». ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Вьетнамцы хотели мира. Для этого президент Хо Ши-мин ехал в Париж. Он хотел привезти вьетнамскому народу соглашение с Францией.

Хо Ши-мин подписал с министром по делам заморских территорий Мариусом Мутэ «модус вивенди», перенесший возобновление переговоров на гораздо более поздний срок и давший в промежутке вьетнамскому народу возможность жить в мире. Мы увидим, как вследствие невыполнения этого «модус вивенди», постоянного нарушения его духа и буквы франко-вьетнамские отношения все более и более осложнялись.

* * *

АНДРЕ ЛЕСКЮР

Завоевательная война

Подписывая соглашение от 6 марта 1946 г., вьетнамцы действовали совершенно чистосердечно. Они были заинтересованы в подписании соглашения и в его лояльном проведении в жизнь. Вьетнамское правительство нуждалось в мире. Соглашение от 6 марта позволило ему показать Франции и всему миру свои возможности, поддержку, которой оно пользуется во всех классах населения, свои бесспорно демократические устремления. Соглашение позволяло ему приступить к необходимым социальным и экономическим реформам, и прежде всего к аграрной реформе, уже давно изучавшейся и начатой, которая должна была окончательно изгнать из перенаселенной Тонкинской дельты призраки голода.

Кроме того, Вьет-Нам избавился от внешнего, более или менее сильного и скрытого нажима. В частности, он был, наконец, освобожден от своего рода оккупации, навязанной ему китайскими войсками. Присутствие войск Чан Кай-ши, систематически грабивших страну, оказывало губительное влияние на экономику Вьет-Нама. С другой стороны, китайцы возбуждали оппозиционные партии, состоявшие из беспринципных авантюристов (Дон-Мин-Хой и др.), и расходовали на них большие суммы. Ни для кого уже не секрет, что Дон-Мин-Хой всеми средствами пыталась сорвать переговоры, завершившиеся предварительной конвенцией от 6 марта 1946 г.

Таким образом, даже из краткого анализа ситуации вытекает, что Вьет-Нам был заинтересован в полном осуществлении соглашения.

Напротив, интересы французских империалистов были противоположны. Не подлежит сомнению, что меньшинство французов, которое истощало ради своей выгоды богатства «нашей великой тихоокеанской колонии», не

признавало нового положения, созданного поражением Японии и ростом сознательности индокитайского населения. Мечта о былом великолепии, о крупных прибылях, извлекавшихся из Индо-Китая до войны и на всем протяжении японской оккупации, лишала французских империалистов всякой возможности объективного суждения. Они не желали признавать положения вещей, создавшегося в результате подъема национального самосознания вьетнамского народа.

ПОДРЫВ СОГЛАШЕНИЯ

Каста экономических хозяев Индо-Китая, встретившая резкой критикой соглашение от 6 марта, увидела вскоре, что оно представляет возможность мирного ввода французских войск в Тонкин и Северный Аннам. Нужно туда попасть, а там видно будет, размышляли они. Адмирал д'Аржанлье решительно встал во главе этого движения, направленного к систематическому подрыву духа соглашения; это тотчас же проявилось под видом «отеческого попечения» о стране. Оно нашло выражение в краткой речи, произнесенной адмиралом во время посещения школы в Жиа-Дине в декабре 1945 г.: «Дети мои, ...я вас очень люблю, потому что вы служите общим идеалам: семье, вашей родине и вашему богу... Обнимая вас, я в то же время обнимаю всех индокитайцев». Столь многого вьетнамцы и не требовали. Им нужно было лишь свободное осуществление их национального суверенитета.

Низкопробный сентиментализм адмирала должен был, по его замыслу, скрыть от глаз простаков его слишком уж явную двойную игру. Адмирал в бухте Алонг пожимал руку президенту Хо Ши-мину и в то же время проводил в Кохинхине репрессии; подписывал соглашение и на следующий же день (7 марта 1946 г.) в самолете, на пути в Тонкин, заявлял: «Нужно будет взять обратно, путем новых переговоров, сделанные уступки». Адмирал намеревался оставить за собой монополию на переговоры. Но влияние французского народа оказалось, в конечном счете, сильнее местных комбинаций, и конференция по основным вопросам происходила в Фонтенбло. Мы уже видели, как верховный комиссар пытался отвоевать потерянные позиции, созвав федеральную конференцию в Далате.

Эту политику адмирала д'Аржанлье, который стремился просто-напросто восстановить путем различных уловок весь французский административный аппарат в Индо-Китае, эту империалистическую завоевательную политику нельзя было проводить без поддержки значительной части местного французского населения.

Печать метрополии рекламировала результаты октябрьского референдума в Кохинхине, где более десяти тысяч избирателей¹ ответили «нет» и высказались против конституции.

Подобные демонстрации подчеркивают реакционность местных французских коугов. Так, например, кохинхинские газеты на французском языке обнаруживают те же, далеко не новые, тенденции. Из предподносимого ими набора фраз, в которых трудно определить, что в них возмущает больше — глупость или проповедь расизма, мы приводим нижеследующие выдержки. Одна взята из статьи, помещенной в первом номере «Жюстис», органа социалистической федерации Юга, от 21 октября 1945 г.; эта статья изобилует резкими нападкамии на вьетнамское правительство. Вот характерное место из нее:

«Было бы полезно, чтобы этот маленький народ... в ближайшее время понял, что Франция вновь обрела свое место великой державы, что она опять имеет обновленные и, быть может, грозные армию, флот, авиацию...»

Вот передовица, написанная редактором газеты «Авенир» Мариани 3 апреля 1946 г. «Нужно восстановить порядок, — заявляет господин Мариани. — В оккупированной Франции под управлением генерала фон Штюльпнагеля за одного убитого немца расстреливали 300 невинных французов. И, в конце концов, воцарился порядок. Ибо есть случаи, когда нужно восстановить порядок во что бы то ни стало». Отнюдь не проявляя негодования по поводу убийства невинных людей, господин Мариани рекомендует выслать лиц тонкинского происхождения, которых он считает ответственными за «беспорядок». Вероятно, господин Мариани имеет множество усердных читателей среди эсэсовцев, попавших, по милости Дительма, в «иностраный легион».

¹ Избирателями, разумеется, были только французские граждане. (Прим. автора.)

БЕСЧИНСТВА ВОЕНЩИНЫ

Некоторые военные элементы, только что прибывшие в Индо-Китай, прежде всего представители ДЖЕР и «инострannого легиона», не замедлили провести в жизнь это фашистское предложение. В свое время бывший министр Э. Тома¹ по возвращении из Индо-Китая сделал следующее заявление: «Рискуя вызвать вопли ярости со стороны некоторых людей, я скажу, что пребывание в Индо-Китае генерала Леклерка и его дивизии, а также «инострannого легиона» не пошло на пользу французским интересам» (4 апреля 1947 г., агентство Франс Пресс)¹.

В связи с этим следует отметить инциденты, вызванные французскими войсками в Сайгоне 23, 24 и 25 февраля 1946 г.

Газета «Туонг-Лай» опубликовала текст предложения, обращенного к председателю совета министров и к министру по делам заморских территорий Франции. Этот документ требовал:

- 1) прекращения военных действий;
- 2) посылки в Индо-Китай парламентской комиссии;
- 3) признания Вьет-Нама свободным государством.

Газета опубликовала имена некоторых лиц, подписавших предложение.

Тогда в дело грубо вмешались военные. Вечером 23 февраля около сотни человек в военной форме, главным образом из 2-й бронетанковой дивизии, в том числе много офицеров, один даже в чине майора, разграбили склад, принадлежавший одному из лиц, подписавших предложение, а владельца увезли в экипаже военной полиции. Его избили так жестоко, что он две недели пролежал в больнице. Офицеры в мундирах жгли на улице связки газет. Один английский журналист телеграфировал своей газете,

¹ Эжен Тома — правый социалист — в 1946 г. был членом комиссии Учредительного собрания по обследованию положения в Индо-Китае.

Подобные «критические» выступления правых социалистов были лишь демагогическим приемом. На деле правые социалисты полностью поддерживают политику порабощения народов Индо-Китая, проводимую французской реакцией. В частности, они голосовали в Национальном собрании за военные кредиты для ведения захватнической войны против Республики Вьет-Нам. (Прим. ред.)

что все это напомнило ему «первые проявления нацизма в Вене».

Самое удивительное — отношение к описанным событиям печати, которая на следующий день долго ликовала по поводу этих «блестящих действий». «Авенир» объясняла, что хотя «армия молчит, но охулки на руку она не положит», и сожалела, что участники этой эскапады не сумели найти типографию газеты «Туонг-Лай».

Несмотря на представления, сделанные верховному комиссару, никаких мер принято не было. Тогда, 25 февраля, те же военные, поощряемые молчанием властей и рукоплесканиями местного «общества», отважились на новые нападения. Самое отвратительное из них произошло во второй половине дня. Служащую информационного агентства м-ль Флоранс насильно привезли в лагерь ДЖЕР и обрили ей голову. Затем ее провели по главной улице Сайгона со связанными за спиной руками и прикрепленной к груди дощечкой, на которой было написано: «Я подписала предложение...». Эту «операцию» с успехом провели два майора, два капитана, один лейтенант и один младший лейтенант.

Ввиду создавшейся ситуации военные власти ввели осадное положение, но никаких санкций принято не было.

ФРАНЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ЗНАТЬ

Те, кто еще сомневался в существовании цензуры над информацией из Индо-Китая, окончательно просветились, столкнувшись с тем, как штаб адмирала д'Аржанлье извещал Францию о февральских событиях. Телеграммы корреспондентов попросту задерживались. Их отправляли лишь после 48-часовой задержки в результате долгих хлопот со стороны английских и американских журналистов. Адмиралу пришлось объяснить свою позицию, и он пытался оправдаться, заявив, что ему прежде всего надлежало информировать свое правительство и что для этого якобы потребовалось произвести серьезное расследование.

Мы имеем целый ряд свидетельств этих возмутительных действий цензуры, которая оставляет французский народ в неведении о наглых маневрах, осуществляемых от его имени за 14 тыс. километров! Так, сайгонский коррес-

понтент агентства Рейтер — Кэмпбелл — послал специальным курьером телеграмму своему коллеге в Сингапуре, причем сообщил: «Я направляю эту телеграмму вам, потому что не в состоянии пробить железный занавес французской цензуры». («Монд», 11 февраля 1947 г.)

В конце января 1947 г. военного корреспондента агентства Франс Пресс Жака Дофэна выслали из Турана и пригрозили ему тюремным заключением. Этот корреспондент с разрешения штаба в Туране послал своему агентству несколько телеграмм военного характера. Штабу верховного комиссара его чересчур объективные сообщения пришлось не по вкусу, и он был выслан.

Другим не менее показательным фактом является увольнение одного из главных редакторов агентства Франс Пресс в Париже Мартинэ, который 16 апреля 1947 г. посмел опубликовать заявление главы делегации Вьет-Нама во Франции.

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА

Выше мы пытались показать черты, характеризующие психологию тех, на кого, в конечном счете, была возложена задача проводить в жизнь соглашения, заключенные между Францией и Вьет-Намом. Если в возникновении некоторых мелких инцидентов чисто местного характера были виноваты обе стороны — главным образом, вследствие трудностей связи между мелкими постами, — то во всей совокупности следовавших затем инцидентов нельзя не видеть систематически проводимой политики агрессии. Инциденты эти начались на следующий же день после подписания соглашения. Последнее предусматривало немедленное прекращение военных действий; оставление войск на занимаемых ими позициях. Однако двухнедельный журнал «Каравель», орган экспедиционного корпуса, сообщив о подписании соглашения, цинично заявил 10 марта 1946 г., что самолеты разбросали по деревням листовки, предназначенные для вьетнамских солдат, и привел текст листовок. В них говорилось: «Сдавайтесь с оружием ближайшему французскому посту!»

Военные, повидимому, расценивали соглашение как капитуляцию Вьет-Нама. Приведем следующий ультиматум, адресованный 26 марта 1946 г. майором Немо командиру

вьетнамских войск в пункте Ан-Бьен (провинция Раш-Жиа):

«Условия прекращения военных действий:

Сдача всего огнестрельного, холодного и метательного оружия и всех боеприпасов.

Сдача всех материалов, которые могут быть использованы в военных целях.

Вооруженные партизанские отряды пункта Ан-Бьен должны явиться на французский пост в Ксео-Рео группами по 20 человек, неся белый флаг. Солдаты должны иметь при себе свое оружие. Все, без исключения, оружие должно быть сдано».

Многочисленные документы показывают, что французские военные власти широко применяли операции по так называемой «очистке местности», явившиеся причиной многих инцидентов, например инцидента в Бак-Мине. Операции эти дали повод к новым протестам вьетнамского министерства иностранных дел, заявленных им комиссару Французской республики Сентени. Французские войска оккупировали все побережье между Нья-Трангом и Кохинхиной и горными районами Плейку и Контум. Искусственно были созданы государства, например «Южный Аннам», «Государство Мои», в каждом из которых был учрежден пост комиссара Французской республики.

Маскировка этих операций с целью скрыть их от общественного мнения производилась довольно грубо, о чем свидетельствует приводимое ниже распоряжение, направленное сайгонской радиостанции комиссариатом по информации:

«При редактировании ежедневных сводок, публикуемых в печати и по радио, отныне не следует употреблять выражения: «военные операции», «вьетнамские войска» и другие, за которые готова ухватиться ханойская пропаганда, чтобы потребовать прекращения военных действий между французскими и вьетнамскими войсками.

Поскольку мы теперь имеем дело лишь с незначительными группами, лучше сильно сократить сводки и комментарии к ним и давать их под заголовком «полицейские операции».

Условия дополнительной военной конвенции от 3 апреля предусматривали, что французские войска, направляе-

мые во Вьет-Нам, «должны состоять исключительно из французов метрополии». Командование французского экспедиционного корпуса никогда не соблюдало это условие. Наличие в «иностранном легионе» большого числа немецких и итальянских фашистов не раз вызывало возмущение французского общественного мнения.

Что касается «обстановки, благоприятной для переговоров», предусмотренной соглашением от 6 марта, то о ней позаботилась охранка. Уже Ж. М. Этриш в книге «Док Лап», описывая события в Индо-Китае, сообщал о «зловещем грузовике», принадлежащем охранке и следующем в хвосте военных колонн, за санитарными машинами. В этот грузовик вталкивали «подозрительных», от которых рассчитывали получить какие-либо сведения. Чтобы заставить людей говорить, их пытаются, иногда до смерти.

ГЛАВНАЯ ОХРАНКА В САЙГОНЕ

Много заключенных, прежде чем попасть в главную тюрьму, подвергаются допросу в охранке (угол улицы Катина и улицы Моссара). Там в тесном помещении сотни несчастных стоят, прижатые друг к другу, по 200 — 300 человек в комнате. Ночью в соседних домах (например, в помещении типографии «Юнион») слышны стоны этих несчастных, которые умоляют стражников прикончить их. Каждое утро из охранки вытаскивают по несколько трупов.

Днем в охранке пытаются прямо во дворе, под открытым небом. Пытка — не исключение, а правило. Англичане — больные и сиделки — из 51-го индийского госпиталя, помещающегося на улице Моссара, в здании старого колледжа, смежного с охранкой, наблюдали всевозможные пытки: подвешивание за пальцы, удары по пяткам и т. д. Свидетели — механик самолета Уильям Маккиннон, капрал Эдуард Уоллес и сержант Фредерик Лэнгхэм (двое последних — из Лондона).

ДЕЛО АЛЬБЕРА ЛУНА

Как не вспомнить фигуру адвоката Альбера Луна, которого многие французы считали за честь называть своим другом.

Альбер Лун родился в 1914 г. в Сайгоне. Его отец — инженер — был натурализовавшимся французским гражданином. Альбер Лун и его брат также были французскими гражданами. С 1927 до 1938 г. Альбер Лун жил во Франции. Там он изучал право. Во время немецкой оккупации погиб его брат, отправленный в Бухенвальд за участие в движении сопротивления. В 1941 г. Альбер Лун был младшим лейтенантом французской армии в Индо-Китае. Его послали на франко-сиамский фронт. Вернувшись в Сайгон в 1942 г., он поступил в сайгонский кассационный суд в качестве адвоката.

Во время высадки армии Леклерка Лун публично выражал свое недовольство, а после «операций по очистке», произведенных этой армией, он принял на себя командование бригадой вьетнамских партизан, чтобы в районе Сайгона продолжать борьбу с силами реакции. В 1945 г. Лун был избран делегатом вьетнамского Учредительного собрания. Он имел звание майора вьетнамской армии.

Первого июля 1946 г. Луна арестовали как командира «мятежных войск» и так мучили, что он, не имея более сил переносить пытки, покончил с собой.

ЗВЕРСТВА

Что касается эксцессов, совершенных французскими войсками, то мы имеем множество свидетельств о них. Приведем выдержки из письма военного корреспондента Дюсара начальнику канцелярии верховного комиссара Лонго:

«Один офицер из 2-й бронетанковой дивизии, вернувшись с обхода, рассказал нам, как он «очистил» соломенную хижину, превращенную «мятежниками» в полевой госпиталь. «В этой хижине, — рассказал он нам, — собралось человек 15 вьетминцев. Одни были накануне ранены, а другие ухаживали за ними. Мы всех их ликвидировали. Впрочем, раненые были уже полумертвы».

...В воскресенье 16 марта, в конце дня, патруль привел в мэрию Дюк-Хоа трех пленных. Их выстроили у стены, а потом первого повели в зал на допрос... Начальником был француз с нашивкой младшего лейтенанта колониальной пехоты на шапке. Два его товарища были метисы.

Пленный призвался в принадлежности к Вьет-Мину, но больше ничего из него вытянуть не удалось... Тогда французский полицейский схватил дубинку и стал колотить ей тонкинца по плечам и по голове. Вскоре спина пленника покрылась длинными красными полосами, а из раны на лице крупными каплями текла кровь. Он попрежнему молчал. Трое полицейских уложили его ничком. Французский полицейский наступил ему сапогом на спину, а один из метисов бил его по пяткам. Так как пленный попрежнему молчал, два солдата схватили его подмышки (он уже не мог стоять на ногах) и оттащили на лужайку за домом. Был вызван сержант 21-го полка колониальной пехоты с ружьем, и процедура «допроса», в присутствии двух других пленных, закончилась следующим образом: «Будешь говорить?» — спросил полицейский. Тонкинец ничего не ответил. Тогда сержант пустил ему пулю в голову...»

Так с первого же дня разворачивалась эта «колониальная экспедиция», которую не смели называть ее настоящим именем; так она продолжается по сей день. Как метко выразился бывший министр Томá по возвращении из Индо-Китая, «ни грабежами, ни насилиями, ни убийствами, ни поджогами деревень, ни массовыми казнями невинных нельзя внедрить в сердце аннамитов любовь к Франции». (Агентство Франс Пресс, 4 апреля 1947 г.)

КОХИНХИНА. ИСКУССТВЕННО СОЗДАННАЯ ПРОБЛЕМА

Политические деятели, совершенно неосведомленные о положении в Индо-Китае, старались доказать, что существует кохинхинский чарод, отличный от вьетнамского, что он говорит на особом языке и т. д. Чтобы положить конец нелепому спору, напомним, без особых комментариев, следующую фразу Ланессана, который был генерал-губернатором Индо-Китая в то время, когда генерал-губернаторы не считали зазорным изучать аннамский язык и интересовались различными сторонами жизни уповаемой ими страны.

«В действительности, Аннам, Тонкин и Кохинхина образуют единое в полном смысле слова государство, населенное людьми, которые говорят на одном языке и отли-

чаются одинаковыми нравами, одеждой, религией, общественной и административной организацией».

И далее: «Даже самого названия «Тонкин» в аннамском языке не существует. Тонкин известен лишь под названием «Северные области», как Кохинхина — под названием «Южные области» и Аннам — под названием «Центральные области».

Совокупность этих трех областей, трех «Ки» (Нам-Ки, Бак-Ки, Трун-Ки), составляет одно целое, обладающее языковыми, географическими, этническими и культурными признаками *национального государства*, которое в истории получило название Вьет-Нам и которое французы обычно называют страной аннамитов, в отличие от Камбоджи и Лаоса.

Но Кохинхина, которую французы завоевали первой — император Аннама Ту-Дук уступил им ее — стала «французской землей» и имела статут колонии, в то время как Аннам и Тонки: оставались в принципе под властью императора и являлись «французским протекторатом».

«КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ КОХИНХИНЫ»

Как и в период завоеваний XIX в., французы в сентябре 1945 г. решили прежде всего завладеть Кохинхиной. Поскольку Исполнительный комитет Кохинхины, подчинявшийся ханойскому правительству, был устранен переворотом 23 сентября, французы восстановили в области довоенный административный аппарат. Кроме того, пытаясь опереться на туземные элементы, они сгруппировали вокруг французских коммерсантов, промышленников и плантаторов клику землевладельцев — аннамитов, которым (ценой всевозможных компромиссов) удалось сохранить свои привилегии во время колониального, вишийского и японского режимов. Воаждебно настроенные по отношению к новому вьетнамскому демократическому движению, аннамские помещики усматривали во французской помощи последнюю возможность возвращения к старому строю. В эту группу, принявшую название «консультативного совета Кохинхины», вступил один полковник французской колониальной артиллерии, весьма кстати вспомнивший свое аннамитское происхождение.

Кроме низкопоклонства перед агентами французского империализма и криков: «Кохинхина для кохинхинцев», этот консультативный совет, несмотря на склоки между его членами, вскоре стал единодушно проявлять дикую ненависть ко всем демократическим принципам и к «тонкинцам», которых считал ответственными за все бедствия.

Энергичная сепаратистская кампания велась при почти скрытой поддержке французских гражданских и военных властей.

Под охраной суровой цензуры, устранившей всякую конкуренцию, в Сайгоне родилась сепаратистская пресса на французском и аннамском языках, получающая финансовую поддержку из «неизвестных источников».

Так «подготавливали» требование о включении в соглашение от 6 марта 1946 г. пункта, оставившего вопрос о судьбе Кохинхины открытым. Население Нам-Ки «путем свободного референдума» должно было определить статут своей области: присоединиться ли ей к Вьет-Наму или быть автономной.

Как только было подписано соглашение, адмирал д'Аржанлье взялся за подготовку референдума по-своему. Во всех провинциях Кохинхины французские гражданские и военные власти старались устраивать как можно больше демонстраций за автономию Кохинхины. Об их усиленной сепаратистской пропаганде свидетельствует приказ третьей дивизии колониальной пехоты:

«В момент, когда кохинхинские мятежники все более и более ориентируются на подпольную деятельность, необходимо проводить, параллельно военным операциям, широкую пропагандистскую работу. Пропганда должна в основном вестись при помощи листовок. То, что написано на бумаге, имеет для аннамита большой вес. Пропганда должна преследовать три цели:

1. Привести к подчинению сопротивляющиеся еще мятежные элементы, особенно кохинхинцев.
2. Противодействовать деятельности этих элементов среди населения (контрпропаганда).
3. Начать политическую деятельность по подготовке референдума.

Генерал Леклерк»

«СВОБОДНАЯ РЕСПУБЛИКА КОХИНХИНА»

Кампания была ловко организована. 23 мая один из французских членов консультативного совета в письме на имя верховного комиссара потребовал, чтобы было «выполнено желание огромного большинства кохинхинцев и как можно скорее учреждено кохинхинское демократическое правительство, основанное на народной воле». Адмирал поспешил принять это предложение. 1 июня родилась «свободная республика Кохинхина» во главе с временным правительством, составленным из крупных помещиков и нескольких авантюристов, под руководством председателя рисового комбината и бывшего делегата экономической конференции в Токио в 1942 г. Нгуен Ван-тина.

Сепаратистская манифестация 28 апреля 1946 г. в Сайгоне, в которой участвовало всего около 5 тыс. человек, достаточно ясно показала, в какую сторону была направлена подлинная воля народа. Все вспомнили по этому случаю массовую демонстрацию 26 августа 1945 г., когда на улицы того же города вышло около сотни тысяч человек под лозунгами единства и независимости Вьет-Нама.

Даже «Монд» писала 1 августа 1946 г.:

«Именно в сердце Кохинхины чувствуешь, что сайгонские события совершенно не связаны с нуждами, с глубокими действительными стремлениями народных масс». И 2 августа: «Следует признать, что кохинхинский сепаратизм не имеет абсолютно никакой базы в народных массах. Он является делом дюжины интеллигентов».

Во главе «временного правительства Кохинхинской республики» стоит, как мы уже указывали, Нгуен Ван-тин, владеец нескольких тысяч гектаров рисовых плантаций и председатель рисового комбината. Члены правительства — крупные помещики и коммерсанты. За кулисами же его стоит француз Базэ, владеец крупных каучуковых плантаций.

Быть может, приводимые ниже сообщения из финансовых газет прольют новый свет на коренные причины этого «сепаратизма»:

«Сепаратистское движение в Кохинхине произвело на биржу благоприятное впечатление... Акции Индокитайского банка стойко держатся на уровне 8950 франков».

«Признание Кохинхинской республики... значительно облегчает судьбу «Акционерных обществ каучуковых плантаций». («Ажанс экономик э финансьер», 13 июня 1946 г.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СЕПАРАТИСТОВ»

В рядах «кохинхинских сепаратистов» собрались беспринципные авантюристы, а также члены старых политикорелигиозных сект фашистского толка, ставшие усердными помощниками французского империализма; они с исключительным хладнокровием делают свое грязное дело и терроризируют вьетнамских демократов методами, которые пришлось бы по вкусу немецкому гестапо и жандармам Виши.

Вот характерное место из заявления представителя прогрессивных кругов Кохинхины д-ра Туна:

«...Для поддержки действий правительства была создана организация Мат-Тран-Бин-Дан-Нам-Нам-Ки, члены которой — настоящие разбойники — вербуются среди проходивцев, игроков и людей без определенных занятий. Вооруженные автоматическими пистолетами, штуцерами, гранатами, легкими пулеметами, они действуют запугиванием и сеют ужас. Они произвольно арестовывают людей и пытаются тех, кто попадает в их руки, совершают нападения на своих политических противников».

Временное правительство «Кохинхинской республики» сразу же проявило свои антидемократические тенденции. Приведем пример его воздействия на печать. С ноября 1946 г.:

1. Временно запрещены три газеты на аннамском языке и двухнедельная газета «Ландемэн» на французском языке. Кроме того, газете «Ландемэн» категорически отказано в разрешении на аннамское издание.

2. Запрещено на неопределенный срок восемь газет на аннамском языке.

3. Отдано под суд семь журналистов, из которых трое отбывают предварительное заключение.

Предъявленные обвинения

1) за опубликование декларации нелегального комитета [Исполнительного комитета Нам-Бо];

2) по соображениям «целесообразности» [более подробных объяснений не дано];

3) за нарушение особых предписаний касательно выпуска специального номера по случаю «тет» (аннамский новый год), а именно: а) запрещения употреблять красный цвет (обязанность представлять ящики с краской для визирования); б) запрещения употреблять слова «бу-нин» (марионетка), «фанли» (сепаратизм) и «бан-нуок» (измена родине); в) предписания отмечать на схематической карте Вьет-Нама границы трех «Ки» и пропагандировать, таким образом, политику отделения.

Марионеточное правительство испытало множество превратностей. Было убито с полдюжины министров, которых вьетнамцы называли своими квислингами. Президент Нгуен Ван-тин, из-за отвращения к роли, которую его заставили играть, покончил жизнь самоубийством. Его сменил Хоаш, который во время войны сотрудничал с японцами и получил от них орден.

БОЯЗНЬ РЕФЕРЕНДУМА

После года такого режима Базэ, закулисный режиссер кохинхинского «сепаратизма», вынужден был заявить одному журналисту: «Никким образом нельзя сейчас проводить референдум. 90% населения — против нас». Эта цифра точно соответствует цифрам Хоаша: «Помимо района Сайгон — Шолон, — заявил Хоаш корреспонденту агентства Франс Пресс 7 февраля, — моя власть распространяется на 150—200 крупных центров с населением по 2 тыс. человек и на деревни, особенно Центра и Востока, на область Гоконга и т. д.». 200, умноженные на 2000, составляют 400 тысяч. Если допустить, что Хоашу подчинены 100 тыс. аннамитов района Сайгон — Шолон и т. д., то все вместе взятое составит 500 тыс. человек, то-есть едва 10% аннамитского населения.

„ГОСУДАРСТВО МОИ“

Проводимая адмиралом д'Аржанлье политика «сепаратизма» не ограничивалась Кохинхиной. В Южном Аннаме французские власти восстановили весь французский адми-

нистративный аппарат, а после соглашения от 6 марта оставили на местах многочисленных чиновников. Наконец, под предлогом «федерализма» была сделана попытка образовать «государство Мѐи», искусственно ограниченное горными районами Плейку и Контум — так, чтобы территория его вклинивалась в территорию Вьет-Нама.

Как известно, «мѐи» — название племенной группы индо-малайцев, разделяющейся примерно на 20 племен, из которых каждое говорит на своем наречии и живет по-своему. Племена эти, стоящие на весьма низком уровне развития, живут на отрогах Аннамского горного кряжа не связанными между собой мелкими группами. Они занимаются охотой и первобытным земледелием, кочуя по чуть ли не девственному лесу на территории в несколько тысяч квадратных километров. Значительные группы народности мѐи живут не только в Южном Аннаме, но также в Кохинхине, особенно в провинциях Бариа и Вьен-Хоа, в Камбодже, Лаосе и даже в Сиаме.

Никому никогда не приходила в голову мысль образовать автономное государство мѐи, пока адмирал д'Аржанлье не увидел в этом средство ограничения суверенитета Вьет-Нама.

Империалисты, считая, что племена мѐи дают «рабочую силу плохого качества» и представляют интерес лишь для туристов, пренебрегали проблемой развития этой народности. Правительство же Вьет-Нама с самого начала занялось этой проблемой. Вьетнамское правительство приняло все необходимые меры для защиты этих племен и организовало в Плейку и Контуме выборы, на которых были избраны два депутата в Национальное собрание Вьет-Нама.

Для завершения своей сепаратистской политики адмирал д'Аржанлье созвал в Далате — в то время, когда вьетнамская делегация вела переговоры в Фонтенбло, — федеральную конференцию из представителей «свободной республики Кохинхины», Камбоджи, Лаоса и «государства Мѐи». На вопрос о том, какова цель этой конференции, адмирал ответил, что она заключается в сопоставлении взглядов всех государств на проблему федерации¹. Само

¹ «Монд», 17 августа 1946 г.

собой разумеется, на этой конференции не было ни одного вьетнамского делегата, то-есть из 24 млн. жителей Индо-Китая на ней было «представлено» только 4 миллиона. Адмирал выдал свою цель, заявив, что обмен взглядами «может, в свою очередь, несколько изменить ход и результат переговоров».

Результат этих маневров известен. Делегаты Вьет-Нама, поставленные перед фактом вопиющего противоречия между декларируемой политикой французского правительства и фактической политикой его проконсула в Индо-Китае, потребовали от французского правительства, чтобы оно устранило это расхождение между словом и делом. Таким образом, конференция в Фонтенбло была прервана «на неопределенный срок».

Так адмирал д'Аржанлье, верховный комиссар Франции в Индо-Китае, вошел в историю франко-вьетнамских отношений как один из главных виновников срыва переговоров, сознательно саботировавший их.

«МОДУС ВИВЕНДИ» ОТ 14 СЕНТЯБРЯ 1946 г.

После того как конференция в Фонтенбло была прервана, между министром по делам заморских территорий и Хо Ши-мином был подписан «модус вивенди» от 14 сентября 1946 г.

Нетрудно себе представить, какой прием встретило это новое соглашение, тоже временное и заключенное наспех, но представлявшее то преимущество, что оно вносило некоторую ясность в вопрос о суверенитете Вьет-Нама на тех территориях, где он был признан соглашением.

Вьетнамским народом соглашение было встречено как новая возможность мира, которой не пренебрег президент Хо Ши-мин. Восторженный прием, оказанный Хо Ши-мину по возвращении в Индо-Китай, достаточно красноречиво говорит об этом.

«Модус вивенди» от 14 сентября был принят местной колониальной кастой как «очередное препятствие», как документ, ограничивающий ее привилегии, который, следовательно, нужно лишить его прогрессивного содержания. Понятно, что местные финансовые круги не могли равно-

душно видеть, как привилегия эмиссии банковых билетов переходит от Индокитайского банка к федеральному эмиссионному учреждению.

Однако трагизм положения заключался в том, что проводить в жизнь этот «модус вивенди» было поручено адмиралу д'Аржанлье — человеку, саботировавшему предшествующие соглашения.

Случилось то, что нетрудно было предвидеть: провокации и инциденты всякого рода, усиление полицейских методов.

Адмирал д'Аржанлье приложил все усилия, чтобы вьетнамцы сохранили к нему недоверие, порожденное им же самим. 30 октября 1946 г., в день вступления в силу «модус вивенди», он произнес речь, полную умолчаний и двусмысленных намеков. В ней он заявил, что «для того, чтобы действовать согласованно, надо сначала определить свои позиции», и что новое соглашение ничего не меняет в его политике. Во всяком случае, время для этих тонкостей и странных пожеланий «определения позиций» было неподходящее.

Освобождение десятка арестованных вьетнамцев не вызвало ожидаемого психологического эффекта, тем более, что все французские тюрьмы были полны политическими заключенными, приравненными к уголовным преступникам.

Несмотря на все это, 30 октября главный штаб кохинхинских партизан отдал приказ о прекращении огня. Нгуен-Бин в интервью корреспонденту сайгонской газеты «Ландемэн» заявил, что «французские войска в общем выполнили приказ о прекращении военных действий».

Однако французские военные власти использовали продолжавшуюся несколько дней передышку для укрепления и улучшения своих позиций в соответствии с классическим принципом «очистки местности». Вьетнамцы протестовали. Смешанная комиссия из представителей штабов обеих армий прервала свою работу в конце ноября, не приняв никаких решений. С французской стороны в этой комиссии председательствовал известный вишиец генерал Нио.

Вскоре в некоторых пунктах Кохинхины военные действия возобновились. Постепенно они приобретали всеобщий характер. Через три недели после вступления в силу согла-

шения положение на Юге было более тревожным и смутным, чем когда-либо.

В Тонкине атмосфера была внешне спокойная. Конечно, и с той и с другой стороны наблюдалась тревога, которая не могла рассеяться. Вьетнамцы, наученные опытом систематических нарушений предшествующих соглашений, опасались, что «модус вивенди», который поручено было выполнять адмиралу д'Аржанлье и его приспешникам, останется мертвой буквой. С момента отправки французских войск в Индо-Китай, в них старались возбудить чувство ненависти к аннамитах и недоверия ко всему «азиатскому», подогревая его анекдотами о «восточном двуличии».

НАРУШЕНИЕ «МОДУС ВИВЕНДИ»

Все же до середины сентября на Севере царило спокойствие. 10 сентября 1946 г. французские власти Хайфона, установив таможенный контроль над импортом и экспортом, серьезно посягнули на суверенитет Вьет-Нама и поставили тонкинскую торговлю, ведущуюся через порт Хайфон, в условия настоящей блокады. Вьетнамское правительство неоднократно заявляло протест местным французским властям против этой односторонней меры, являвшейся источником постоянных конфликтов. Поскольку статья VI «модус вивенди» предусматривала создание смешанной комиссии по таможенным и внешней торговле, можно было предполагать, что инцидент будет урегулирован. «Модус вивенди» вступил в силу 30 октября, но смешанная комиссия по таможенным создана не была, а французы продолжали односторонне регулировать движение в порту Хайфон. Отсюда возникали недоразумения, которые могли превратиться в серьезные инциденты. В связи с этим президент Хо Ши-мин отправил 16 ноября главе французского правительства Бидо телеграмму протеста, предупреждая его об опасности подобной политики. Эта официальная телеграмма, задержанная адмиралом д'Аржанлье, прибыла в Париж лишь 30 ноября, то-есть после нижеследующих инцидентов.

20 ноября французское судно пыталось подвергнуть осмотру китайскую джонку. Вьетнамское таможенное ведомство воспротивилось этому. Раздались выстрелы. Этот

инцидент привел в состояние сильнейшего возбуждения весь китайский квартал и городской рынок. Завязалась общая перестрелка. Французы заняли вьетнамские посты. Вьетнамцы построили баррикады. Борьба шла по всему городу.

Комиссар Французской республики в Тонкине генерал Морльер связался в Ханое с помощником министра внутренних дел Намом. Был отдан приказ прекратить огонь. Нам лично отправился на линию огня, чтобы сообщить о приказе отдельным вьетнамцам, продолжавшим стрелять. Инцидент был фактически урегулирован в 11 часов 30 минут 21 ноября. В Хайфоне опять водворилось спокойствие.

БОМБАРДИРОВКА ХАЙФОНА

В этот момент в события вмешался генерал Валлюи¹. 23 ноября он отправил генералу Морльеру телеграмму, в которой объявил, что настало время дать «суровый урок тем, кто предательски напал на нас... Вы должны, — добавлял генерал, — любой ценой стать хозяевами Хайфона и заставить вьетнамское правительство раскаться». Условия ультиматума были таковы: отвод из французского и китайского кварталов и из порта всех частей вьетнамской армии. Текст телеграммы Валлюи свидетельствует о стремлении прибегать к жестоким мерам в стиле старых империалистических традиций.

Генерал Морльер, повидимому, понимал, что выполнение приказа может иметь роковые последствия. Всю ответственность за проведение его в жизнь взял на себя командант Хайфона полковник Дебес.

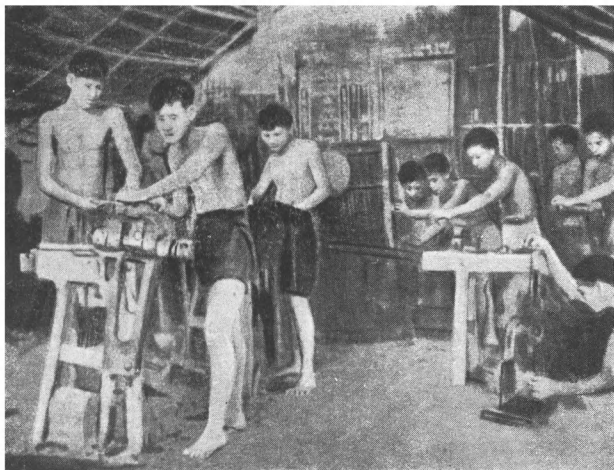
Французские войска возобновили операции. 24 ноября французские военные корабли и артиллерия несколько часов бомбардировали аннамитский и китайский кварталы Хайфона. Один из членов парламентской комиссии по обследованию положения в Индо-Китае сообщил, что вьетнамская сторона потеряла при этом около 20 тыс. человек убитыми и понесла большие материальные потери.

Война была развязана. Французы начали военные действия.

¹ Генерал Валлюи временно заменял д'Аржанлье во время пребывания последнего в Париже. (Прим. автора.)

Вьетнамский партизан.

Партизанская импровизированная мастерская
по производству оружия.

Юные партизаны на сторожевом посту.

27 ноября разрушенный Хайфон был занят французскими войсками, и генерал Морльер передал ультиматум министру Во Нгуен-жиапу. Вьетнамское правительство не ответило.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

После 24 ноября вьетнамцы, убедившиеся в том, что французские власти Индо-Китая намерены вести агрессивную политику, потеряли всякую надежду на возможность соглашения. Хайфонский инцидент был воспринят всеми как открытие военных действий.

С этого момента столкновения становились все более частыми. Ханой лишь временно представлял собой спокойный сектор, где вьетнамцы организовали свою оборону в предвидении французской атаки, аналогичной нападению на Хайфон. В городе шли большие работы: рыли траншеи, разбирали заборы, разделяющие дома, чтобы облегчить передвижение бойцов, эвакуировали внутрь страны все ценные материалы; жителям советовали выехать в деревни. Аннамитские кварталы в Ханое были превращены в крепость.

Кое-кто усматривал в этом подготовку Вьет-Мином насильственного переворота. В действительности же после нападения французов на Хайфон вьетнамцы имели все основания опасаться такой же операции в Ханое, тем более, что наступило время года, благоприятное для военных действий, когда бронемашин могут проникнуть в наиболее отдаленные тонкинские деревни. Как бы в подтверждение справедливости опасений вьетнамцев, французские власти в ночь на 6 декабря разбросали листовки, в которых требовали, чтобы население образовало новое правительство. В самом Ханое участились столкновения.

Днем 18 декабря французские власти письменно потребовали, чтобы министерство внутренних дел обеспечило порядок на случай, если вьетнамской полиции окажется недостаточно. Это требование, конечно, было воспринято как посягательство на суверенитет Вьет-Нама. Вполне вероятно также, что некоторые члены вьетнамского правительства почерпнули из этого документа убеждение в том, что французский главный штаб готовится организовать в скором будущем нападение.

Утром 19 декабря было сообщено, что д'Аржанлье возвращается из Франции. Вечером 19 декабря вьетнамские войска окружили французские казармы и пытались занять французский квартал и стратегические пункты: электростанцию, почту, вокзал, аэродром и т. д.

То, что последовало за этим, — известно: сражение в Ханое за каждый дом, за каждую улицу со всеми их трагическими последствиями для гражданского населения.

ПОЕЗДКА МИНИСТРА ПО ДЕЛАМ ЗАМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Министр по делам заморских территорий Мариус Мутэ отправился в Индо-Китай, чтобы расследовать эти инциденты и, как полагали, попытаться восстановить связь с правительством Вьет-Нама. Он пробыл в Ханое лишь двое суток. В Сайгоне же, напротив, он остановился у адмирала д'Аржанлье, принимал делегатов местных политических ассоциаций, выступая защитником кохинхинской политики верховного комиссариата. Затем он предпринял долгую и дорогостоящую поездку в Камбоджу и Лаос. Он посетил развалины Ангкор Тома и Ангкор Вата¹, и перед ним плясали камбоджийские танцовщицы.

Мариус Мутэ не пытался установить связь с представителями вьетнамского правительства и вернулся во Францию. Другие члены комиссии, напротив, связались с вьетнамскими партизанами. Они пришли к выводу, что ответственность за происшедшее несут французы. Мутэ солидаризировался с политикой адмирала д'Аржанлье. Тем не менее, он отозвал последнего, наградив его, однако, орденом. Трудно объяснить такое противоречие. Но некоторые выдержки из заявления Макса Андрэ на 3-м съезде партии МРП² в апреле 1947 г. дают ключ к разгадке. Так, в отчете о съезде МРП журнал «Эспри» пишет:

«Макс Андрэ объяснил, что переговоры, которые велись с Вьет-Мином в свое время, были вызваны необхо-

¹ Ангкор Том и Ангкор Ват — мертвые города, знаменитые памятниками зодчества и скульптуры, созданными предками современных камбоджийцев в XI и XII вв. н. э. (Прим. ред.)

² Реакционная католическая партия во Франции. (Прим. ред.)

димостью ввести французские войска во Вьет-Нам без боя».

Приведем под конец интересную и неизвестную до сих пор деталь: *именно под нажимом МРП Мариус Мутэ, поехавший в Индо-Китай, чтобы вести переговоры, получил приказ не вести их.*

Таково истинное положение вещей.

Военная кампания проходила неудачно. Французские финансы не могли выдержать расходов на завоевательную войну, для которой, по словам специалистов, требовалось держать под ружьем 400—500 тыс. человек.

С военной точки зрения больше ничего сделать было нельзя. В Индо-Китае находится 120—130 тыс. человек. Это не только французы, но также и «легионеры» (немцы — бывшие эсэсовцы, итальянские фашисты, марокканцы), что представляет собой вопиющее нарушение всех соглашений. Французские войска занимают некоторые центры Тонкина. Война, а также плохие санитарные условия ежедневно уносят — по официальным данным — 60—80 человек.

Вот куда привела Францию завоевательная политика.

* * *

МОРИС МИШЕЛЬ

Безымянная война

Этот репортаж написан в нескольких километрах от Сайгона, где продолжается повседневная жизнь. Во время своей поездки Морис Мишель беседовал с французскими солдатами.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ САЙГОНА

Обоз с пулеметами на автомашинах и грузовиках. Сектор занят главным образом французской колониальной артиллерией и кое-какими туземными войсками.

Повсюду на пути множество канав, срубленные деревья, преграждающие дорогу, разрушенные мосты. Каждый четвертый телеграфный столб вырван. Множество сожженных автомобилей и автобусов. Везде следы пожаров. Маленькие железнодорожные станции почти все подожжены войсками Вьет-Мина. Деревни и соломенные хижины сожжены либо вьетминцами, либо французами.

Вьетнамцы, которых мы встречаем по пути, как будто лишились своего обычного любопытства. Работающие на дороге еще более сосредотачиваются на своей работе, другие смотрят прямо перед собой и даже не поворачивают голову в нашем направлении. Случайная остановка машины заставляет нас задержать весь обоз у одной деревушки. Там жизнь идет своим чередом. Мужчины собирают кокосовые орехи и, разместившись у хижин, открывают их. Можно подумать, что вьетнамцы полностью вернулись к мирным занятиям.

Куда ни бросишь взгляд, везде рисовые поля, вода, скрытые в рощах деревни. Из этих зеленых гнезд видно все. А французы, идущие по дороге или рисовому полю, ничего не видят...

Собак, которых когда-то было так много, не слышно: их убили хозяева, так как своим лаем они извещали о прибытии не только французов, но и партизан.

Подавляющая часть населения помогает Вьет-Мину. Информация и передача сообщений организованы замечательно. Не имея радио, вьетнамцы эстафетой, там-тамом и другими средствами немедленно передают сообщения почти о всех передвижениях французов.

Перед прибытием сюда, в пункте Т. мы видели у моста свежевырытую могилу вьетнамки, убитой вместе с группой партизан, которой она командовала. Роль женщин и детей в партизанском движении очень велика. В принципе войска имеют приказ не трогать их. В действительности же этот приказ не всегда выполняется.

Здесь, как и везде, где я проезжал впоследствии, трупы вьетнамцев находят очень редко. Партизаны уносят своих погибших товарищей. Что касается оружия, то его почти никогда не находят.

Вооружение вьетнамцев все более и более совершенствуется. В этом секторе французы теряют в среднем 8—10 человек в день.

Мне рассказывали, что партизаны ухаживали за ранеными французами, а затем, снабдив пропусками, доводили их до французских постов. Некоторых из этих солдат, заподозренных в сочувствии Вьет-Наму, поскорее отправляют во Францию, чтобы «пресечь заразу».

ДЕРЕВНЯ НА ПОДОЗРЕНИИ

Когда, по той или иной причине, деревня попадает под подозрение, то-есть предполагается, что в ней имеются партизаны или сочувствующие им, ее окружают. Если там остались жители, что случается все реже, мужчин уводят, хижины обыскивают, а затем зачастую поджигают. Теперь при подобных экспедициях находят лишь покинутые деревни.

В хижинах еще варится рис, перед дощечками с именами предков курятся благовония, но почти все жители исчезли. Если взяты пленные, их на посту допрашивают. У всех у них, конечно, документы в полнейшем порядке. Чтобы заставить их признаться, их пытаются. Примерно, в

семи-восьми случаях из десяти пленные ничего не говорят. Рассказывают, что пленные часто откусывают себе язык зубами, чтобы их нельзя было заставить говорить.

ВНУТРИ СЕКТОРА

Хотя сектор очень близок к Сайгону, можно уже констатировать плохое моральное состояние французских солдат. Солдаты испытывают страшное ощущение — что они «забыты и покинуты».

Во время обеда в столовой мы слышим взрывы гранат и очень близкие револьверные выстрелы. Один из офицеров сразу же отправляется на дозорной бронемашине в город. На мосту его обстреливают.

В четыре часа утра меня будит телефонный звонок и беготня по лестницам. За завтраком я узнаю, что в нескольких километрах от поста разобрано 4 километра железнодорожного пути. Дан приказ немедленно восстановить путь, но немного подальше произошел новый акт диверсии.

Что касается телефонных линий, то по мере того как рабочие под военной охраной чинят их, в нескольких сотнях метров от места соединения их снова перерезают.

ВЬЕТНАМСКИЕ ПЛЕННИКИ

Дорогой мы останавливаемся у небольшого поста. За полчаса до нашего приезда в 500 метрах от поста, на дороге, была рассеяна группа вьетнамцев, готовившихся напасть на грузовик. Одного из них убили и захватили трех пленных, которых поручают нам довести до следующего поста.

Три аннамита: мальчик лет 13—14, мужчина средних лет и пожилой человек. Все трое крепко связаны, они угрюмы и молчаливы, как камни. В пункте С., где мы передаем их, я захожу в хижину, куда их заперли. Они попрежнему крепко связаны и не смотрят на нас. Позднее, после нашего отъезда, их будут допрашивать.

На этом посту я встретил младшего лейтенанта «инострального легиона». Ему 23 года. Он участвовал в движении сопротивления. Младший лейтенант явился непосред-

ственно с передового поста на «Равнине тростников». Он рассказывает о жизни на посту. Это — ад, одиночество, плохое питание, москиты, грязь. Враг везде, но он невидим. В разговоре о казнях и допросах пленников мой собеседник, как и другие, признает, что вьетминцы отличаются беззаветным мужеством перед лицом смерти. Он рассказывает следующую историю, свидетелем которой он был. Один вьетминец попал в плен. Это был, повидимому, интеллигент, во всяком случае, молодой человек, превосходно говоривший по-французски. «Легионер», который хотел заставить его говорить и не добился этого, пригрозил отрубить ему голову. «Вы не посмеете», — сказал аннамит. «Легионер» рассердился и велел немедленно принести саблю и плаху. Вьетминец, не моргнув глазом, положил голову на плаху (его даже не нужно было привязывать) и спокойно сказал: «Ну что ж, воюйте... Но не забывайте, что не всегда вы будете победителями!». При последнем слове голова упала.

АНРИ ВЕРТ

„Я видел вождей Нам-Бо“

С августа 1945 г. правительство Демократической республики Вьет-Нам представлено на Юге неуловимой и вездесущей организацией — Исполнительным комитетом Нам-Бо (Кохинхины). С 23 сентября 1945 г., то-есть с того дня, когда полковник Седиль начал военные действия против Вьет-Нама, этот Комитет столь успешно направлял и организовывал сопротивление, что верховный комиссариат не останавливался ни перед чем, чтобы скрыть от французов его существование, в то же время распространяя легенду об «автономной и верной» Кохинхине.

Воспользовавшись кратким перемирием, объявленным на Юге после введения в действие «модус вивенди», наш корреспондент сумел, очевидно, тайными путями, проникнуть в штаб-квартиру Исполнительного комитета Нам-Бо. Он видел вождей Нам-Бо, говорил с ними, обедал у них. Вот увлекательный рассказ о путешествии нашего корреспондента и его интервью.

ПЕРЕДЫШКА НА ЮГЕ

В этот вечер, 30 октября 1946 г., воздух казался более душным, чем всегда, люди более нервными, а по Сайгону упорнее ходили лживые слухи. Будет перемирие или нет? С тех пор как Мутэ и Хо Ши-мин в последнюю минуту подписали «модус вивенди», генерал Нгуен-Бин, командующий партизанскими отрядами Кохинхины, торжественно, в знак доброй воли, отменил атаку на Сайгон и несколько раз отдавал приказ о прекращении огня в полночь на 30 октября. Французский главный штаб ответил лишь в последний момент. Многие части не знали, как себя вести. Продолжались стычки, устраивались засады, в городе

раздавались взрывы гранат. К югу от 16-й параллели вся страна была в огне и крови.

Как только спустилась ночь, торговки сладким супом, как обычно, гуськом появились на улицах предместий с коромыслами и светильниками. Они напевали свою привычную монотонную мелодию, которая завершается высокой, грустной и еле слышной нотой.

К 9 часам началась обычная перестрелка на окраинах. То несколько глухих, глубоких ударов, то гневные близкие разрывы. Перестрелка шла в районе китайского канала. С момента объявления тревоги во всех направлениях выехали французские военные грузовики.

* * *

В полночь внезапно наступившая тишина поразила нас всех. Это было перемирие. Тишина, как до войны. Стрельба прекратилась.

«Модус вивенди» вступил в действие. Наступило общее перемирие. Если не считать нескольких стычек, ответственность за которые не легко установить, огонь был прекращен по приказу Хо Ши-мина. Верховный комиссариат, несмотря на свое разочарование, вынужден это признать. Пусть редакторы некоторых газет преувеличивают значение малейших инцидентов, изобретают сотни их, — партизанская война прекратилась. Престиж Вьет-Мина растет. Кто же имеет достаточный авторитет, кто располагает организацией, способной заставить бесчисленных партизан выполнять приказы вьетнамского правительства?

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАМ-БО

Комитет Нам-Бо внушает правительству адмирала д'Аржанлье страх главным образом потому, что состоит из людей почтенных и уважаемых, а вовсе не из «пиратов», а также потому, что за пределами района действия пулеметов экспедиционного корпуса управляет именно он. И даже внутри этого района распространяются его подпольные газеты и повторяются его лозунги! За него — людская совесть. Его поддерживает, хотя и осторожно, почти вся подцензурная французам вьетнамская печать.

Уже более года французы не общались с «невидимым правительством». Возможность встречи с ним была искушением для журналиста. За восемь дней, после изрядного количества тайных переговоров, мне удалось установить связь. Организуется поездка.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПИРОГЕ

Автомобиль благополучно довез нас. Слишком нервный шофер, который на рыночной площади чуть не наехал на буйвола, успокоился. Нас высадили на краю большой дороги, ведущей в Ми-То. Никто не следовал за нами. Дорога вилась среди рисовых полей. Сезон дождей миновал, и идти было легко. Мы двигались гуськом. Патрулю экспедиционного корпуса мы показались бы подозрительными, как и партизанскому патрулю, но связной, который вел нас, совершенно спокойно болтал. Он чувствовал себя, как дома. Никого не было видно. Через полчаса мы подошли к соломенной хижине на берегу «раша»¹. Она служит границей, почтовой станцией, а в случае необходимости — постоянным двором. Связной торжественно объявил: «Вы находитесь на свободной территории Вьет-Нама». Нам не верится — уж очень близка дорога, по которой проезжают военные обозы, переполненные повозки китайцев, правительственные автомашины. Хижина чиста, хотя пол у нее земляной. Нам предложили кофе и пирожки с рисом. Разглядывали нас вежливо, без чересчур явного удивления. Мальчишки — все дома этого края кишат мальчишками — во все глаза глядели на нас.

Пирóги готовы. Они могут пройти по любому ручью и в тростниках едва видны. Нас снабжают большими коническими шапками. Издали мы будем казаться простыми «нья-ке» (крестьянами). Мы долго и плавно скользим по воде мимо пальм, тростников и соломенных хижин, совершенно утратив представление о том, где находимся. Головной гребец, как бы случайно, выбирает дорогу по густой сети каналов и ручьев. Мы минуем рыбаков, видим мальчиков, которые пасут буйволов. Иногда наш проводник приветствует их, иногда они обмениваются знаком или взглядом. Вьет-Мин тщательно, но совершенно незаметно,

¹ Так называются бесчисленные ручейки, бороздящие Кохинхину. (Прим. автора.)

расставил на нашем пути часовых. Чувствуется, что он — хозяин болот и рисовых полей. По своему усмотрению он водрузил в разных местах желтые звезды на красном фоне. Не слышно выстрелов, не видно солдат. «Французский пост находит я в 8 километрах отсюда», — говорит проводник. Это кажется нереальным.

Мы открываем неожиданные прохладные уголки: маленькие пристани, деревни, укрывшиеся в пальмовых рощах. Женщины и дети приветствуют нас по пути.

Пирóги плывут дальше. Перед нами блестит большой канал. Как раз перед впадением в него ручья к нам быстро приближается лодка, которой, стоя, правит одетая в черное женщина с белым тюрбаном на голове. «Кто вы?» «Друзья вьетнамского народа», — кричит связной. Женщина проплывает мимо нас. «Добро пожаловать», — произносит она с большим достоинством. Мы оборачиваемся. Она тоже оборачивается и приветливо улыбается.

РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИЗАН

Эти люди носят обычное для вьетнамцев черное платье широкого покроя. Хотя почти все они жили в Париже, в Ханое, в Сайгоне и одевались по-европейски, здесь они не должны отличаться от всего населения, чтобы сбить шпионов со следа. Глава Исполнительного комитета Фам Нгок-тхуан, бывший сайгонский адвокат, представляет нам членов Комитета на чистейшем французском языке. Высокий, худой, с изможденным лицом, но уверенным взглядом, он за год жизни в тяжелых условиях партизанской войны несколько не утратил своей учтивости. Престиж этих людей, о которых нам так часто говорили по секрету, огромен.

Усевшись в круг, мы начинаем беседу на самые разнообразные темы. Мы говорим обо всем — об интригах в Кохинкине, о поездке президента Хо Ши-мина, о французских партиях, о литературной жизни Парижа. Члены Комитета необычайно увлечены этой беседой. «Впервые за тринадцать месяцев, — говорит Фам Нгок-тхуан, обращаясь к нам, — я могу дружески беседовать с французами. Это для меня огромное удовольствие». Комиссар по просвещению и пропаганде Фам-Тье долго рассказывает мне о реформе просвещения.

Мы переходим к столу. Комитет соблюдает минуту молчания в память жертв войны. Трапеза проста — рис и рыба. На нас лукаво поглядывают, но, к счастью для себя, мы умеем пользоваться палочками. После обеда устраивается интервью. Мы методически подготовили десять вопросов о том, как Комитет представляет себе возвращение к нормальным условиям. Члены Комитета долго обсуждают вопросы и отвечают нам продуманно, проявляя большой политический ум.

Ложе для нас постарались устроить поудобнее. Утром сампан¹ уже готов. Прежде чем проститься, мы присутствуем при поднятии флага. Один из отрядов приветствует Комитет. Эта церемония — самое неожиданное за всю нашу поездку. 20 человек, вооруженных карабинами, в весьма пестром обмундировании, идут мерным шагом и становятся перед знаменем. Мы — лицом к лицу с «террористами», которые уже год держат в напряжении экспедиционный корпус генерала Леклерка. Лица поражают нас своей решимостью.

* * *

Мы ознакомились с вьетнамским движением сопротивления. Будучи журналистами, мы должны были рассказать о том, что видели. Телеграфное агентство передало наше интервью, но ни одна французская газета так его и не получила. Редакция журнала «Пари-Сайгон» имела наивность показать текст его политическому советнику верховного комиссара. Советник нашел интервью интересным и, тем не менее, запретил публиковать его. Журналу пришлось подчиниться. Приказ нарушил лишь прогрессивный двухнедельник «Ландемэн», за что и был запрещен. Не разрешали употреблять даже само название «Комитет Нам-Бо».

Но Комитет продолжает руководить большей частью Кохинхины, и никакими речами не заставишь его изменить правительству Хо Ши-мина, ибо это правительство неразрывно связано с народом.

¹ Сампан — легкое судно, употребляемое на Дальнем Востоке, нередко в качестве постоянного жилья. (Прим. ред.)

В. ЛЕДЮК

Истинный смысл декларации Боллаэрта

Каких только надежд на декларацию Боллаэрта ни внушали французам! ¹ Им говорили, что после приезда в Индо-Китай нового верховного комиссара с политикой д'Аржанлье будет, разумеется, покончено. Отношение Франции к Вьет-Наму будет, наконец, приведено в соответствие с неоднократно выраженной волей представителей демократического общественного мнения. Всемогушие военные подчинятся гражданской власти; будет положен конец скандальному положению, при котором «благие намерения» министерства сводятся на-нет действиями аппарата кармелита-адмирала. Франция будет ориентироваться на разумное решение, а именно, заменит колониальную войну переговорами, создаст Французский Союз.

Увы! Это был лишь новый акт лицемерия.

Декларация Боллаэрта, если освободить ее от словесных украшений, представляет собой попросту требование капитуляции. Она является отказом от соглашения от 6 марта, которое признавало «Республику Вьет-Нам свободным государством со своим правительством, парламентом, армией и финансами». Нет больше и речи ни об армии, ни о дипломатическом представительстве для Вьет-Нама. Нет более речи об утверждении «решений, принятых населением трех «Ки» путем референдума». Боллаэрт употребляет двусмысленные формулы, говоря, что «Франция не занимает определенной позиции по вопросу о «союзе трех «Ки», а это оставляет лазейку для всяческих маневров, и фактически Боллаэрт активно продолжает операции по расчленению Вьет-Нама, начатые его предшественниками.

¹ Речь идет о выступлении Боллаэрта в мае 1947 г. (Прим. ред.)

Боллаэрт постарался придать своим предложениям характер ультиматума. «Предложение, сформулированное верховным комиссаром от имени правительства республики, представляет собой неделимое целое, которое нужно принять целиком». Нельзя яснее показать, что дело не в мирных переговорах и что нужно лишь ввести в заблуждение французское общественное мнение, иметь документ, — каким бы порочным он ни был, — чтобы предъявить его людям, которых беспокоит продолжение военных действий и отсутствие переговоров.

Впрочем, Боллаэрт поостерегся начать деловые переговоры с правительством Вьет-Нама на основе своих предложений, — его «тщательно продуманная», как сказал Рамадье, речь не была, в сущности, обращена к главным заинтересованным лицам.

Но в то время как общественное мнение таким образом успокаивали видимостью переговоров, наступление возобновилось со всей силой. При этом надеялись очень скоро расправиться с военными силами Вьет-Нама и, избавившись от Хо Ши-мина, навязать новые условия, нарушающие соглашения от 6 марта. Тогда уж любой кандидат на роль вьетнамского Лавалья был бы достаточно хорош, чтобы зарегистрировать свершившийся факт.

Вот в чем тайна декларации Боллаэрта. Однако за французским наступлением последовало вьетнамское контр-наступление, и Боллаэрт возобновил переговоры с Бао-Даем. До тех пор, пока он будет игнорировать Хо Ши-мина, до тех пор, пока он не пожелает признать стремление вьетнамского народа к независимости и суверенитету, французское правительство будет продолжать эту войну, и на него ляжет ответственность за кровь, льющуюся в Индо-Китае к удовольствию американских консулов, которые ждут полного развала Французского Союза, чтобы США могли захватить французские колониальные владения.

АНДРЕ МОРЭН

Мир еще возможен

Во всех статьях, помещенных в этом сборнике, мы старались изобразить вьетнамскую нацию, описать колониальную эксплуатацию, которой она подвергалась, отметить этапы ее кровопролитной борьбы за завоевание национального суверенитета. Мы охарактеризовали сторонников той преступной политики, которая, идя от захвата к захвату, от подкупа к подкосу, довела Францию до нынешнего конфликта.

При этом мы тщательно избегали всяких бесполезных рассуждений. Мы придерживались фактов; даже в ущерб привлекательности повествования, мы старались приводить лишь точные и проверенные примеры, лишь подлинные цитаты, как взятые из официальных документов, так и из высказываний отдельных лиц.

Теперь возникает последний вопрос: когда и как наступит конец этой драмы, заливающей кровью дружественную страну, повергающей в траур столько семей во Франции?

Когда? Сейчас же, если теперешнее французское правительство вступит в переговоры с Хо Ши-мином.

В мае 1947 г. Боллаэрт выступил со своей речью в Хадонге. Какое разочарование принесла она всем тем французам любой политической направленности, которые считают, что с этой преступной войной должно быть покончено!

В. Ледюк в своей статье охарактеризовал смысл речи Боллаэрта, которая, несмотря на обилие примирительных, по видимости, фраз, не смогла, тем не менее, никого обмануть. Цель ее заключалась в том, чтобы требованием безоговорочной капитуляции сделать невозможными переговоры с вьетнамским правительством и облегчить приход

к власти какого-нибудь вьетнамского Лаваля, готового продать свою страну американскому империализму.

И это отнюдь не гипотеза! Вот доказательства:

22 сентября 1947 г. агентство Франс Пресс сообщило, что в Сайгон из Гонконга прибыл американский посол Буллит, уже давно проявлявший особый интерес к Франции, и что он должен провести около двух недель в Индо-Китае. После возвращения из Индо-Китая американский эмиссар имел с Рамадье беседу, которую «Эпок» в номере от 14 октября комментирует следующим образом: «Вчера у президента Рамадье обедал бывший посол Соединенных Штатов в Париже Вильям Буллит, который совершил частную поездку по Индо-Китаю. В политических кругах подчеркивают интерес, который представляет эта встреча в момент, когда в Индо-Китае должны начаться переговоры».

Более того, в статье, опубликованной в американском журнале «Лайф» 22 декабря 1947 г., Буллит показывает изнанку всего дела. Упоминая о возможности переговоров с Хо Ши-мином, он говорит об «угрозе катастрофы для Китая и для нас самих». Каков его вывод? «Соединенные Штаты должны сами приняться за дело».

Двухнедельник «Клима», ревностно защищающий интересы Индокитайского банка и связанных с ним трестов, предполагал — в момент, когда шла речь о возобновлении переговоров, — что мирные переговоры с Хо Ши-мином обречены на неудачу, «если Америка в них не будет участвовать или не вмешается, чтобы гарантировать их выполнение» (6 августа). Вскоре после того, в номере от 27 августа, «Клима» заявила: «Нечего скрывать, что официальная американская декларация, приветствующая возвращение Бао-Дая и категорически осуждающая Вьет-Мин, содействовала бы успеху дела. Не следует забывать, что США — хозяин Тихого океана и что Вьет-Нам имеет на этом океане береговую линию длиной в 2 тыс. километров».

Но не для того вьетнамский народ освободился от одного колониального ига, чтобы покориться другому, которое окажется еще более грабительским.

Французский народ, который в своей стране уже борется против беспрестанно усиливающегося нажима дол-

ларовой политики, не потерпит, чтобы дружественный ему народ стал американской колонией. А именно к этому ведет политика «престижа и силы», практикуемая нынешним правительством Франции в подражание политике де Голля.

Задача, напротив, заключается в том, чтобы договориться с вьетнамским народом.

Каким же путем? Немедленно вступив в переговоры с Хо Ши-мином — единственным авторитетным представителем вьетнамского народа, немедленно выполнив соглашение от 6 марта 1946 г., гарантировавшее национальный суверенитет Вьет-Нама и признавшее его географическое и политическое единство, осуществляемое союзом трех «Ки», то-есть Тонкина, Аннама и Кохинхины. Необходимо как можно скорее подписать договор с Вьет-Намом на основе равноправия и в рамках Французского Союза.

* * *

Нужно положить конец братоубийственной войне, которая стоит Франции 130 млн. франков в день, обременяет ее бюджет и дезорганизует ее экономику в момент, когда эта страна, разрушенная четырехлетней оккупацией, должна заняться восстановлением своего хозяйства.

Нужно, следовательно, заключить мир.

Для этого Франции нужно правительство, освобожденное от американского ига, правительство народное и демократическое, подлинно французское правительство.

* * *

П Р И Л О Ж Е Н И Е

(Из материалов вьетнамского Информационного
агентства)¹

Зарождение демократического строя

Всеобщие выборы, происходившие в декабре 1945 — январе 1946 гг., представляли собой одно из колоссальных усилий, совершенных вьетнамским народом на трудном пути национального освобождения. Выборы явились яркой демонстрацией народного единства, национальной и республиканской сознательности народа и его твердого желания самому руководить своей судьбой. Они явились неопровержимым доказательством того, что вьетнамцы — политически зрелый народ, который энергично предъявляет свое право на жизнь.

1. Всеобщие выборы

Первые всеобщие выборы во Вьет-Наме происходили в атмосфере народного энтузиазма.

В сентябре 1945 г. глава Временного правительства республики Хо Ши-мин подписал указ о введении во Вьет-Наме всеобщего избирательного права и о созыве Национального собрания для избрания постоянного правительства и выработки конституции. В то же время была создана комиссия для выработки проекта конституции с учетом экономических, политических, социальных и культурных условий Вьет-Нама.

Указ от 8 сентября 1945 г. установил всеобщее избирательное право, а вскоре после этого, 17 октября, был издан указ, определивший срок и процедуру выборов. Первоначально выборы были назначены на 23 декабря 1945 г., но затем перенесены на 6 января 1946 г. Поло-

¹ *The Democratic Republic of Viet-Nam, Paris, 1948.*

жение республики в это время было чрезвычайно трудным. В Тонкин вступили китайские войска, в Кохинхине высадился французский экспедиционный корпус, в Северном Аннаме произошло наводнение и начался голод. Возник также тревожный вопрос, дадут ли всеобщие выборы удовлетворительный результат.

Действительный ход событий показал, что эти опасения были неосновательны. Несмотря на многочисленные и серьезные препятствия, исход всеобщих выборов благодаря революционному энтузиазму народа оказался весьма удовлетворительным.

Невзирая на все трудности, выборы представляли собой шаг вперед в истории Вьет-Нама. Французские империалисты имели основания опасаться их. Они пустили в ход все средства, чтобы сорвать всеобщие выборы. Причины этого ясны: всеобщее избирательное право должно было стать самым прочным оплотом обороны Республики Вьет-Нам; оно должно было укрепить народный суверенитет и придать стране новые силы в ее борьбе за независимость.

К началу декабря 1945 г. избирательная кампания была в разгаре. В народные комитеты в деревнях и городах поступало множество заявлений от кандидатов. Число кандидатов, как показывают следующие цифры, было необычайно велико:

Избирательный округ	Число депутатов	Число выставленных кандидатур
Ханой	6	77
Хайфон	3	22
Фу-То	5	26
Хай-Донг	12	107
Тай-Бин	14	74
Хунг-Ен	8	73
Ха-Донг	14	51
Тан-Хоа	15	51
Нге-Ан	11	51
Ха-Тин	7	58

Начиная с 15 декабря на территории Вьет-Нама царил радостное оживление. Все население — от больших городов до самых маленьких деревень — с величайшим

рвением готовилось к всеобщим выборам, еще деятельнее, чем к традиционному новогоднему празднику. На школах, частных домах и общественных учреждениях появились избирательные лозунги:

«Все на выборы 6 января 1946 года!»

«Да здравствуют всеобщие выборы!»

«Долг каждого вьетнамского гражданина старше 18 лет — пойти на выборы!»

«Чтобы защитить свое отечество, все должны принять участие в голосовании!»

«Выберем в Национальное собрание достойных людей!»

«Да здравствует президент Хо Ши-мин!»

Распространялись красочные брошюры с краткими биографиями кандидатов или их письмами к избирателям. В театрах, общественных парках, на рыночных площадях или у подножия холмов беспрестанно происходили собрания. Люди массами собирались и внимательно слушали выступавших перед ними кандидатов. На собрании кандидатов в провинции Бак-Нин было единогласно решено, что они сделают все возможное для создания обстановки согласия и единства, в которой больше всего нуждается страна. Избиратели не только с готовностью слушали ораторов, они вновь и вновь задавали им вопросы об экономических, политических и культурных задачах дня. Кто сам не принимал участия в этих собраниях, кто собственными глазами не видел стариков, старух, девушек, задававших вопросы на самые актуальные темы, тот едва ли может поверить, что все это правда. Никто бы не поверил, что простые люди, которых столько лет систематически держали в темноте, могли проявить такую политическую зрелость.

Обстоятельства заставили национальное правительство отложить день всеобщих выборов на две недели. 6 января 1946 г. наступил срок первого в истории Демократической республики Вьет-Нам всеобщего голосования. Этот великий день глубоко запечатлелся в памяти каждого вьетнамца. В городах и деревнях выборам предшествовали оживленные демонстрации, а также процессии с там-тамами, гонгами, плакатами, вымпелами и флагами. Многие возвращались издалека в свои деревни, чтобы принять участие в голосовании. Выборы происходили в праздничной

обстановке. Искусно украшенные избирательные урны сначала были выставлены на высоких помостах, где обычно помещались дощечки в честь духов, а затем их стали устанавливать в комнатах, специально предназначенных для голосования. Избирателей окружала торжественная, строгая атмосфера.

День 6 января 1946 г. был великим праздником для Демократической республики Вьет-Нам. В 7 часов утра раздался звон колоколов и гонгов на всех церквях и пагодах. Все вьетнамское население прекратило работу. Оно отправилось к урнам и избрало самых достойных людей в Национальное собрание.

Лавки были закрыты, но зато двери избирательных помещений были открыты настежь. Солдаты приходили голосовать отрядами. Шли рука об руку также женщины и девушки. Больные заставляли своих родных отвозить их на избирательные пункты. В Бач-Мае семидесятилетняя старуха пришла на пункт очень расстроенная. Она жаловалась, что она не внесена в избирательные списки. «К несчастью, — сказала она, — я не уверена, что доживу до следующих выборов. Значит, я никогда в жизни не буду голосовать».

В большинстве избирательных округов голосование закончилось к середине дня.

В некоторых районах воспользовалось своим правом голосовать 100% лиц, внесенных в избирательные списки. Характерны в этом отношении следующие цифры:

Провинция	Число избирателей, внесенных в списки	Число голосовавших
Север		
Бак-Нин	251 754	233 671
Сон-Тай	147 877	134 553
Нин-Бин	440 246	401 277
Тай-Бин	185 105	171 377
Кьен-Ан	176 111	162 600
Ланг-Сон	58 187	53 753
Нам-Бин	340 626	320 763
Ха-Дон	382 282	334 120

Провинция	Число избирателей, внесенных в списки	Число голосовавших
Ц е н т р		
Тан-Хоа . . .	551 956	529 060
Ха-Тин . . .	258 683	237 874
Куанг-Бин . .	145 281	133 774
Куанг-Нам . .	499 033	461 649
Куанг-Нгай . .	301 036	271 487
Бин-Дин . . .	343 172	299 038
Плейку	63 702	32 036
Ю г		
Чау-Док	164 427	155 391
Лонг-Ксуен . .	150 311	144 167
Кан-То	207 208	193 840
Сок-Транг . . .	107 783	103 218
Бак-Лье	203 980	185 023

(процент участия в голосовании — свыше 90)

Особое внимание следует обратить на ход выборов в Кохинхине. В то время на кохинхинской территории французские экспедиционные войска вели войну против вьетнамского народа. Они получили приказ всеми имеющимися в их распоряжении средствами препятствовать всеобщим выборам во Вьет-Наме. Но вопреки всем карательным мерам результаты выборов оказались удовлетворительными.

В деревне Донг-Тан (провинция Кан-То) было 2199 избирателей. Утром 23 декабря 1945 г. (в этом районе выборы не были отложены) неприятельские самолеты сбросили бомбы на густонаселенные районы и обстреляли их население из пулеметов. В некоторых районах пришлось тайно переносить избирательные урны из одной деревни в другую. И все же выборы состоялись.

В деревне Май-Хоа было 2500 избирателей. Утром в деревню вступил французский отряд, убил 13 жителей и подверг обыску все дома. Солдаты ранили ребенка, а потом бросили его в реку. Тем не менее, вечером 1927 человек отправились голосовать. Эта цифра говорит сама за себя.

Если взять кохинхинские провинции в целом, то окажется, что в Кан-То голосовало 90% избирателей, в Сок-Транге — 95 и т. д.

Всеобщие выборы выявили глубокое доверие народа к президенту Хо Ши-мину. Многие провинции послали в Ханой телеграммы, в которых просили президента быть их кандидатом. В Ханойском округе, кандидатом от которого выступал Хо Ши-мин, в одной пригородной деревне за него голосовали все 1793 избирателя. В Ханое из 187 тыс. избирателей за Хо Ши-мина голосовали 169 222 избирателя.

Таким образом, он получил 97% голосов, что доказывает безграничное доверие вьетнамского народа к своему президенту.

Один журналист попросил европейца, сочувственно относившегося к вьетнамскому народу, рассказать свои впечатления от всеобщих выборов. Европейец ответил: «Изумительно! В европейских странах ведется жесткая избирательная борьба, и большую роль в ней играют деньги. Здесь я вижу лишь доброжелательность, веселье и юношескую энергию. Вьетнамский народ держит свою судьбу в своих руках, потому что эти всеобщие выборы вполне успешны».

2. Учредительное национальное собрание и его первые мероприятия

Всеобщие выборы во Вьет-Наме имели важные последствия как для внутренней, так и для внешней политики страны. В области внутренней они создали блок партий. В области внешней они самым определенным образом показали, каковы надежды вьетнамского народа и как велико его стремление к национальному объединению.

2 марта 1946 г. в 8 часов утра избранные представители народа собрались на торжественное открытие Национального собрания в городской театр столицы Вьетнамской республики — Ханоя. На открытие Собрания были приглашены иностранные представители, выдающиеся деятели Вьет-Нама, делегаты от различных организаций и журналисты.

Национальное собрание начало свою работу в момент, когда страна находилась в исключительно серьезном поло-

жении. Только что был подписан франко-китайский договор. Французские войска вели наступление в Нам-Бо (Кохинхина) и готовились к вторжению в Бак-Бо (Тонкин). В Лай-Чау и Лаокей (на китайско-тонкинской границе) французские отряды могли с согласия Китая проникнуть в глубь вьетнамской территории. При таком положении было необходимо без промедления создать правительство национального единства для сопротивления.

После краткого выступления президента Хо Ши-мина, отчитавшегося в проделанной работе и вручившего Национальному собранию отставку Временного правительства, председатель Собрания заявил:

«В знаменательный день своего открытия Национальное собрание выражает благодарность Временному правительству. Правительство, возникшее в результате расширения Народного комитета национального освобождения, является плодом 80-летней борьбы против французского господства, а также последней четырехлетней войны против двойного франко-японского владычества.

Сразу же после своего образования Временное правительство столкнулось с большими трудностями. Французские империалисты вторглись в Нам-Бо (Кохинхина), в Южный Трун-Бо (Аннам), а также в пограничные между Вьет-Намом и Лаосом районы. Общественные финансы, вследствие японского грабежа, были истощены. Национальная экономика переживала застой.

Временное правительство провело народ через все эти трудности. Объединенный им Национальный фронт сопротивления вторжению укреплялся со дня на день. Теперь мы видим первые плоды его политики. Внутри страны рост производства и проведение необходимых финансовых мер спасли жизнь народа. В области внешней политики мы начинаем завоевывать дружбу иностранных государств.

Временное правительство использовало свою власть, чтобы построить республику и демократию. Оно организовало всеобщие выборы 6 января 1946 г., из которых возникло настоящее Собрание, первое Национальное собрание Вьет-Нама.

Благодаря проницательному руководству президента Хо Ши-мина, благодаря энтузиазму и самопожертвованию всей нации, Временное правительство, несмотря на весьма трудную обстановку, выполнило свой долг, который заключался в том, чтобы укрепить силы сопротивления и заложить основы национальной перестройки.

От имени всей представляемой им нации Собрание горячо благодарит Временное правительство и заявляет, что президент Хо Ши-мин, поистине, достоин своей страны».

Члены Собрания встали и единодушно аплодировали.

Затем председатель Собрания Нго Ту-ха предложил поручить Хо Ши-мину сформировать правительство национального единства. Это предложение было принято единогласно. Хо Ши-мин согласился, и правительство было образовано.

Кроме того, собрание избрало:

Высший консультативный совет под председательством Вин-Туя (бывшего императора Бао-Дая).

Комитет сопротивления во главе с председателем Во Нгуен-жиапом и заместителем председателя Ву Хонг-каном.

Постоянную комиссию Собрания.

Комиссию по выработке конституции.

Заслушав приветствия членов ханойского Народного комитета, Собрание в час дня было распущено. Депутаты, не являвшиеся членами правительства или различных комиссий, вернулись в свои избирательные округа, чтобы возглавить там движение сопротивления.

Собрание разослало обращения к вьетнамскому народу, бойцам различных фронтов, национальным меньшинствам, вьетнамцам во Франции и других странах, Организации Объединенных наций, китайскому и французскому народам и др. Собрание опубликовало следующую прокламацию:

«Национальное собрание Демократической республики Вьет-Нам на своем первом пленарном заседании 2 марта 1946 г. в столице республики, Ханое, торжественно провозглашает перед вьетнамским народом и всем миром:

1. Народ Вьет-Нама не прекращал борьбу с японцами на стороне союзников с тех пор, как японцы на-

чали войну на Тихом океане. В момент разгрома врага, в результате всеобщего восстания, народ взял власть в свои руки и основал Демократическую республику Вьет-Нам.

2. Носителем верховной власти во Вьет-Наме является народ.

Судьба нации находится в руках Национального собрания. Республиканское и демократическое правительство обладает полномочиями для защиты свободы и обеспечения счастья всем слоям нации. Все национальные меньшинства Вьет-Нама пользуются теми же правами и имеют те же обязанности, что и лица вьетнамской национальности.

3. Единство, жертвы и борьба всего народа привели страну к национальной независимости и к основанию республики. 23 сентября 1945 г. французские империалисты вновь силой нарушили границы Вьет-Нама. Их действия противоречат принципам равенства народов и праву народов на самоопределение, неоднократно признанным великими союзными нациями.

Национальное собрание призывает народ посвятить все свои силы обороне и перестройке Родины, чтобы быстрее достичь ее процветания».

В этой прокламации, подписанной правомочными представителями вьетнамского народа, ясно выражены его надежды. Вьетнамский народ доказал свою политическую зрелость; укрепляя республику, он мобилизует свои силы, чтобы занять достойное место в семье демократических народов мира.

Организация сельской общины

Новые административные органы Вьет-Нама строятся на самых демократических принципах. В первые дни своего существования они поражали количеством занятых в них людей, но, тем не менее, они справились с задачей поддержания порядка. После незначительных изменений в их структуре можно будет считать, что они составят основной костяк нового режима.

Одним из характерных элементов нового государственного устройства является народный комитет. Это — орган власти в каждой административной единице: округе,

общине, районе, области, городе. Избираемые непосредственно народом, они имеют одну цель — действительно служить интересам народа.

Сельский комитет — основа этой организации. Приводимое ниже описание его функций поможет составить конкретное представление о деятельности других комитетов.

СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА

Комитет избирается жителями деревни всеобщим голосованием. Все избиратели имеют право быть избранными.

Прямая подача голосов в принципе производится закрытым голосованием. Однако там, где население недостаточно грамотно, голосование может производиться поднятием рук.

После выборов список избранных кандидатов посылается в избирательную комиссию, которая, по рассмотрении, посылает его на утверждение в областную комиссию.

Члены сельского комитета избираются на 6 месяцев. Число их колеблется от 5 до 7, в зависимости от численности населения и значительности стоящих перед ним задач. В деревнях, где население состоит из различных национальных групп, должен строго соблюдаться принцип пропорционального избрания представителей всех групп.

Ни один член комитета не получает платы за свою работу.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ

Комитет избирает бюро из трех членов:

1. Председателя, на которого возложена обязанность руководить всей деятельностью комитета, председательствовать на судебных разбирательствах и в народном собрании деревни.

2. Казначея, имеющего дело с бюджетом и финансами.

3. Секретаря, исполняющего обязанности заместителя председателя, который принимает заявления, ведет протоколы, регистрирует их и заменяет председателя в случае отсутствия последнего.

Все остальные обязанности распределяются между членами комитета, которые могут создавать в помощь себе комиссии (финансовую, здравоохранения и др.), привлекая местное население.

Комитет обязательно собирается раз в неделю, а кроме того, по мере надобности.

Жители деревни имеют право присутствовать на заседаниях комитета, задавать вопросы, вносить предложения и выступать с критикой. Однако их присутствие обуславливается определенным регламентом.

Раз в два месяца комитет созывает всех граждан деревни на общее собрание для того, чтобы информировать их о своей работе и обсудить план будущей деятельности.

ФУНКЦИИ КОМИТЕТА

А. Административные

Проведение в жизнь решений общих собраний жителей деревни.

Выполнение декретов, приказов, инструкций и распоряжений вышестоящих комитетов.

Поддержание порядка в деревне, борьба с предателями, поощрение хороших работников (вынесение благодарности или материальное вознаграждение тем, кто имеет заслуги перед деревней или всей страной).

Сбор налогов.

Ведение актов гражданского состояния и земельного регистра.

Б. Политические

Разъяснение народу его прав и обязанностей; воспитание в нем любви к отечеству.

Оказание поддержки правительству в проведении его политической линии.

Разъяснение политических новостей.

В. Юридические

Разрешение мирным путем всех разногласий между жителями деревни.

Вынесение приговоров по мелким делам.

Г. Культурные

Борьба с неграмотностью.

Д. Социальные

Улучшение жизненных условий крестьян путем снижения арендной платы; снижения ставок всех основных налогов; отмены дополнительного обложения; снижения ссудного процента; передела общинных земель с предоставлением женщинам равных с мужчинами прав на владение землей.

Создание продовольственных запасов и оказание социальной помощи.

Искоренение порочных привычек населения.

Сообщение вьетнамского Информационного агентства

ВОЗЗВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ХО ШИ-МИНА В ТЫСЯЧНЫЙ ДЕНЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В тысячный день сопротивления Вьет-Нама французской агрессии, отмечавшийся во всем Вьет-Наме 19 июня 1948 г., президент Хо Ши-мин обратился по радио к народу со следующим воззванием:

«За тысячу дней жестоких боев благородный патриотизм народа проявился в несокрушимом единстве всего населения, и ни французскому оружию, ни лжи, распространяемой французскими империалистами, этого единства не подорвать.

Мы прошли долгий и трудный путь, но мы идем к победе. Французское военное наступление провалилось, экономическое положение французов безнадежно, а своими политическими маневрами они ничего не добились. Мы, более чем всегда, полны решимости изгнать захватчиков. Наши доблестные вооруженные силы, закаленные и испытанные в бою, наносят врагу все более сильные удары в защиту нашей Родины.

Наше дело правое, и наше единство, наша решимость и поддержка демократов всего мира обеспечивают нам окончательную победу».

В заключение президент призвал всех граждан посвятить все свои усилия делу разгрома врага, «чтобы мы могли вернуть Вьет-Наму мир. Обеспечив свою свободу, мы пойдём вперед, к славному будущему, к счастью и процветанию», — сказал он.

В другом воззвании по случаю тысячного дня сопротивления Вьет-Нама — к офицерам и солдатам вооруженных сил — президент Хо Ши-мин воздал хвалу многочисленным славным победам над врагом, достигнутым на протяжении нынешней войны, и приветствовал патристическую преданность партизанских отрядов, в которых сражаются сельские жители, даже старики и женщины. Президент призывал всех бойцов вооруженных сил служить примером народу, не давая врагу ни минуты покоя и приближая тем самым день окончательной победы.

Сообщение вьетнамского Информационного агентства в связи со 2-й годовщиной национального сопротивления Вьет-Нама

Дата 19 декабря 1946 г. вошла в историю Демократической республики Вьет-Нам как день национального траура. В то же время она открыла одну из глав героической и славной борьбы нашего народа в защиту его независимости. В этот день, 19 декабря 1946 г., французские империалисты (которые 23 сентября 1945 г. совершили акт преступной агрессии против Нам-Бо и с тех пор актами насилия и убийства непрерывно провоцировали наше мирное население в Хайфоне, Досоне, Лангсоне, Ханое) произвели предательское нападение на нашу столицу и вскоре распространили военные действия фактически на всю территорию республики.

Французские империалисты рассчитывали на скорую и легкую победу, которая позволила бы им свергнуть вьетнамское правительство, а затем вновь навязать стране свое господство. Однако народ решил иначе.

Минувшие два года ознаменовались для французских империалистов сокрушительными поражениями. Красноречивым свидетельством этого служат цифры французских потерь (до июня 1948 г.):

Из генеральского и старшего офицерского состава убито	21 человек
Отозваны или вынуждены уйти в отставку	7 генералов и 2 адмирала
Убито	53 тыс. солдат
Ранено	45 тыс. солдат

Уничтожено и захвачено вьетнамской армией:

Пушек	148
Мортир	239
Противотанковых ружей	289
Карабинов	17 010
Пулеметов	6 139
Самолетов	66
Судов и канонерок	140
Бронированных автомашин, грузовиков и т. д.	1 450
Полевых радиостанций	97

и большое количество боеприпасов и другого снаряжения.

Французским империалистам пришлось тратить на войну более миллиона долларов в день (33 613 464 американских доллара в месяц, по данным Вильяма Буллита, приведенным в журнале «Лайф» от 29 декабря 1947 г.), то есть за последние два года они израсходовали на нее свыше 800 млн. долларов.

Французское статистическое управление признало, что торговый дефицит Индо-Китая, вызванный нынешним конфликтом, достиг за один лишь 1947 г. 70 млн. долларов. Военные действия сильно сократили производство и, следовательно, экспорт, который по сравнению с уровнем 1938 г. упал до 7%.

Вот несколько цифр экспорта:

Цемент в 1940 г.	136 300 т	
" 1947 "	6 700 т	, или в 20 раз меньше
Каучук " 1939 "	54 630 700 пиастров	
" 1947 "	7 280 000 "	или в 7 раз меньше
Рис " 1939 "	2 188 000 т	
" 1947 "	40 000 т	или в 54 раза меньше
Уголь " 1939 "	1 790 390 т	
" 1947 "	45 457 т	или в 40 раз меньше

При всем этом французские империалисты сумели занять лишь крупные города и некоторые пограничные пункты, которые, впрочем, постоянно подвергаются атакам наших войск и партизан. С огромным трудом французам удалось создать марионеточное правительство во главе с генералом, французским подданным Нгуен Ксюаном. Это правительство является посмешищем даже во французских кругах.

Не сумев одолеть неуловимых и вездесущих партизан, французские войска обрушились на гражданское население

и стали совершать по отношению к нему гнусные зверства, нисколько не уступающие зверствам гитлеровцев. Более 400 тысяч стариков, женщин и детей зверски убито. Разграблены и сравнены с землей целые деревни.

Поступая таким образом, французские империалисты лишь усилили ненависть к себе вьетнамского народа и его решимость бороться за окончательную победу.

В таких условиях со дня на день укреплялось правительство Вьетнамской республики во главе с президентом Хо Ши-мином. Ведя вооруженную борьбу против захватчиков, оно перестроило страну на демократической основе и нашло средства, необходимые для долгой борьбы за сохранение независимости:

- создание, помимо регулярной армии, милиции и отрядов местной самообороны;

- создание деревень-крепостей;

- проведение конституции, принятой в ноябре 1946 г.;

- укрепление народной власти в системе управления путем всеобщего избирательного права;

- создание трудового кодекса для рабочих;

- сокращение арендных ставок для крестьян на 50%;

- интенсификация производства, чтобы преградить путь голоду;

- организация патриотического соревнования во всех областях народного хозяйства;

- ликвидация неграмотности и закладка основ народной культуры;

- введение устойчивой денежной системы и укрепление экономики.

Правительство республики добилось беспрецедентных успехов во всех сферах деятельности, которые еще более усиливают не только непоколебимую уверенность народа в окончательной победе над агрессией империалистов, но и его крепкую веру в близкое и лучезарное будущее для всей страны. Чем же объяснить все эти успехи? Причины их точно указал президент Хо Ши-мин на совещании с делегатами Нам-Бо.

Своими успехами мы обязаны:

1. Полному осуществлению политики национального единства.

2. Героическому духу самопожертвования, которым исполнены армия и народ.

3. Справедливости нашей политики и разумному применению этой политики нашими кадрами сверху донизу.

4. И, наконец, растущей поддержке демократических сил всего мира.

Поэтому день 19 декабря празднуют во всем Вьет-Наме как одну из великих национальных годовщин. Наступление этого дня вызывает в амяти вьетнамцев воспоминание об эпизодах той кровопролитной, трудной, беспощадной борьбы, которую они вели и ведут против французских империалистов в защиту независимости и единства своей родины. Даже краткий обзор пережитых испытаний и свершенных подвигов, а также успехов, достигнутых во всех областях хозяйства и культуры, непрестанно укрепляет в них страстную веру в неизбежную, полную и окончательную победу Демократической республики Вьет-Нам над французскими империалистическими захватчиками. Отнюдь не собираясь почить на лаврах, полностью сознавая как сильные, так и слабые свои стороны и огромные трудности, ожидающие их с приближением к цели, уверенные в мудром руководстве своего любимого и уважаемого вождя президента Хо Ши-мина, вьетнамцы не страшатся никаких препятствий и идут прямо к победе —

к независимому и единому Вьет-Наму,

к Вьет-Наму демократическому и процветающему!

Успехи управления по народному просвещению за три года

(Сообщение вьетнамского Информационного агентства)

Управление по народному просвещению, созданное 8 сентября 1945 г., существует уже в течение трех лет. За эти три года оно вело непримиримую кампанию борьбы с неграмотностью и добилось блестящих успехов... В одном лишь Северном и Центральном Вьет-Наме число людей, умеющих читать и писать, составляет теперь 6600 тыс. В Южном Вьет-Наме, по последним данным, посещало или продолжает посещать начальные школы 800 тыс. человек.

Замечательно, что в ряде районов неграмотность ликвидирована полностью. Сотни тысяч деревень закончили кампанию по борьбе с неграмотностью, и Управление по

народному просвещению решило в ближайшем будущем закончить эту кампанию в других частях Южного Вьетнама.

В речи, произнесенной по случаю третьей годовщины со дня создания Управления, ее генеральный директор Нгуен Конг-май выразил убеждение в том, что к 8 сентября 1949 г. неграмотность будет ликвидирована во всей стране.

Уполномоченный вьетнамского правительства на Юге Фам Ван-донг также обратился к работникам Управления с письмом по поводу трехлетия и отметил важность кампании по ликвидации неграмотности.

* * *

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Вступительная статья	5
<i>Андре Виолис.</i> Временное разочарование	23
<i>Проф. Буайе.</i> Краткие сведения о Вьет-Наме	26
<i>Жан Ован.</i> Шестьдесят лет борьбы за национальную независи- мость	37
<i>Сенк-Марс.</i> Аспекты колонизации	47
Виши и захват Японией Индо-Китая	66
Вьет-Мин	74
Демократическая республика Вьет-Нам	86
Обманутая надежда	96
<i>Андре Лескюр.</i> Завоевательная война	113
<i>Морис Мишель.</i> Безымянная война	136
<i>Анри Верг.</i> «Я видел вождей Нам-Бо»	140
<i>В. Ледюк.</i> Истинный смысл декларации Боллаэрта	145
<i>Андре Морэн.</i> Мир еще возможен	147
Приложение	151

Редакторы *А. Зактрегер и И. Тихомирова*

Технический редактор *А. П. Дронов*

Корректор *А. Алябьев*

Сдано в производство 17/III 1949 г.

Подписано к печати 5/IV 1949 г.

А03836. Печ. л. 10¹/₂. +4 вклейки Уч. изд. 8,6.

Формат 84×108¹/₃₂

Изд. № 7/571

Цена 8 руб. 40 к.

Зак. № 332

22-я типография треста «Полиграфкнига» Главного Управления по делам полиграфиче-
ской промышленности, издательств и книжной торговли
при Совете Министров СССР.

Москва, Ново-Алексеевская ул., д. 52